

Демографическое обозрение

электронный
научный журнал

Том 2, № 4, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и методология

НЕЗАМЕЧЕННЫЙ ВКЛАД В ТЕОРИЮ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА
АНАТОЛИЙ ВИШНЕВСКИЙ, МАРК ТОЛЬЦ

ПРИЛОЖЕНИЯ

LE CYCLE DE POPULATION DANS LES PAYS MODERNES

Alexandre Koulicher

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЦИКЛ В СОВРЕМЕННЫХ СТРАНАХ

Александр Кулишер

CRITIQUE DU LIVRE «LA RÉVOLUTION DÉMOGRAPHIQUE» D'ADOLPHE LANDRY

Alexandre Koulicher

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ АДОЛЬФА ЛАНДРИ «ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Александр Кулишер

Аналитика

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИТОГИ 2014 ГОДА. КРАТКИЙ ДОКЛАД
ИНСТИТУТ ДЕМОГРАФИИ НИУ ВШЭ

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНЕННЫХ СОБЫТИЙ У РОССИЙСКИХ МУЖЧИН,
СЛУЖИВШИХ И НЕ СЛУЖИВШИХ В АРМИИ

ЕКАТЕРИНА МИТРОФАНОВА, АЛЁНА АРТАМОНОВА

СМЕРТНОСТЬ В РОССИИ В СВЕТЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ

АЛЕКСАНДР НЕМЦОВ

ИНТЕГРАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОТЕРЬ ОТ СМЕРТНОСТИ И
ТРАВМАТИЗМА В РЕЗУЛЬТАТЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ В РОССИИ

АЛЕКСАНДР РАМОНОВ

Новое в зарубежных журналах

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ

ИЛЬЯ КАШНИЦКИЙ

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ • DEMOGRAPHIC REVIEW

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Е.М. АНДРЕЕВ
А. БЛЮМ (Франция)
А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
М.Б. ДЕНИСЕНКО
В.В. ЕЛИЗАРОВ
С.В. ЗАХАРОВ
С.Ф. ИВАНОВ
А.Е. ИВАНОВА

М.А. КЛУПТ
Н.В. МКРТЧЯН
Л.Н. ОВЧАРОВА
А.И. ПЬЯНКОВА
С.Ю. РОЩИН
С.А. ТИМОНИН
А.И. ТРЕЙВИШ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Б. АНДЕРСОН (США)
И.И. ЕЛИСЕЕВА
Н.В. ЗУБАРЕВИЧ
Э.М. ЛИБАНОВА (Украина)
Т.М. МАКСИМОВА
Ф. МЕЛЕ (Франция)
С.Ю. НИКИТИНА
В. СТАНКУНЕНЕ (Литва)
В.М. ШКОЛЬНИКОВ (Германия)

О.Е. ГАГАУЗ (Молдавия)
Ж.А. ЗАЙОНЧКОВСКАЯ
В.А. ИОНЦЕВ
М. ЛИВИ БАЧЧИ (Италия)
Т.М. МАЛЕВА
Б.Н. МИРОНОВ
З. ПАВЛИК (Чешская Республика)
М. ТОЛЬЦ (Израиль)
С.Я. ЩЕРБОВ (Австрия)

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор – Анатолий Григорьевич ВИШНЕВСКИЙ
Заместитель главного редактора – Сергей Андреевич ТИМОНИН
Ответственный секретарь редакции – Анастасия Ивановна ПЬЯНКОВА
Корректор - Наталия Станиславовна ЖУЛЕВА
Компьютерная вёрстка и графика – Кирилл Владимирович РЕШЕТНИКОВ

Журнал зарегистрирован 28 июля 2014 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-58868.

ISSN 2409-2274

Адрес редакции:

109028 Россия, г. Москва, Большой Трёхсвятительский пер., дом 3, офис 303
Телефон: 8-495-772-95-90*11864 / *11824
www.demreview.hse.ru
E-mail: demreview@hse.ru

Выпускается ежеквартально. Издается с 2014 года.

**Все рукописи проходят обязательное предварительное рецензирование.
Позиция Редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.
Перепечатка материалов возможна только по согласованию с Редакцией.**

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ • DEMOGRAPHIC REVIEW

EDITORIAL BOARD:

E. ANDREEV
A. BLUM (France)
A. VISHNEVSKY
M. DENISSENKO
V. ELIZAROV
S. ZAKHAROV
S. IVANOV
A. IVANOVA

M. KLUPT
N. MKRTCHYAN
L. OVCHAROVA
A. PYANKOVA
S. ROSCHIN
S. TIMONIN
A. TREIVISCH

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

B. ANDERSON (USA)
I. ELISEEVA
N. ZUBAREVICH
E. LIBANOVA (Ukraine)
T. MAKSIMOVA
F. MESLÉ (France)
S. NIKITINA
V. STANKUNIENE (Lithuania)
V. SHKOLNIKOV (Germany)

O. GAGAUZ (Moldova)
Z. ZAYONCHKOVSKAYA
V. IONTSEV
M. LIVI BACCI (Italy)
T. MALEVA
B. MIRONOV
Z. PAVLIK (Czech Republic)
M. TOLTS (Israel)
S. SCHERBOV (Austria)

EDITORIAL OFFICE:

Editor-in-Chief - Anatoly G. VISHNEVSKY
Deputy Editor-in-Chief - Sergey A. TIMONIN
Managing Editor – Anastasia I. PYANKOVA
Proofreader - Natalia S. ZHULEVA
Design and Making-up - Kirill V. RESHETNIKOV

The journal is registered on July 28, 2014 in the federal service for supervision of communications, information technology, and mass media.

Certificate of mass media registration ЭЛ № ФС77-58868.

ISSN 2409-2274

Editorial address:

Bolshoy Trekhsvyatitelskiy lane 3, office 303, Moscow, 109028, Russia
Phone: 8-495-772-95-90 * 11864 / *11824
www.demreview.hse.ru
E-mail: demreview@hse.ru

Released quarterly. Published since 2014.

All manuscripts are obligatory peer-reviewed.

**Editorial office position does not necessarily coincide with the views of the authors.
Reproduction of any materials is possible only by agreement with the editorial office.**

СОДЕРЖАНИЕ
Декабрь 2015, Т.2, №4

Теория и методология

**НЕЗАМЕЧЕННЫЙ ВКЛАД В ТЕОРИЮ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА 6-27**

Анатолий Вишневский, Марк Тольц

Приложения

**LE CYCLE DE POPULATION DANS LES PAYS
MODERNES..... 28-29**

Alexandre Koulicher

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЦИКЛ В СОВРЕМЕННЫХ СТРАНАХ..... 29-30

Александр Кулишер

**CRITIQUE DU LIVRE «LA RÉVOLUTION DÉMOGRAPHIQUE» D'ADOLPHE
LANDRY..... 30-32**

Alexandre Koulicher

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ АДОЛЬФА ЛАНДРИ «ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ»..... 32-34**

Александр Кулишер

Аналитика

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИТОГИ 2014 ГОДА.
КРАТКИЙ ДОКЛАД 35-76**

Институт демографии НИУ ВШЭ

**ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНЕННЫХ СОБЫТИЙ У
РОССИЙСКИХ МУЖЧИН, СЛУЖИВШИХ И НЕ
СЛУЖИВШИХ В АРМИИ 77-110**

Екатерина Митрофанова, Алёна Артамонова

**СМЕРТНОСТЬ В РОССИИ В СВЕТЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ
АЛКОГОЛЯ 111-135**

Александр Немцов

**ИНТЕГРАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ
ПОТЕРЬ ОТ СМЕРТНОСТИ И ТРАВМАТИЗМА В
РЕЗУЛЬТАТЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ
ПРОИСШЕСТВИЙ В РОССИИ 136-149**

Александр Рамонов

Новое в зарубежных журналах

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ 150-172

Илья Кашницкий

Sanderson W.C., S. Scherbov. Faster increases in human life expectancy could lead to slower population aging

Dukhovnov D., E. Zagheni. Who takes care of whom in the United States? Time transfers by age and sex

Wahrendorf M. Previous employment histories and quality of life in older ages: sequence analyses using SHARELIFE

Norberg K., J. Pantano. Cesarean sections and subsequent fertility

Fox J., M. Myrskylä. Urban fertility responses to local government programs: Evidence from the 1923-1932 U.S.

Herr J.L. Measuring the effect of the timing of first birth on wages

Myrskylä M., R. Margolis. Happiness: before and after the kids

Switek M. Internal migration and life satisfaction: Well-being paths of young adult migrants

Van Mol C., H.A.G. de Valk. Relationship satisfaction of European binational couples in the Netherlands

Klüsener S., J.R. Goldstein. A long-standing demographic East-West divide in Germany

Barclay K., M. Kolk. Birth order and mortality: A population-based cohort study

CONTENTS
December 2015, 2(4)

Theory and methodology

**AN UNNOTICED CONTRIBUTION TO DEMOGRAPHIC
TRANSITION THEORY 6-27**

Anatoly Vishnevsky, Mark Tolts

Appendix

**LE CYCLE DE POPULATION DANS LES PAYS MODERNES (FRENCH ORIGINAL
AND RUSSIAN TRANSLATION)..... 28-29**

Alexandre Koulicher

**CRITIQUE DU LIVRE «LA RÉVOLUTION DÉMOGRAPHIQUE» D'ADOLPHE
LANDRY (FRENCH ORIGINAL AND RUSSIAN
TRANSLATION)..... 30-34**

Alexandre Koulicher

Analytics

DEMOGRAPHIC RESULTS OF 2014. A BRIEF REPORT 35-76

Institute Of Demography, Higher School Of Economics

**THE SEQUENCE OF LIFE EVENTS OF RUSSIAN MEN
SERVING AND NOT SERVING IN THE MILITARY 77-110**

Ekaterina Mitrofanova, Alyona Artamonova

**MORTALITY IN RUSSIA IN THE LIGHT OF ALCOHOL
CONSUMPTION 111-135**

Alexander Nemtsov

**INTEGRAL INDICATORS OF DEMOGRAPHIC LOSSES
FROM DEATHS AND INJURIES DUE TO ROAD ACCIDENTS
IN RUSSIA 136-149**

Aleksander Ramonov

New in foreign journals

DEMOGRAPHIC DIGEST 150-172

Ilya Kashnitsky

Sanderson W.C., S. Scherbov. Faster increases in human life expectancy could lead to slower population aging

Dukhovnov D., E. Zagheni. Who takes care of whom in the United States? Time transfers by age and sex

Wahrendorf M. Previous employment histories and quality of life in older ages: sequence analyses using SHARELIFE

Norberg K., J. Pantano. Cesarean sections and subsequent fertility

Fox J., M. Myrskylä. Urban fertility responses to local government programs: Evidence from the 1923-1932 U.S.

Herr J.L. Measuring the effect of the timing of first birth on wages

Myrskylä M., R. Margolis. Happiness: before and after the kids

Switek M. Internal migration and life satisfaction: Well-being paths of young adult migrants

Van Mol C., H.A.G. de Valk. Relationship satisfaction of European binational couples in the Netherlands

Klüsener S., J.R. Goldstein. A long-standing demographic East-West divide in Germany

Barclay K., M. Kolk. Birth order and mortality: A population-based cohort study

НЕЗАМЕЧЕННЫЙ ВКЛАД В ТЕОРИЮ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА *

К 125-летию со дня рождения Александра Кулишера

АНАТОЛИЙ ВИШНЕВСКИЙ, МАРК ТОЛЫЦ

Живший во Франции русский эмигрант, бывший приват-доцент Петроградского университета Александр Кулишер (1890-1942) был одним из первопроходцев теории демографического перехода, однако его вклад в развитие этой теории остался почти незамеченным и явно недооцененным. В статье излагается научная биография А.М. Кулишера и анализируются его взгляды на демографический переход (демографическую революцию), нашедшие отражение в публикациях А.М. Кулишера первой половины 1930-х годов на немецком и французском языках. В приложении к настоящей статье приводятся (на языке оригинала и в русском переводе) две забытые публикации А.М. Кулишера, в которых отражено его видение демографического перехода.

Ключевые слова: история демографии, демографический переход, демографическая революция, рождаемость, смертность, миграция, Александр Михайлович Кулишер.

1

По замечанию британского историка и демографа Саймона Шретера, теория демографического перехода родилась дважды [Szreter 1993: 661]: в первые десятилетия XX века и в 1940-е годы. Если это замечание верно, то наша статья касается первого рождения теории, потому что главный герой этой статьи, к сожалению, не пережил 1940-е годы.

Существует каноническая история раннего периода жизни теории демографического перехода, которая связывает ее происхождение прежде всего с двумя именами: Адольфа Ландри и Уоррена Томпсона.

В самом деле, Ландри еще в статье 1909 г. [Landry 1909] обратил внимание на появление «нового демографического режима», который требует и новой теории населения, но, как он писал тогда, «эта новая теория населения, по правде говоря, еще не вполне сложилась, пока она еще только складывается» [Landry 1982: 183]. Теория демографического перехода и стала этой «новой теорией», которая тогда только смутно просматривалась в упоминании «нового демографического режима», но получила впоследствии заметное развитие в книге Ландри «Демографическая революция», вышедшей в 1934 г. [Landry 1934], а в более сжатом виде – в одноименной статье годом ранее [Landry 1933].

АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ВИШНЕВСКИЙ. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ» (РОССИЯ).
E-mail: avishnevsky@hse.ru

МАРК ТОЛЫЦ. ИЕРУСАЛИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (ИЗРАИЛЬ).
E-mail: mark.tolts@mail.huji.ac.il.

Статья поступила в редакцию в октябре 2015 г.

* В статье использованы результаты исследований, выполнявшихся в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 – 2015 годах

Что касается Уоррена Томпсона, то его первый кирпич в здание будущей теории был заложен в статье 1929 г. [Thompson 1929], в которой он выделил три группы стран, различавшихся в то время соотношением рождаемости и смертности и, соответственно, естественным приростом населения, и так же, как и Ландри, предположил, что по мере индустриализации все страны будут дрейфовать в направлении группы с низкими уровнями смертности и рождаемости.

Иногда круг первопроходцев теории предлагают расширить. Например, тот же Шретер предлагает включить в их число Луйо Brentано, Александра-Морриса Карр-Саундерса, Томаса Генри Крейга Стивенсона и Леона Рабиновича [Szreter 1993: 694]. В нашу задачу не входит обсуждение всего круга вопросов, относящихся к ранней истории теории демографического перехода. Мы немного остановимся лишь на последнем из названных авторов, потому что он – единственный из них, кто довольно широко известен российским демографам и именно как один из ранних представителей теории.

Как указывает Шретер, он узнал о вкладе Леона Рабиновича, автора вышедшей в 1929 г. в Париже книги «Проблема населения во Франции, предваряемая общей историей населения. Очерк социологии населения» [Rabinowicz 1929], из статьи чехословацкой исследовательницы Алены Шубртовой [Subrtova 1984], на которую его внимание обратил Ж. Буржуа-Пиша [Szreter 1993: 694]. Однако значительно раньше статья А. Шубртовой попала в поле зрения российского демографа В.А. Борисова, который опубликовал на ее основе свою работу под названием «Еще одна дата возникновения теории демографической революции» [Борисов 1986].

В самом деле, одна из глав книги Л. Рабиновича называется «Демографическая революция», а так как эта книга появилась раньше публикаций Ландри, в которых использовалось это выражение, то и А. Шубртова, и В. Борисов видели в этом основание (по нашему мнению, недостаточное) считать ее автора одним из первопроходцев теории демографического перехода.

Судя по публикациям Шубртовой, Борисова и даже Шретера, обращаясь к книге Леона Рабиновича, они мало что знали о самом авторе, выходеце из Польши, издавшем книгу в Париже в возрасте 28 лет, и считали его следы утерянными. В конце 1986 г., уже после выхода статьи Борисова, один из авторов настоящей статьи встретился на конференции в Берлине с Юджином Гребеником, многолетним издателем английского журнала “Population Studies”, и спросил его, слышал ли он что-нибудь о Леоне Рабиновиче. Ответ был неожиданным: Гребеник не только слышал о нем, но знал его лично, Леон Рабинович был еще жив, он только сменил фамилию. Теперь его звали Леон Радзинович, с 1970 г. – сэр Леон Радзинович. Он сделал блестящую научную карьеру и приобрел мировое имя в области криминологии, стал основателем и первым директором Института криминологии Кембриджского университета. К демографии после выхода книги 1929 г. он больше никогда не обращался.

Когда эта информация дошла до В. Борисова, он написал письмо Л. Радзиновичу и получил от него ответ. В свою очередь, Шубртова в ответ на письмо Борисова сообщила, что она тоже уже знала о существовании Леона Радзиновича. Он был в живых еще в 1985 г. – указывала она [Переписка... 2007] (Л. Радзинович умер в 1999 г. в возрасте 93 года).

В своем ответе В. Борисову Л. Радзинович, в частности, написал: «Я продолжаю удивляться, будто я первым употребил это выражение (демографическая революция). Мне представляется вполне естественным его употребление». В этом он, пожалуй, был прав.

В. Борисов написал Л. Радзиновичу еще одно письмо, в котором он спрашивал, известна ли была его книга Адольфу Ландри. Ответа на это письмо он не получил. Но нам представляется маловероятным, чтобы Ландри не знал о вышедшей в Париже книге, посвященной проблемам населения Франции. Не исключено, что она и подсказала ему название статьи 1933 г., а затем и книги 1934 г. Однако употребление удачного выражения и формулирование плодотворной научной идеи – это не одно и то же.

Леон Рабинович (Радзинович) также был не первым автором, употребившим словосочетание «демографическая революция». Самое раннее известное нам его употребление встречается у советского (украинского) демографа Арсения Хоменко в брошюре, опубликованной в 1925 г. на украинском языке [Хоменко 1925], где, говоря об изменении коэффициентов рождаемости и смертности на Украине в ходе военных и революционных потрясений, он пишет: «в результате всего этого происходит целая демографическая революция» [Хоменко 1980: 104]. В данном случае словом «революция», тогда витавшим в воздухе, этот автор хотел просто подчеркнуть масштабность происходивших перемен, но не претендовал ни на какие теоретические обобщения. Примерно так же обстояло дело и с Леоном Рабиновичем.

Трудно согласиться с А. Шубртовой, когда она пишет, что он был «первым, кто употребил термин «демографическая революция» в том понятийном смысле, в каком его использует теперь большинство демографов» [Subrtova 1984]. Большинство демографов используют его в контексте теории демографической революции или демографического перехода – как кому больше нравится, – но речь всегда идет, как говорит и сама Шубртова, цитируя Зденка Павлика, о перевороте, изменившем «количественно-качественный характер» воспроизводства населения, «что наиболее ярко проявляется в изменениях уровней рождаемости и смертности, возрастной структуры населения» [Pavlik 1981: 21]. Л. Рабинович пишет и о рождаемости, и о смертности, и об их изменениях, но «революцию» он видит не в этом. «Мы можем, не опасаясь преувеличения, сказать, – писал он, – что промышленная революция вызвала настоящую демографическую революцию. Мы рассмотрим ее с трех точек зрения: 1) общий рост населения Англии; 2) перемещение демографических центров; 3) урбанизация страны» [Rabinowicz 1929: 139]. Здесь слово «революция» употреблено, чтобы указать на важность, масштабность того, что происходило с населением, такое словоупотребление вполне оправдано, но в нем не содержится того обобщения, которое дало толчок развитию теории.

2

Сейчас мы хотим дополнить список первопроходцев теории демографического перехода еще одним блестящим именем, которое, хотя и не совсем незнакомо демографам, но никогда не упоминается в связи с этой теорией. Между тем, речь идет о человеке, который не только буквально в нескольких словах изложил смысл того, что теперь называют

«демографическим переходом», но и проницательно указал на будущий глобальный смысл этой теории, чего не сделал никто из его современников.

В научном мире хорошо знают историка Иосифа Кулишера, автора классического, не раз переиздававшегося в России¹ и переведенного на многие языки (немецкий, итальянский, японский и др.) труда «История экономического быта Западной Европы». На Западе широко известна изданная вскоре после Второй мировой войны книга его брата Евгения Кулишера «Европа в движении: война и изменения населения, 1917-1947» [Kulischer E. 1948] (кстати, именно Евгению Кулишеру принадлежит выражение «перемещенные лица» – *displaced persons* [Тольц 2015a]). Менее известно, что у Иосифа и Евгения Кулишеров был младший брат Александр, также выдающийся ученый, о котором и пойдет речь ниже.

Александр Кулишер родился в Петербурге 9 (21) февраля 1890 г.² В 1907 г. он окончил там с золотой медалью гимназию Святой Анны (Анненшуле) [Дело... 1907]. Александр, как и его братья, испытал огромное влияние их отца Михаила Игнатьевича Кулишера, являвшего собой яркий пример ученого-энциклопедиста [Тольц 2015b]. Тот был широко известен в России как этнограф, историк и социолог, причем не только среди узких специалистов. Будучи ярким публицистом, он много печатался в толстых журналах. Немало его статей было опубликовано и в немецких научных изданиях, что сделало их автора известным за пределами России.

Александр был младшим в семье Кулишеров. Как и все его братья, а до этого – их отец, он получил образование на юридическом факультете Петербургского университета, полный курс которого окончил в 1911 г. [Дело... 1907]. Характеризуя впоследствии научный путь каждого из братьев Кулишеров, современники неизменно называли их учениками известного русского социолога М.М. Ковалевского³, преподававшего в университете, где они учились. Во время учебы в университете Александр, как и Евгений, были активными участниками студенческого кружка видного правоведа и социолога Л.И. Петражицкого [Шульговский 1910]. Из этого кружка вышли такие крупнейшие русские обществоведы, как П.А. Сорокин, Г.Д. Гурвич, Н.С. Тимашев, Н.Д. Кондратьев и др. [Голосенко, Сербенко 1999].

Окончив университет, Александр два года стажировался в Оксфорде под руководством известного русско-британского историка и правоведа П.Г. Виноградова. После этого «он вернулся в Россию с заслуженной репутацией лучшего знатока английского конституционного права» [Гурвич 1942: 374]. Сотрудничество Александра со своим оксфордским наставником продолжалось и после отъезда из Англии. Так, при публикации в 1915 г. одной из своих книг этот ученый отметил А.М. Кулишера среди тех, кто оказал ему помощь «при переделке английского издания в русский текст» [Виноградов

¹ Последнее переиздание – [Кулишер И. 2012].

² Уточнено по студенческому делу Александра Кулишера [Дело... 1907]. Авторы выражают глубокую благодарность А.И. Хаешу, предоставившему данные из этого источника.

³ В библиотеке этого ученого хранится отпечаток одной из статей А.М. Кулишера с такими словами: «Глубокоуважаемому Максиму Максимовичу Ковалевскому от ученика, автора» [Матиева 2008: 56].

2014: 4]. Когда П.Г. Виноградов умер, Александр опубликовал обширный некролог [Кулишер А. 1925].

В те годы в центре научных интересов А.М. Кулишера были государственный строй Англии и проблемы самоопределения Ирландии. Этой проблематике он посвятил две статьи: «Государственное единство Англии и гомруль» и «Ирландский гомруль и английский федерализм», которые были затем изданы вместе под общим заглавием «Автономия Ирландии» [Кулишер А. 1915].

Знания А.М. Кулишера в области конституционного права оказались востребованными после Февральской революции 1917 г., когда он принял активное участие в формировании новой концепции устройства высших органов власти страны [Временное Правительство... 1928]. Кроме того, А.М. Кулишер входил в состав Комиссии по реформе местного самоуправления [Административные реформы... 2006: 404]. Это был его звездный час как правоведа. Понятно, впрочем, что вся проделанная работа оказалась напрасной, поскольку власть в России в конце года захватили сторонники совсем другой концепции государства.

К Октябрьскому перевороту 1917 г. Александр, как и другие члены его семьи, отнесся резко отрицательно. Все Кулишеры принадлежали к конституционно-демократической партии, которая после прихода к власти большевиков была объявлена вне закона. Вскоре его брат Евгений был вынужден скрываться в Финляндии, после чего в 1918 г. уехал в Киев [«The Gazette» 1942: 22]. В декабре 1919 г. был арестован ЧК самый старший из братьев Кулишеров – Иосиф, но вскоре, впрочем, освобожден по ходатайству университета, где он работал [Виноградов 2003: 228]. За три месяца до того, в сентябре 1919 г., был арестован и Александр в числе большой группы петроградской оппозиционной интеллигенции, но также выпущен на свободу [Сорокина 2003: 357].

В следующем году Александр избежал нового ареста только благодаря бегству из Петрограда, когда на квартире его уже ждала засада чекистов [Кулишер А. 1927]. Так закончилась его работа в Петроградском университете, где он был приват-доцентом. В июле Александр, как он впоследствии писал, проделал нелегкий в тогдашних условиях путь через Харьков в Киев [Kulischer A. 1921: 36], где воссоединился с братом Евгением. Оттуда начнется их небезопасный путь на Запад. Родину, где победили большевики, братья покинули в конце 1920 г.

В эмиграции А.М. Кулишер энергично возобновляет научную деятельность. Вскоре после своего приезда в Берлин, в 1921 г., он публикует там на немецком языке книгу «Сущность советского государства» [Kulischer A. 1921]⁴. Эта книга удостоилась восторженного отзыва даже такого далекого от его политических воззрений видного деятеля германской социал-демократии, как Э. Бернштейн [Bernstein 1922]. Через два года там же появилась в двух переводах книга А.М. Кулишера о молодом Б. Дизраэли [Кулишер А. 1923].

⁴ Необходимо отметить, что в публикациях Александра Кулишера на разных языках написание его фамилии давалось неодинаково: Kulischer на немецком, Koulicher на французском и Koulisher на английском.

В 1923 г. в Берлине открывается Русский научный институт. В его ученый совет, наряду с другими известными учеными-эмигрантами, входит и А.М. Кулишер [Русский Берлин 2003: 287]. Но этот институт в дальнейшем не стал местом его работы. А.М. Кулишер предпринимает настойчивые попытки найти себе место преподавателя в каком-либо университете, пусть даже и за океаном, которые, однако, кончаются неудачей. Э. Росс, известный американский социолог, активно занимавшийся судьбой русских ученых-изгнанников (он, в частности, проложил дорогу в США П.А. Сорокину), рекомендовал А.М. Кулишера восемнадцати американским университетам [Дойков 2009: 124]. Но закончились все его хлопоты безрезультатно, не помогло даже хорошее знание английского языка. Скорее всего, дело было в его происхождении: «евреи не допускались на многие преподавательские должности в американских университетах в 1920-е и последующие годы» [Rabkin 2015: 68]⁵.

В том же 1923 г. А.М. Кулишер переезжает в Париж и начинает работать в наиболее авторитетной газете русской эмиграции – «Последние новости», руководимой известным историком, бывшим министром Временного правительства П.Н. Милюковым. В этой газете до самого ее закрытия в 1940 г. он был одним из ведущих публицистов (некоторые материалы он подписывал псевдонимами Юниус и М. Александров, другие шли и вовсе без подписи как передовые статьи). Роль Александра Кулишера в газете была столь заметна, что оппоненты называли ее «органом Милюкова-Кулишера» (см., например, [«Возрождение» 1936: 2]). Так пригодились унаследованные от отца способности, ведь тот в 1880-1886 гг. руководил в Киеве изданием одной из лучших русских провинциальных газет [Тольц 2015b].

Во французской столице А.М. Кулишер читал лекции на русском отделении юридического факультета Сорбонны и во Франко-русском институте социальных и политических наук, а также во многих других учебных заведениях и общественных организациях. Однако в своих публикациях на иностранных языках он неизменно указывал былую принадлежность к Петроградскому университету. А.М. Кулишер избирался членом правления Русского академического союза в Париже [Серков 2001: 443-444]. При этом он еще и увлеченно участвовал в различных политических начинаниях как общерусской эмиграции, так и ее еврейской части.

Отец Александра Кулишера более сорока лет работал над проблемами миграции и оставил неоконченной рукопись на немецком языке, которая имела название «Войны и переселения» [Тольц 2015b]. Оказавшись в эмиграции, его младший сын не забыл о наследии покойного отца. В 1924 г. во французском журнале появляется статья А.М. Кулишера «Теория движения народов и гражданская война в России» [Кулишер А. 2014], где излагается миграционная концепция М.И. Кулишера в том виде, как она была сформулирована в его неоконченной рукописи, и на ее основе автором дается оригинальная трактовка послереволюционных событий в России.

⁵ Только незадолго до своей гибели Александр Кулишер все-таки получил место, которым не смог воспользоваться, в одном из американских университетов – Новой школе социальных наук, но это произошло слишком поздно, чтобы изменить его судьбу [Гурвич 1942].

Постепенно Александр Кулишер стал уделять миграционной тематике и проблемам населения все большее внимание, выступать с лекциями, посвященными этим вопросам. На первой Всемирной конференции по народонаселению (Женева, 1927), где он указан как представитель России (а один раз – как представитель СССР), А.М. Кулишер выступает с докладом «Некоторые аспекты проблемы миграции» [Koulisher A. 1927b] и активно участвует в прениях по миграционной тематике. Интересно, что его высказывания 1927 г. не утратили актуальности и сейчас и не без оснований продолжают привлекать внимание специалистов (см., например, [Bashford 2007]).

Видимо, примерно в это время начинается тесное сотрудничество в области миграционных исследований Александра и Евгения Кулишеров. Первым свидетельством такого сотрудничества стало их совместное участие в VI Международном конгрессе исторических наук (Осло, 1928), где из-за возражений советской делегации Александру Кулишеру, как и другим русским ученым-эмигрантам, уже не было разрешено представлять свою страну, чего они очень желали [Бочарова 1998: 97]. Каждый из братьев выступил там с докладом [Koulicher A. 1928; Kulischer E. 1928].

В 1932 г. выходит книга братьев на немецком языке «Войны и миграции. Всемирная история как движение народов» [Kulischer A., Kulischer E. 1932]. В ней впервые полностью представлена теория миграций Кулишеров, а история массовых передвижений в Евразии рассмотрена с VII до начала XX века. Эта книга вызвала многочисленные отклики современников (см., например, [Милуков 2015]). Впоследствии ее материалы были широко использованы многими исследователями, в том числе Ф. Броделем в его классическом труде «Материальная цивилизация, экономика и капитализм». Братьев он представил там читателю следующим образом: «Два великолепных историка» [Бродель 2006: 65].

Для нашей темы важно, что именно в этой книге впервые сформулирована мысль, которую иначе как исчерпывающим и в то же время весьма лаконичным изложением идеи демографического перехода не назовешь. К этому вопросу мы еще вернемся, но вначале закончим наш краткий биографический очерк.

Александр Кулишер не потерял интереса к своей изначальной специальности (правоведению) и в первой половине 1930-х годов опубликовал три статьи на французском языке в престижных юридических изданиях: «Четыре конституции Англии» [Koulicher A. 1932], «Множественность источников в конституционном праве» [Koulicher A. 1934a] и «Английская демократия и право роспуска» [Koulicher A. 1935]. Современники оценивали работы из этого цикла очень высоко: «замечательное исследование» [Гессен 2011: 96], «этуд совершенно исключительный по блеску» [Гурвич 1942: 374], «блестящее исследование» [Dahl 1936: 166].

Но все же эти публикации, обратившие на себя внимание правоведов, были, скорее, данью прошлому. Хорошо знавший А.М. Кулишера его давний друг Г.Д. Гурвич отмечал: «С годами он все более увлекался социологией. Проблемы демографии и миграции народов специально увлекали его» [1942: 374].

В 1937 г. братья начинают работу над новой книгой, посвященной миграциям в Европе во время Первой мировой войны и в последующий период. Эта книга должна была

стать продолжением, вторым томом их совместного труда, опубликованного на немецком языке. С одним из ранних вариантов ее рукописи были ознакомлены составители обзора о положении беженцев в Европе, которые использовали содержащиеся там материалы в своем фундаментальном отчете [Simpson 1939: 64]. Как писал хорошо осведомленный и авторитетный свидетель, братья успели завершить эту книгу: «Второй том на французском языке, предсказавший войну, был подготовлен к печати. Занятие Парижа помешало его появлению» [Гурвич 1942: 375]⁶.

Братья решают бежать из поверженной Франции. Однако осенью 1941 г. Александр Кулишер был арестован петеновскими властями при переходе в «Свободную зону». Он погиб в феврале 1942 г.⁷ в вишистском концлагере Ной при обстоятельствах, не установленных до настоящего времени [Тольц 2014].

3

Вернемся к книге Александра и Евгения Кулишеров и процитируем интересующее нас место.

«Процесс «модернизации» развития населения, который наблюдается в разных странах в разное время, может идти разными темпами, но все же в общих чертах всегда одинаков, и, очевидно, обязательно связан с проникновением современной культуры в какую-либо страну. Он включает в себя *уменьшение как смертности, так и рождаемости, причем, однако, первая в течение какого-то времени снижается больше, чем вторая*, в результате чего наступает период избыточного прироста рождений, быстрого накопления массы населения и явного и заметного для всех «перенаселения». Новейший опыт наиболее развитых в культурном отношении стран Запада, как представляется, указывает на то, что всё большее падение рождаемости в конце концов догонит снижение смертности и что всё это развитие кончится стационарным состоянием с низким значением обоих коэффициентов. Этот процесс можно объяснить тем, что снижение как смертности, так и рождаемости связано с одной и той же причиной, назовем ли мы ее повышением благосостояния или просвещением, что сказывается и на медицине и гигиене, и на новой «сексуальной морали». Можно предположить также существование взаимосвязи между падением смертности и уменьшением рождаемости, если учитывать, что уменьшение уровня

⁶ Как уже было отмечено, Е.М. Кулишер опубликовал в США книгу «Европа в движении: война и изменения населения, 1917-1947» [Kulischer E. 1948]. Первая, самая большая по объему, ее часть подробно описывает миграционные процессы в этой части света до начала Второй мировой войны. Несомненно, что основой для нее явилась неопубликованная рукопись братьев на французском языке. Вклад Александра Кулишера в эту часть книги становится еще яснее, если принять во внимание свидетельство хорошо информированного эксперта о том, что многие материалы по России и СССР, использованные в ней, просто отсутствовали в США [Gordon 1949]. Поэтому роль младшего брата в создании этой книги, видимо, до сих пор недооценена специалистами.

⁷ В имеющихся источниках приводятся две близкие даты: 6 и 13 февраля 1942 г.

смертности вызывает прогресс в развитии населения, у которого либо всё быстрее расширяется возможность пропитания, либо уровень жизни (*standard of life*) удерживается путем ориентации на небольшую семью. В любом случае, массовые миграции действуют как корректирующее средство в период слишком высокой рождаемости; они снижают перенаселенность, благодаря чему возможно сохранение достигнутых показателей смертности и *переход от старого приспособления населения к условиям существования – через «бойню смертности» – к новому приспособлению через «ответственное отношение к деторождению»* [Kulischer A., Kulischer E. 1932: 139-140].⁸

Хотя у книги, из которой взята эта цитата, два автора, сформулированные в ней положения, несомненно, принадлежат Александру Кулишеру. Это подтверждается еще двумя его забытыми публикациями на французском языке, которые приводятся в приложении к этой статье на языке оригинала и в русском переводе.

Одна из них – тезисы доклада на VII Международном конгрессе исторических наук, состоявшемся в Варшаве в 1933 г. В этих коротеньких тезисах дано предельно четкое описание этапов демографического перехода, как будто заимствованное из современной энциклопедии.

«На первом этапе население растет все быстрее и быстрее, благодаря длительному снижению смертности. Рождаемость также начинает снижаться, но с некоторым отставанием, и ее снижение идет вначале более медленно, так что избыток рождений все время увеличивается, и страна переживает настоящее «переполнение». Со временем рост [населения] все заметнее тормозится в результате снижения рождаемости, которое нагоняет снижение смертности, хотя смертность также продолжает снижаться. Относительный

⁸ Перевод Л.Э. Найдич. На языке оригинала приведенная цитата читается следующим образом: «Der Prozess der «Modernisierung» einer Bevölkerungsentwicklung, der in verschiedenen Ländern zu verschiedenen Zeiten einsetzt und sich in einem verschiedenen Tempo abspielt, aber dennoch überall in den Hauptzügen derselbe bleibt und mit dem Eindringen der modernen Kultur in ein Land notwendig verbunden zu sein scheint, besteht in einem *Rückgang sowohl der Mortalität als auch der Natalität, wobei aber in der Regel die erstere eine Zeitlang schneller sinkt als die letztere*, wodurch eine Periode steigender Geburtenüberschüsse, eines raschen Anhäufens von Bevölkerungsmassen und einer sichtbaren und allgemein empfundenen “Übervölkerung” entsteht. Die jüngste Erfahrung der kulturell führenden Völker des Abendlandes scheint darauf hinzudeuten, dass am Ende das Sinken der Sterblichkeit doch von einem immer schnelleren Geburtenrückgang eingeholt wird und dass der Abschluss der ganzen Entwicklung in einem stationären Zustand auf der Basis eines niedrigen Niveaus der beiden Faktoren bestehen muss. Man kann diesen Prozess dadurch erklären, dass man den Rückgang sowohl der Mortalität als auch der Natalität auf dieselbe Ursache zurückführt - sei es die Hebung des Wohlstandes, sei es die Aufklärung, die sich dort in Medizin und Hygiene, hier in der “neuen Sexualmoral” auswirkt. Man kann auch einen ursächlichen Zusammenhang zwischen dem Sinken der Sterblichkeit und dem Geburtenrückgang annehmen, wenn man berücksichtigt, dass eine Verminderung der Sterblichkeitsrate eine stark progressive Bevölkerungsentwicklung herbeiführt, bei der entweder der Nahrungsspielraum immer schneller ausgeweitet werden oder eine Tendenz zur Sicherung des *standard of life* durch Kleinhaltung der Familien einsetzen muss. Jedenfalls sind es aber die Großen Wanderbewegungen, die in der Periode der steigenden Geburtenüberschüsse als ein Korrektiv wirken, die Übervölkerung lindern, wodurch erst die Beibehaltung der erreichten Besserung in der Sterblichkeitsrate ermöglicht und der Übergang *von der alten Anpassung der Bevölkerung an den Nahrungsspielraum durch “Schlachthaussterblichkeit” zur neuen Anpassung durch “verantwortungsbewusste Zeugung” überbrückt wird*».

прирост сокращается, хотя абсолютные числа продолжают расти. В конце концов, ошеломляющее снижение рождаемости ведет к исчезновению избытка рождений и даже предвещает сокращение населения» [Kulischer A. 1933]⁹.

К этому надо добавить ясное понимание автором универсальности процесса и вектора его распространения в Европе – с запада на восток. Интерпретация французского варианта демографического развития в XIX веке как особого случая, но тоже вписывающегося в общую схему развития, сейчас общепризнанная, в начале 1930-х годов была далеко не так очевидна.

Но наиболее интересна еще одна публикация А.М. Кулишера – его рецензия на «Демографическую революцию» Адольфа Ландри [Landry 1934], появившаяся в том же году, когда вышла эта книга [Koulicher A. 1934b]. Эта весьма положительная и благожелательная рецензия содержит в то же время и немаловажные критические замечания, которые говорят о том, что у рецензента существует своя выношенная позиция, позволяющая ему говорить с автором книги на равных.

Отметив, что научный уровень книги «намного превосходит почти все, что было написано представителями наталистской школы», А.М. Кулишер сразу же дистанцируется от «натализма» как от «предубеждения». При этом его положительная оценка книги основана на том, что ее автор, *вопреки* предубеждению, представляет факты, способные это предубеждение разрушить.

Хотя Ландри обеспокоен падением рождаемости, которое, как ему представляется, ведет к депопуляции, он, замечает А.М. Кулишер, «без оглядок» описывает прежний, «примитивный» режим, при котором «соответствие численности населения его экономическим ресурсам обеспечивается смертностью – в том числе в результате всеобщего голода и эпидемий». Пути назад нет, и дальнейшие рассуждения автора рецензии в каком-то смысле предвосхищают дожившие до наших дней споры демографов о способности демографической революции (демографического перехода) привести к устойчивому воспроизводству населения и избежать депопуляции в условиях неограниченной свободы прокреативного выбора.

Важно не то, как он отвечает на этот вопрос (на который и сейчас нет общепризнанного ответа), а то, как он его ставит. Александр Кулишер рассматривает демографическую революцию как самозавершающийся процесс, в результате которого восстанавливается нарушенное «революцией» равновесие рождаемости и смертности, «стационарное состояние». У него, конечно, тоже нет убедительных аргументов в пользу того, что рождаемость не может упасть ниже точки равновесия, но его этот вопрос и не очень волнует. А.М. Кулишер обращает внимание на то, что пока демографы тревожатся о будущем рождаемости, мир пользуется «барышами» снижения смертности, которое обгоняет снижение рождаемости, в результате чего число людей на Земле за XIX век очень

⁹ К сожалению, эта публикация Александра Кулишера оказалась почти незамеченной. Нам известно только одно ее упоминание при рассмотрении истории изучения демографических циклов: [Kula 1950: 479].

сильно выросло (хотя, видимо, все же не удвоилось, как он полагал согласно тогдашним представлениям).

А.М. Кулишер считает демографическую революцию, о которой говорит Ландри, универсальной – с такой же определенностью, какая прозвучала, например, в отношении демографического перехода у Дадли Кирка, но десять лет спустя [Kirk 1944: 29]. Понимание Александром Кулишером происходивших демографических перемен как универсальных наверняка шло от его отца. Михаил Кулишер еще в своей книге «Очерки сравнительной этнографии и культуры» подчеркивал, что «общая схема движения одна и та же для всех народов» [Кулишер М. 1887: X]. Это положение, впервые высказанное им на страницах русской прессы в конце 1870-х годов, встретило тогда, по свидетельству современника, достаточно ожесточенные возражения со стороны адептов национальной «самобытности» [Венгеров 1919: 120].

Любопытно и несколько неожиданно, что, сравнивая французскую и английскую траектории развития (последней следовали и другие европейские страны), Александр Кулишер не только подчеркивает, что это не два разных пути, а два разных варианта (*il ne s'agit pas de deux stages, mais de deux variantes*) демографической революции, но и отдает предпочтение французскому варианту. Он видит достоинства этого варианта в синхронности снижения смертности и рождаемости и усматривает большую опасность в отставании снижения рождаемости от снижения смертности, чего во Франции не было¹⁰. Вообще поистине поразительно, что в интеллектуальном климате тогдашней Европы, пронизанном страхом перед депопуляцией и благопритествовавшим политикам, играющим на этом страхе, он с такой прозорливой ясностью утверждал, что «опасность неудержимой экспансии избыточного населения, которое продолжает нарастать, <...> сейчас более существенна, нежели опасность сокращения в отдаленной перспективе рода человеческого в результате снижения рождаемости» [Kulischer A. 1934b: 258].

При внимательном чтении чисто научного по замыслу текста рецензии в нем нельзя не увидеть и стремления осмыслить не только новые демографические реальности, но и порождаемые ими политические заблуждения и политические спекуляции того времени, совмещение, казалось бы, несовместимого: боязни депопуляции и одновременно перенаселения. И «до такой степени, – пишет он, – что сегодня мы видим, как в некоторых странах Европы власти, интеллектуалы и «национальные» демократы взвалили на себя двойной труд: убедить народ в абсолютной необходимости искать выход для населения, которое все больше и больше «задыхается» в своих границах... за счет «состарившихся» народов или «низших» рас..., и в то же время вести и проповедовать безудержную «пронаталистскую» политику и пропаганду под влиянием безумного страха, как бы «опустошения», приносимые «демографической революцией», не ликвидировали в скором времени <...> как средства, так и основания для проведения экспансионистской политики» [Kulischer A. 1934b: 259]. Напомним, что идея решения проблем быстро растущего населения за счет расширения «жизненного пространства» была четко сформулирована в

¹⁰ Французская демографическая традиция всегда видела те же самые различия противоположным образом, трактовала сравнение французского и английского вариантов не в пользу Франции (см., напр., [Sauvy 1963: 78-79]).

«Майн Кампф», и Гитлер в это время уже был у власти. При этом в той же «Майн Кампф» ясно выражено отрицательное отношение к ограничению числа рождений. Все это А.М. Кулишер, конечно, хорошо знал, ведь он возглавлял политический отдел «Последних новостей».

Актуального контекста 1930-х годов давно уже не существует, но актуальность предупреждения об «опасности неудержимой экспансии избыточного населения», превратившейся в глобальный демографический взрыв, не только не исчезла, но приобрела намного большую остроту десятилетия спустя после гибели Александра Кулишера.

Заслуживает отдельного упоминания и еще одна особенность рассмотрения всей проблематики демографического перехода Александром Кулишером.

Выше уже приводились не совсем обычные для размышлений, сосредоточенных на демографическом переходе, слова из книги 1932 г. о том, что «массовые миграции действуют как корректирующее средство в период слишком высокой рождаемости». Плохо понимаемое снижение рождаемости в XX веке произвело огромное пугающее впечатление на все европейское общество, с этим был связан и повышенный интерес демографической науки к проблемам рождаемости, миграция же как предмет научного интереса отошла на второй план. Как справедливо писал Дэвид Коулмен, «в современной демографии на миграцию до недавнего времени смотрели как на «младшую сестру» (weak sister)» [Coleman 2006a: 19]. Контент-анализ содержания четырех ведущих европейских демографических журналов за 1997-1999 гг. показал, что миграция как предмет исследования встречалась существенно реже, чем рождаемость и смертность и «в отличие от рождаемости и смертности, рассмотрение миграции как фактора (переменной), от которого зависит численность населения, носит маргинальный характер» [Hoffmann-Novotny 2000: 77-78]. Но затем положение стало быстро меняться, миграция стала привлекать к себе все большее внимание. Коулмену с его концепцией «третьего демографического перехода» [Coleman 2006b] принадлежит заслуга относительно недавнего включения миграционной проблематики в круг центральных проблем, рассматриваемых теорией демографического перехода, и то несколько односторонне, потому что он видит «третий демографический переход» только со стороны стран, принимающих мигрантов.

Между тем Александр Кулишер, напротив, изначально видел демографический переход глазами миграциолога, к тому же находившегося под сильным влиянием своего отца, разрабатывавшего теорию миграции как универсальной составной части общей демографической динамики [Кулишер А. 2014].

В рецензии на книгу Ландри Александр Кулишер напоминает о роли, которую играла эмиграция в XIX веке во всех европейских странах (за исключением Франции), где «ограничение рождаемости затрагивало вначале только города, наводнявшиеся выходцами из деревни, жившей еще по «законам природы» и избегавшей последствий «примитивного режима» только благодаря этой миграции, а также эмиграции за океан» [Kulischer A. 1934b: 258].

Но эта тема затрагивалась им и ранее – и более обстоятельно. В своем первом же выступлении на Всемирном демографическом конгрессе 1927 г. Александр Кулишер

сказал: «Рассматривают изолированную страну и говорят: в ней такая-то рождаемость, такой-то рост населения, такие-то природные и созданные ресурсы. Но если хотя бы на минуту задуматься, сразу станет ясно, что проблемы изолированного населения не существует. В действительности весь ареал, внутри которого возможны миграции, представляет собой единое целое» [Koulisher A. 1927a: 102].

Свой основной доклад на Конгрессе 1927 г. Александр Кулишер начинает со слов (перекликающихся с заявлениями Д. Коулмена начала XXI века) о том, что значение миграций недооценивается в демографической теории [Koulisher A. 1927b: 305]. Показав на ряде исторических примеров важнейшую роль миграции как компонента демографической динамики (и подчеркивая всякий раз далеко не мирный характер крупных миграций, в чем тоже есть перекличка с Коулменом [Coleman 2006b: 419]), он приходит намного раньше к выводу, который кажется сформулированным сегодня:

«Так как период исключительно быстрого роста продовольственных ресурсов и «открытых дверей» для миграций, видимо, закончился, контроль над рождаемостью, если он распространится повсеместно, может стать альтернативой возвращения к прежним условиям. Но придется ждать долгое время, прежде чем все придут к такому решению. А тем временем более богатые страны, которые одновременно являются и странами с резко падающей рождаемостью, если они отказываются принимать избыточное население из более бедных стран, должны будут помочь потенциальным эмигрантам найти средства существования у себя дома» [Koulisher A. 1927b: 309].

Подводя итог, можно сказать, что у Александра Кулишера уже в конце 1920-х-начале 1930-х годов существовало – и было неоднократно им высказано – ясное и во многом опережающее свое время представление о совокупности демографических перемен, объединяемых сейчас понятием «демографическая революция» или «демографический переход». Эти универсальные, неизбежные для всех стран перемены в его понимании затрагивали все три главных демографических процесса (смертность, рождаемость и миграцию) и предопределяли характер их взаимодействия: снижение рождаемости – следствие снижения смертности; отставание первого от второго приводит к избыточному росту населения, который до известной степени может сдерживаться с помощью миграции.

Важно и то, что у Александра Кулишера присутствует не только общая схема демографических перемен, но и сознание их проблемности – чего стоит только понимание невозможности повсюду быстро снизить рождаемость и в то же время невозможности справиться с избытком населения в бедных странах с помощью механизма миграции.

И в то же время его взгляд на демографическую революцию более оптимистичен, чем у Ландри. Он не разделяет его опасений по поводу опустошений, которыми якобы грозит демографическая революция, с некоторой иронией упоминает мысль Ландри о том, что Римская империя рухнула из-за снижения рождаемости, и призывает «отбросить солидарные интересы “популяционистов” всех стран и встать в этом вопросе на такую общечеловеческую позицию..., которая... заставляет горячо желать как можно более скорой победы “демографической революции”» [Koulisher A. 1934b: 259].

ЛИТЕРАТУРА

- Административные реформы в России: история и современность (2006) / Под общ. ред. Р.Н. Байгузина. М.: РОССПЭН.
- Борисов В.А. (1986). Еще одна дата возникновения теории демографической революции // Социологические исследования. № 3: 209-213. См. также: Борисов В.А. Демографическая дезорганизация России: 1897-2007. Избранные демографические труды. М.: NOTA VENE, 2007: 490-497.
- Бочарова З.С. (1998). Современная историография российского зарубежья 1920-1930-х годов // Отечественная история. №1: 91-102.
- Бродель Ф. (2006). Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. 2-е изд. Т. 1. М.: Весь мир.
- Венгеров С.А. (1919). На Венском литературном конгрессе 1881 года // С.А. Венгеров Собрание сочинений. [В 5 т.]. Изд. 2-е. Т. 4. Пг.: Светоч: 103-150.
- Виноградов П.Г. (2014). Очерки по теории права. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД.
- Виноградов С.М. (2003). И.М. Кулишер как историк-экономист // Русская наука в биографических очерках / Под ред. Э.И. Колчинского, И.П. Медведева. СПб.: Дм. Буланин: 221-234.
- Временное Правительство и Учредительное Собрание (1928) // Красный Архив. №3: 107-141.
- «Возрождение» (Париж) (1936). 4 апреля.
- Гессен С.И. (2011). Современная демократия // Кантовский сборник. №3: 93-97.
- Голосенко И.А., Н.И. Сербенко (1999). Петражицкий Лев Иосифович // Социологи России и СНГ XIX-XX вв. Библиографический справочник / Редкол.: Ж.Т. Тощенко и др. М: Эдиториал УРСС: 232-233.
- Гурвич Г.Д. (1942). Памяти профессора А.М. Кулишера // Новый журнал. №2: 374-375.
- Дело Императорского СПб. Университета о студенте Александре Михайловиче Кулишере (1907) // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 50969.
- Дойков Ю.В. (2009). Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 2. Архангельск. URL: <http://doykov.com/tag/pitirim-sorokin/> (дата обращения: 25.11.2015).
- Кулишер А.М. (1915). Автономия Ирландии: Отдельный оттиск из журнала «Юридический Вестник» 1914 г., кн. VI(II) и 1915 г., кн. IX(I). Москва: Типография Г. Лиснера и Д. Совко.
- (1923). Лорд Биконсфильд, 1804-1832. Берлин: Римон (опубл. отдельными изданиями на иврите и на идиш).
- (1925). П.Г. Виноградов // «Последние новости» (Париж). 1925. 22 декабря: 2.
- (1927). Постоянное // «Последние новости» (Париж). 1927. 6 ноября: 3.
- (2014). Теория движения народов и гражданская война в России (перевод с французского) / Предисловие и комментарии М. Тольца // Демографическое обозрение. №3: 158-173. URL: <http://demreview.hse.ru/2014--3/143751896.html> (дата обращения: 25.11.2015).

- Кулишер И.М. (2012). История экономического быта Западной Европы. 10-е изд. Челябинск: Социум.
- Кулишер М.И. (1887). Очерки сравнительной этнографии и культуры. СПб.: Типография И.Н. Скороходова.
- Матиева А.Х. (2008). Библиотека М.М. Ковалевского в фонде Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ (Окончание) // UNIVERSITATES. Наука и просвещение. №1: 50-59.
- Милуков П. (2015). Новое объяснение хода всемирной истории / Предисловие, подготовка текста и комментарии М. Тольца // Демографическое обозрение. №2: 106–120. URL: <http://demreview.hse.ru/2015--2/167985104.html> (дата обращения: 25.11.2015).
- Переписка В.А. Борисова с Леоном Рабиновичем-Радзиновичем и А. Шубртовой (2007) // Борисов В.А. Демографическая дезорганизация России: 1897-2007. Избранные демографические труды. М. 2007, NOTA VENE: 498-502.
- Русский Берлин (2003) / Сост., предисл. и персоналии В.В. Сорокиной. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Серков А.И. (2001). Русское масонство. 1731-2000: Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН.
- Сорокина М.Ю. (2003). Круги жизни Николая Мартиновича – ученого, дипломата, эмигранта // Репрессированные этнографы: Вып. 2 / Сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М.: Вост. лит.: 347-374.
- Тольц М. (2014). Вклад семьи Кулишеров в мировую миграциологию // Демоскоп Weekly. №603-604. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0603/nauka04.php> (дата обращения: 25.01.2016).
- (2015a). Автор термина «перемещенные лица»: Евгений Михайлович Кулишер (1881-1956) // Демоскоп Weekly. № 655-656. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0655/nauka05.php> (дата обращения: 25.11.2015).
- (2015b). Забытый энциклопедист: Михаил Игнатьевич Кулишер (1847-1919) // Еврейская Старина. №2. URL: <http://berkovich-zametki.com/Starina0.php?srce=85> (дата обращения: 25.11.2015).
- Хоменко А. (1925) До питання про сучасний рівень загальної смертності на Україні. Харків: ЦСУ УРСР.
- (1980). К вопросу об уровне общей смертности на Украине // Хоменко А.П. Семья и воспроизводство населения (Избранные произведения) / Под ред. В.С. Стешенко. М.: Статистика: 96-119.
- Шульговский Н.Н., сост. (1910). Кружок философии права профессора Л.И. Петражицкого при СПб. университете за десять лет существования. СПб.: Право.
- Bashford A. (2007). Nation, empire, globe: the spaces of population debate in the interwar years // Comparative Studies in Society and History. 49(1): 170-201.
- Bernstein E. (1922). Sowjet-Rußland als Experiment der Geschichte // Die Glocke. 8/1(7): 180-187.
- Coleman D. (2006a) Migration as a primary force in human population processes // Caselli G., J. Vallin, G. J. Wunsch; [et al.]. Demography: analysis and synthesis. Vol. 3. Amsterdam [etc.]: Elsevier: 19-40.

- (2006b). Immigration and ethnic change in low-fertility countries: A third demographic transition // *Population and Development Review*. 32(3): 401–446.
- Dahl S. (1936). Den engelska parlamentarismens kärnpunkt // *Statsvetenskaplig Tidskrift för Politik, Statistik, Ekonomi*. 39(2): 166-168.
- Gordon M.K. (1949). [Рец. на] Europe on the move. War and population changes, 1917–47 by Eugene M. Kulischer // *Russian Review*. 8(1): 87–88.
- Hoffmann-Nowotny H.-J. (2000). Demography and sociology // Position of demography among other disciplines / Z. Pavlik, ed. Department of Demography and Geodemography, Charles University. Prague: 73-79.
- Kirk D. (1944). Population changes and the postwar world // *American Sociological Review*. 9(1): 28-35.
- Kula W. (1950). Histoire des institutions : Époque contemporaine // IXe Congrès international des sciences historiques : Rapports. Vol. 1. Paris : Armand Colin: 472-503.
- Kulischer A.M. (1921). Das Wesen des Sowjetstaates. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft.
- (Koulisher) (1927a). Contribution to discussion on optimum population and food supply // *Proceedings of the World Population Conference* / M. Sanger, ed. London: Edward Arnold: 102-103.
- (Koulisher) (1927b). Some aspects of the migration problem // *Proceedings of the World Population Conference* / M. Sanger, ed. London: Edward Arnold: 305-309.
- (Koulicher) (1928). Les guerres et les migrations // VIe Congrès international des sciences historiques. Résumés des communications présentées au Congrès. Oslo : 29-30.
- (Koulicher) (1932). Les quatre constitutions de l'Angleterre // *Archives de philosophie du droit et de sociologie juridique*. 2(3-4) : 480-529.
- (Koulicher) (1933). Le cycle de population dans les pays modernes // VIIe Congrès international des sciences historiques. Résumés des communications présentées au Congrès. Vol. II. Varsovie : 354-355. (См. Приложение к этой статье)
- (Koulicher) (1934a). La multiplicité des sources, en droit constitutionnel // *Le Problème des Sources du Droit Positif. Annuaire de l'Institut international de philosophie du droit et de sociologie juridique, 1934-1935*. Paris : 209-227.
- (Koulicher) (1934b). [Рец. на] A. Landry. “La Révolution démographique. Études et essais sur les problèmes de la population”. Paris : Libr. du Recueil Sirey. 1934, 230 p. // *Archives de philosophie du droit et de sociologie juridique*. 1934. 4(1-2) : 257-259 (См. Приложение к этой статье).
- (Koulicher) (1935). La Démocratie anglaise et le droit de dissolution // *L'Année politique française et étrangère*. 10(2) : 97-130.
- Kulischer E.M. (1928). Die Richtungen der Völkerbewegungen // VIe Congrès international des sciences historiques. Résumés des communications présentées au Congrès. Oslo : 30-33.
- (1948). Europe on the move: War and population changes, 1917-1947. New York: Columbia University Press.
- Kulischer A.M., E.M. Kulischer (1932). Kriegs- und Wanderzüge. Weltgeschichte als Völkerbewegung. Berlin – Leipzig: Walter de Gruyter.
- Landry A. (1909). Les trois théories principales de la population // *Scientia*. 6(11): 3-29.

- (1933). La révolution démographique // Economic essays in honour of Gustav Cassel. London : George Allen & Unwin, 1933: 357-367.
- (1934). La révolution démographique. Études et essais sur les problèmes de la population. Paris : Librairie du Recueil Sirey.
- (1982). La révolution démographique. Études et essais sur les problèmes de la population. Paris: INED.
- Pavlik Z. (1981). Zákonitosti vyvoje demografických systému // AUC Geographica. № 1: 3-31.
- Rabinowicz L. (1929). Le problème de la population en France précédé d'une histoire générale de la population. Étude de sociologie de la population. Paris: Marcel Rivière.
- Rabkin L. (2015). Anti-Semitism // Encyclopedia of the Jazz Age: from the end of World War I to the Great Crash / J. Ciment, ed. London – New York: Routledge: 67-68.
- Sauvy A. (1963). Malthus et les deux Marx. Paris: Denoël.
- Simpson J.H. (1939). The Refugee problem: report of a survey. London – New York: Oxford University Press.
- Subrtova A. (1984). Teorie demografické revoluce: prispevek ke genezi // Demografie. 36(3): 193-199.
- Szreter S. (1993). The idea of demographic transition and the study of fertility change: a critical intellectual history // Population and Development Review. 19(4): 659-701.
- «The Gazette» (Montreal) (1942). 26 October.
- Thompson W.S. (1929). Population // American Journal of Sociology. 34(6): 959-975.

AN UNNOTICED CONTRIBUTION TO DEMOGRAPHIC TRANSITION THEORY *

On the occasion of the 125th anniversary of the birth of Alexander Kulischer

ANATOLY VISHNEVSKY, MARK TOLTS

ANATOLY G. VISHNEVSKY. NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (RUSSIA).

E-MAIL: avishnevsky@hse.ru.

MARK TOLTS. HEBREW UNIVERSITY OF JERUSALEM (ISRAEL).

E-MAIL: mark.tolts@mail.huji.ac.il.

Date received: October 2015.

Alexander Kulischer [Alexandre Koulicher] (1890-1942), a former professor at Petrograd University (St. Petersburg, Russia) who emigrated to France after the Russian Revolution of October 1917, may be considered one of the pioneers of the theory of demographic transition. However, his contribution to the development of this theory has gone almost unnoticed and underrated. This article presents an intellectual biography of Alexander Kulischer and analyzes his views on the demographic transition (demographic revolution), as he expressed them in his publications in German and in French in the early 1930s. Two of these forgotten publications written in French are republished (in the language of the original and in a Russian translation) in the appendix to the article.

Keywords: *history of demography, demographic transition, demographic revolution, fertility, mortality, migration, Alexander Kulischer [Alexandre Koulicher].*

* THE STUDY WAS PARTLY IMPLEMENTED IN THE FRAMEWORK OF THE BASIC RESEARCH PROGRAM AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (HSE) IN 2013 - 2015.
AUTHORS ARE LISTED IN ACCORDANCE WITH THE CYRILLIC ALPHABET

REFERENCES

- Administrativnyye reformy v Rossii: istoriya i sovremennost' [Administrative reforms in Russia: History and modernity] (2006) / R.N. Bayguzina, ed. M.: ROSSPEN.
- Bashford A. (2007). Nation, empire, globe: the spaces of population debate in the interwar years // *Comparative Studies in Society and History*. 49(1): 170-201.
- Bernstein E. (1922). Sowjet-Rußland als Experiment der Geschichte // *Die Glocke*. 8/1(7): 180-187.
- Bocharova Z.S. (1998). Sovremennaya istoriografiya rossiyskogo zarubezh'ya 1920-1930-kh godov [Contemporary Historiography on the Russian emigré community in the 1920s and the 1930s] // *Otechestvennaya istoriya [National history]*. №1: 91-102.
- Borisov V.A. (1986). Yeshche odna data vozniknoveniya teorii demograficheskoy revolyutsii [Another date of the emergence of the demographic revolution theory] // *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological studies]*. № 3: 209-213. See also: Borisov V.A. Demograficheskaya dezorganizatsiya Rossii: 1897-2007. Izbrannyye demograficheskiye trudy [Demographic disorganization of Russia: 1897-2007. Selected demographic works]. M.: NOTA BENE, 2007: 490-497.
- Braudel F. (2006). Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV-XVIII vv. [Civilization and capitalism, 15th–18th centuries]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Ves' Mir.

- Coleman D. (2006a) Migration as a primary force in human population processes // Caselli G., J. Vallin, G. J. Wunsch; [et al.]. Demography: analysis and synthesis. Vol. 3. Amsterdam [etc.]: Elsevier: 19-40.
- (2006b). Immigration and ethnic change in low-fertility countries: A third demographic transition // Population and Development Review. 32(3): 401–446.
- Dahl S. (1936). Den engelska parlamentarismens kärnpunkt // Statsvetenskaplig Tidskrift för Politik, Statistik, Ekonomi. 39(2): 166-168.
- Delo (1907). Imperatorskogo SPb. Universiteta o studente Aleksandre Mikhayloviche Kulishere [The records of the Imperial St. Petersburg University about student Alexander M. Kulischer] // TsGIA St. Petersburg. Fond [Collection] 14. Opis' [Inventory] 3. Delo [File] 50969.
- Doykov Yu.V. (2009). Pitirim Sorokin. Chelovek vne sezona. Biografiya [Man out of season. Biography] T. 2. Arkhangelsk. URL: <http://doykov.com/tag/pitirim-sorokin/> (accessed: 25.11.2015).
- Golosenko I.A., N.I. Serbenko (1999). Petrazhitskiy Lev Iosifovich [Petrazycki Leon I.] // Sotsiologi Rossii i SNG XIX-XX vv. Biobibliograficheskiy spravochnik [Russian and CIS Sociologists of the XIX-XX centuries. Bibliographic reference book] / Redkol. (Editorial board): Zh.T. Toshchenko et al. M: Editorial URSS: 232-233.
- Gordon M.K. (1949). [Review of] Europe on the move. War and population changes, 1917–47 by Eugene M. Kulischer // Russian Review. 8(1): 87–88.
- Gurvitch G.D. (1942). Pamyati professora A.M. Kulishera [In memory of Professor A.M. Kulisher] // Novyy zhurnal [New Journal]. №2: 374-375.
- Hessen S.I. (2011). Sovremennaya demokratiya [Modern democracy] // Kantovskiy sbornik [Kant collection]. №3: 93-97.
- Hoffmann-Nowotny H.-J. (2000). Demography and sociology // Position of demography among other disciplines / Z. Pavlik, ed. Department of Demography and Geodemography, Charles University. Prague: 73-79.
- Khomenko A. (1925). Do pitannya pro suchasniy riven' zagal'noi smertnosti na Ukraïni [To the matter on general mortality level in Ukraine]. Kharkov: TsSU URSR.
- (1980). K voprosu ob urovne obshchey smertnosti na Ukraine [To the matter on general mortality level in Ukraine] // Khomenko A.P. Sem'ya i vosproizvodstvo naseleniya (Izbrannyye proizvedeniya) [Family and population reproduction (Selected Works)] / V.S. Steshenko, ed. M.: Statistika: 96-119.
- Kirk D. (1944). Population changes and the postwar world // American Sociological Review. 9(1): 28-35.
- Kula W. (1950). Histoire des Institutions : Époque contemporaine // IXe Congrès international des sciences historiques : Rapports. Vol. 1. Paris : Armand Colin : 472-503.
- Kulischer A.M. (Kulisher, Koulicher, Koulischer) (1915). Avtonomiya Irlandii: otdel'nyy ottisk iz zhurnala [Autonomy of Ireland: offprint from the journal] «Yuridicheskiy Vestnik» 1914, VI (II) and 1915, IX (I). M.: Print shop G. Lissner and D. Sovko.
- (1921). Das Wesen des Sowjetstaates. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft.
- (1923). Lord Beaconsfield, 1804-1832. Berlin: Rimon (published in separate editions in Hebrew and Yiddish).

- (1925). P.G. Vinogradov // *Posledniye novosti* [Latest News]. Paris, 1925. December 22: 2.
- (1927). // *Postoyannoye* [The permanent] // *Posledniye novosti* [Latest News]. Paris, 1927. November 6: 3.
- (1927a). Contribution to discussion on optimum population and food supply // *Proceedings of the World Population Conference* / M. Sanger, ed. London: Edward Arnold: 102-103.
- (1927b). Some aspects of the migration problem // *Proceedings of the World Population Conference* / M. Sanger, ed. London: Edward Arnold: 305-309.
- (1928). Les guerres et les migrations // VIe Congrès international des sciences historiques. Résumés des communications présentées au Congrès. Oslo : 29-30.
- (1932). Les quatre constitutions de l'Angleterre // *Archives de philosophie du droit et de sociologie juridique*. 2(3-4) : 480-529.
- (1933). Le cycle de population dans les pays modernes // VIIe Congrès international des sciences historiques. Résumés des communications présentées au Congrès. Vol. II. Varsovie : 354-355 (see Appendix to this article).
- (1934a). La multiplicité des sources, en droit constitutionnel // *Le Problème des Sources du Droit Positif*. Annuaire de l'Institut international de philosophie du droit et de sociologie juridique, 1934-1935. Paris : 209-227.
- (1934b). [Review of] A. Landry. "La Révolution démographique. Études et essais sur les problèmes de la population". Paris : Libr. du Recueil Sirey. 1934, 230 p. // *Archives de philosophie du droit et de sociologie juridique*. 1934. 4(1-2) : 257-259 (see Appendix to this article).
- (1935). La Démocratie anglaise et le droit de dissolution // *L'Année politique française et étrangère*. 10(2): 97-130.
- (2014). *Teoriya dvizheniya narodov i grazhdanskaya voyna v Rossii* (translated from French) [The theory of the movement of peoples and the civil war in Russia. Original title: *La théorie des mouvements des peuples et la guerre civile en Russie*] / Preface and comments by M. Tolts // *Demograficheskoye obozreniye* [Demographic Review]. №3: 158-173. URL: <http://demreview.hse.ru/2014--3/143751896.html> (accessed: 25.11.2015).
- Kulischer A.M., E.M. Kulischer (1932). *Kriegs- und Wanderzüge. Weltgeschichte als Völkerbewegung*. Berlin – Leipzig: Walter de Gruyter.
- Kulischer I.M. (2012). *Istoriya ekonomicheskogo byta Zapadnoy Yevropy* [A history of economic life in Western Europe]. 10th ed. Chelyabinsk: Sotsium.
- Kulischer E.M. (1928). Die Richtungen der Völkerbewegungen // VIe Congrès international des sciences historiques. Résumés des communications présentées au Congrès. Oslo: 30-33.
- (1948). *Europe on the move: War and population changes, 1917-1947*. New York: Columbia University Press.
- Kulischer M.I. (1887). *Ocherki sravnitel'noy etnografii i kul'tury* [Essays on comparative ethnography and culture]. St. Petersburg: Print shop I.N. Skorokhodov.
- Landry A. (1909). Les trois théories principales de la population // *Scientia*. 6(11) : 3-29.
- (1933). La révolution démographique // *Economic essays in honour of Gustav Cassel*. London: George Allen & Unwin, 1933: 357-367.

- (1934). *La révolution démographique. Études et essais sur les problèmes de la population*. Paris : Librairie du Recueil Sirey.
- (1982). *La révolution démographique. Études et essais sur les problèmes de la population*. Paris: INED.
- Matiyeva A.Kh. (2008). *Biblioteka M.M. Kovalevskogo v fonde Otdela redkikh knig i rukopisey Nauchnoy biblioteki MGU (Okonchaniye) [Library of M.M. Kovalevsky in the fund of the Department of rare books and manuscripts of Moscow university science library (The end)] // UNIVERSITATES. Nauka i prosveshcheniye [Science and education]. №1: 50-59.*
- Milyukov P. (2015). *Novoye ob'yasneniye khoda vseмирnoy istorii / Predisloviye, podgotovka teksta i komentarii M. Tol'tsa [New explanation of the course of World history / Introduction, preparation of the text and commentary of M. Tolts] // Demograficheskoye obozreniye (Demographic Review). №2: 106-120. URL: <http://demreview.hse.ru/2015--2/167985104.html> (accessed: 25.11.2015).*
- Pavlik Z. (1981). *Zákonnosti vyvoje demografických systémů // AUC Geographica. № 1: 3-31.*
- Perepiska V.A. Borisova s Leonom Rabinovichem-Radzinovichem i A. Shubrtovoy [Correspondence of V.A. Borisov with Leon Rabinovich-Radzinovich and A. Shubrtova] (2007) // V.A. Borisov. *Demograficheskaya dezorganizatsiya Rossii: 1897-2007. Izbrannyye demograficheskiye trudy [Demographic disorganization of Russia: 1897-2007. Selected demographic works]. M.: NOTA BENE: 498-502.*
- Rabinowicz L. (1929). *Le problème de la population en France précédé d'une histoire générale de la population. Étude de sociologie de la population*. Paris: Marcel Rivière.
- Rabkin L. (2015). *Anti-Semitism // Encyclopedia of the Jazz Age: from the end of World War I to the Great Crash / J. Ciment, ed. London – New York: Routledge: 67-68.*
- Russkiy Berlin [Russian Berlin] (2003) // Sost., predisl. i personalii V.V. Sorokina. [Compilation, foreword and personalities: V.V. Sorokina]. M.: Moscow University.
- Sauvy A. (1963). *Malthus et les deux Marx*. Paris: Denoël.
- Serkov A.I. (2001). *Russkoye masonstvo. 1731-2000 [Russian Freemasonry. 1731-2000] // Entsiklopedicheskiy slovar' [Encyclopaedic dictionary]. Moscow: ROSSPEN.*
- Shul'govskiy N.N., compiler (1910). *Kruzhok filosofii prava professora L.I. Petrazhitskogo PRI spb. universitete za desyat' let sushchestvovaniya [A circle of the professor of the philosophy of law L.I. Petrazycki at St. Petersburg University for ten years of existence]. St. Petersburg: Pravo.*
- Simpson J.H. (1939). *The Refugee problem: report of a survey*. London – New York: Oxford University Press.
- Sorokina M.Yu. (2003). *Krugi zhizni Nikolaya Martinovicha - uchenogo, diplomata, emigranta [Nicholay Martinovich circles of life - scientist, diplomat, expat] // Repressirovannyye etnografy: vyp. 2 [Repressed ethnographers: issue 2] / Sost. i otv. red. [Compilation and editing] D.D. Tumarkin. Moscow: Vost. lit.: 347-374.*
- Subrtova A. (1984). *Teorie demografické revoluce: prispěvek ke genezi // Demografie. 36(3): 193-199.*
- Szreter S. (1993). *The idea of demographic transition and the study of fertility change: a critical intellectual history // Population and Development Review. 19(4): 659-701.*
- Thompson W.S. (1929). *Population // American Journal of Sociology. 34(6): 959-975.*

- Tolts M. (2014). Vklad sem'i Kulisherov v mirovuyu migratsiologiyu [Kulisher family contribution to the world migration studies] // Demoscope Weekly. №603-604. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0603/nauka04.php> (accessed: 25.11.2015).
- (2015a). Avtor termina «peremeshchennyye litsa»: Yevgeniy Mikhaylovich Kulisher [The originator of the term “displaced persons”: Eugene M. Kulischer] (1881-1956) // Demoscope Weekly. № 655-656. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0655/nauka05.php> (accessed: 25.11.2015).
- (2015b). Zabytyy entsiklopedist: Mikhail Ignat'yevich Kulisher [A forgotten polymath: Mikhail I. Kulischer] (1847-1919) // Yevreyskaya Starina [Jewish Antiquity]. №2. URL: <http://berkovich-zametki.com/Starina0.php?srce=85> (accessed: 25.11.2015).
- Vengerov S.A. (1919). Na venskom literaturnom kongresse 1881 goda [At the Vienna literary Congress 1881] // Vengerov S.A. Sobraniye sochineniy [Collected Works]. [V 5 t. (5 volumes)]. 2nd ed. Vol. 4. Petrograd : Svetoch: 103-150.
- Vinogradov P.G. (2014). Ocherki po teorii prava [Essays on the theory of law]. 2nd ed. Moscow: LENAND.
- Vinogradov S.M. (2003). I.M. Kulisher kak istorik-ekonomist [I.M. Kulisher as a historian and economist] // Russkaya nauka v biograficheskikh ocherkakh [Russian science in the biographical sketches] / E.I. Kolchinsky, I.P. Medvedev, eds. St. Petersburg: Dm. Bulanin: 221-234.
- Vremennoye Pravitel'stvo i Uchreditel'noye Sobraniye [Provisional Government and the Constituent Assembly] (1928) // Krasnyy Arkhiv [Red Archives]. №3: 107-141.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ниже публикуются оригинальные тексты на французском языке тезисов доклада А.М. Кулишера на VII Международном конгрессе исторических наук (Варшава, 1933) и рецензии А.М. Кулишера на книгу А. Ландри «Демографическая революция», обнаруженные М. Тольцем, а также переводы этих текстов на русский язык.

LE CYCLE DE POPULATION DANS LES PAYS MODERNES

Alexandre M. Koulicher

Anc. prof. de l'Université de Péetrograd, Paris

VIIe Congrès international des sciences historiques. Résumés des communications présentées au Congrès. Vol. II. Varsovie 1933 : 354-355.

La plupart des peuples modernes traversent à différentes époques, suivant le moment où le peuple en question est entré dans la voie du «progrès moderne», un cycle typique au point de vue du développement de la population. En parlant de l'Angleterre, où ce cycle a commencé dès la seconde moitié du XVIIIe siècle, il se répète avec une régularité étonnante des stages dont il consiste, chez les autres peuples européens, généralement parlant, de l'ouest à l'est.

Ce cycle, qui, aujourd'hui, s'achève chez les peuples les plus avancés à ce point de vue, tandis qu'il est encore en plein développement chez les autres, consiste des stages suivants. En une première période, la population augmente de plus en plus rapidement grâce à une baisse prolongée de la mortalité. Une baisse de la natalité commence aussi, mais à une certaine distance et elle va, d'abord, plus lentement de sorte que l'excédent des naissances est toujours accru et il y a une véritable «inondation» du pays. Plus tard, l'augmentation est de plus en plus enrayée, par la baisse de la natalité rattrapant celle de la mortalité, bien que celle-ci continue, elle aussi, de diminuer. La proportion de l'augmentation est réduite bien que ses chiffres absolus continuent de croître. A la fin, il y a une baisse foudroyante de la natalité, qui tend à supprimer tout excédent des naissances et fait même prévoir une diminution de la population.

De ce développement normal il y a pourtant quelques exceptions. Ainsi, d'un côté, en Hollande, la baisse de la natalité n'a pas pu jusqu'ici rattraper celle de la mortalité et le développement de la population demeure progressif sans arrêt. D'autre part, en France, la baisse de la natalité a rapidement gagné sur celle de la mortalité de sorte qu'il n'y a pas eu de période d'excédents de naissances augmentés, rien qu'une diminution suivie de cet excédent, jusqu'à l'état stationnaire de la population, qui s'est établi en France avant les autres pays, mais auquel d'autres peuples arrivent également après des secousses et des tribulations beaucoup plus grandes.

Les causes de ce cycle se trouvent dans certaines relations entre le mouvement démographique et l'évolution économique des pays modernes, — en particulier, dans le processus également typique de l'exode rural et de l'urbanisation des populations.

La conclusion générale qui se dégage de l'étude de ce sujet, consiste en ceci, que les changements de la natalité, loin d'être le facteur déterminant de l'évolution, n'en sont que des conséquences, étant déterminés, d'une part, par les conditions économiques qui limitent, à tout moment donné, le nombre de la population additionnelle, susceptible d'être élevée sur le produit

du travail de la population existante, et d'autre part, dans ces limites par la mortalité, qui subit, beaucoup plus directement l'influence de l'évolution économique et intellectuelle, la restriction des naissances ne faisant que permettre le maintien d'une mortalité réduite.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЦИКЛ В СОВРЕМЕННЫХ СТРАНАХ

Александр Кулишер

Большинство современных народов проходят в разное время в зависимости от момента, когда каждый из них вступает на путь «современного прогресса», один и тот же типичный с точки зрения развития населения цикл. Начиная с Англии, где этот цикл начался во второй половине XVIII века, он повторяется с удивительной регулярностью этапов, из которых он складывается, у других европейских народов, в целом распространяясь с запада на восток.

Этот цикл, который сегодня завершается у самых продвинутых в этом отношении народов, тогда как у других он еще в полном разгаре, состоит из нескольких этапов. На первом этапе население растет все быстрее и быстрее благодаря длительному снижению смертности. Рождаемость также начинает снижаться, но с некоторым отставанием, и ее снижение идет вначале более медленно, так что избыток рождений все время увеличивается и страна переживает настоящее «наводнение». Со временем рост [населения] все заметнее тормозится в результате снижения рождаемости, которое нагоняет снижение смертности, хотя смертность также продолжает снижаться. Относительный прирост сокращается, хотя абсолютные числа продолжают расти. В конце концов ошеломляющее снижение рождаемости ведет к исчезновению избытка рождений и даже предвещает сокращение населения.

Впрочем, это нормальное развитие имеет кое-какие исключения. Так, с одной стороны, в Голландии снижение рождаемости не смогло догнать снижения смертности, и рост населения не прекращается до сих пор. С другой же стороны, во Франции снижение рождаемости очень быстро обогнало снижение смертности, так что здесь не было периода повышенной избыточности рождений, а только непрерывное сокращение этого избытка вплоть до достижения состояния стационарного населения, которое установилось во Франции раньше, чем в других странах, но к которому приближаются и другие народы, проходя через гораздо большие потрясения и злоключения.

Причины такого цикла коренятся в характере отношений между демографическим развитием и экономической эволюцией современных стран, в частности в столь же типичном для них процессе исхода населения из деревни и урбанизации.

Общий вывод, к которому приводит изучение вопроса, состоит в том, что изменение рождаемости – отнюдь не главный фактор развития, это не более чем его следствие. Оно предопределено, с одной стороны, экономическими условиями, ограничивающими в каждый данный момент численность дополнительного населения, которое можно вырастить за счет продукта, производимого уже существующим населением, с другой – ограничениями смертности, которая гораздо более непосредственно испытывает влияние

экономического и интеллектуального развития, тогда как ограничение рождений лишь позволяет сохранять более низкую смертность.

CRITIQUE DU LIVRE « LA REVOLUTION DEMOGRAPHIQUE » D'ADOLPHE LANDRY

A. Koulicher (Kulischer).

Archives de philosophie du droit et de sociologie juridique. 1934. 4(1-2) : 257-259

A. Landry. - La Révolution démographique (Etudes et essais sur les problèmes de la population).
Libr. du Recueil Sirey, 1934, 230 pp.

L'ouvrage de M. Landry est un recueil de plusieurs études. Le thème principal en est le fait mondial de la diminution des naissances et l'examen des moyens destinés à combattre cette révolution, tenue pour néfaste par notre auteur qui est «un populationniste».

Ouvrage d'une valeur scientifique très supérieure à la plupart des écrits de l'école nataliste. M. Landry cède bien au parti-pris, traditionnel en France depuis l'époque où la stagnation numérique de la population française par suite de la diminution des naissances était considérée comme un fait exceptionnel de décadence d'une race vieillissante condamnée à la submersion par les peuples plus jeunes et plus vigoureux. Mais ce parti-pris n'empêche pas l'auteur d'exposer avec beaucoup de vigueur les faits nouveaux qui sont venus démolir cette ancienne conception. Non seulement, en effet, la «révolution démographique» se présente aujourd'hui comme un phénomène universel, bien qu'elle fasse son apparition chez les différents peuples à des moments différents, mais il semble en outre qu'elle marche d'autant plus vite, qu'elle a commencé plus tard dans un pays donné. Aussi la situation démographique de plusieurs pays européens est-elle dès maintenant «pire» que celle de la France. Et M. Landry ne cache pas sa crainte que le monde entier puisse succomber au même destin. C'est sans ménagement pourtant qu'il décrit le «régime démographique» du bon vieux temps auquel met fin la «révolution» tant redoutée : «Là, aucune préoccupation des conséquences que peut avoir pour le bien-être des individus, des familles, la multiplication sans frein des membres de celles-ci.» L'adaptation du chiffre de la population à ses ressources économiques se fait sous ce régime par la mortalité, - y compris les grandes famines et épidémies, - lesquelles rattrapent la natalité, et «enrayent l'accroissement».

On conviendra qu'il est malaisé de préconiser le retour à ce «régime démographique primitif». C'est sans doute le motif pour lequel l'auteur cherche à définir un «régime intermédiaire». Là un certain souci de maintenir le niveau du bien-être conduirait au retardement des mariages ou au célibat de quelques-uns. Ce régime serait à distinguer du «régime contemporain», résultat du triomphe d'une conception «rationnaliste» de la vie, qui conduit à la prévention directe des naissances. Une baisse de la mortalité produit, sous le régime «intermédiaire», un accroissement de la population; ce n'est plus le cas sous le régime «contemporain».

Un exemple du «régime intermédiaire» serait fourni par l'Angleterre au XIXe siècle à une époque où le «régime contemporain» s'était déjà établi en France. En réalité, il ne s'agit pas de

deux stages, mais de deux variantes de la «révolution démographique», la variante anglaise s'étant reproduite plus tard dans les autres pays, où la «révolution» s'est accomplie. En France seulement, la restriction des naissances est apparue, dès le début, dans les villes et les campagnes à la fois. Embrassant tout le pays, la baisse des naissances a diminué progressivement le taux d'accroissement, malgré la baisse de la mortalité, jusqu'à aboutir sans secousses à l'état de population stationnaire. De là aussi la conservation des petits patrimoines et un moindre degré de prolétarisation. Partout ailleurs, la restriction des naissances n'était, d'abord, qu'un phénomène de la ville inondée par la marée, qui venait de la campagne, qui, elle, suivait encore la «loi naturelle», et n'échappait aux conséquences du «régime primitif» que par cette migration et, aussi, par l'émigration transocéanique. Dans ces conditions, la baisse de la mortalité commençait par augmenter l'excédent des naissances, celle de la natalité ne suivant qu'à distance. Puis, le déplacement rapide du centre de la population vers les villes infécondes a fait pencher brusquement la balance. De là, finalement, une baisse foudroyante de la natalité générale, d'où attente de diminution de la population à une époque prochaine.

M. Landry présente une bonne explication des méthodes employées pour calculer les tendances futures du développement d'une population. Les taux «bruts» de natalité et de mortalité sont trompeurs parce qu'ils dépendent de la distribution de la population entre les âges, cette distribution étant, elle-même, appelée à changer par suite de variations des éléments démographiques. Force est donc de remplacer le taux de la natalité par un calcul compliqué de la «reproduction» d'une génération par les femmes de la génération précédente, la mortalité entrant dans ce calcul, en tant qu'elle empêche une partie des femmes d'achever pleinement leur carrière «reproductrice». Quant à la mortalité générale (dont on «rectifie» le taux par un calcul de la durée moyenne de la vie), elle «n'est pas sans intérêt», mais les changements n'en conduisent qu'à des variations du nombre de la population, «une fois acquises». Il y a là des expressions qui prêtent à un malentendu. Ce que l'auteur veut dire, c'est que, lorsque la mortalité, après avoir subi un changement, redevient stable, la variation du nombre de la population, résultant de ce changement étant une fois accomplie, la tendance ultérieure de la population à augmenter ou à diminuer ne dépendra plus que de sa «reproductivité». Oui, mais la croissance sera plus rapide ou la diminution plus lente si la vie de chaque génération est plus longue. «L'intérêt» véritable de la mortalité réside en ceci, que *tous* les accroissements considérables de la population sur lesquels nous possédons des renseignements tant soit peu sûrs, ont été le résultat de la baisse de la mortalité qui ont fait doubler le genre humain au XIXe siècle, malgré tous les affaiblissements de la «reproductivité». A l'inverse, dans *tous* les cas, où nous connaissons avec certitude les causes de «dépopulations et de décadences», elles ont été produites par des vagues de mortalité exorbitante, sinon par la fuite des habitants; ces pertes devenaient définitives si elles coïncidaient avec la ruine des ressources économiques, double résultat caractéristique de tant de dévastations guerrières. Il y a des faits bien mieux prouvés que l'hypothèse d'une crise de naissances pour expliquer la décadence romaine.

Voilà pourquoi il y a plus d'urgence dans le danger des tentatives d'expansion violente de la part de populations surabondantes et qui continuent d'augmenter (par le fait des taux «bruts» d'excédents de naissances, lesquels en fin de compte, déterminent la situation *actuelle* à la différence de ces calculs «rectifiés» qui ne servent qu'à des pronostics douteux), — même au point de vue d'un idéal «quantitatif» de civilisation, - que dans la perspective lointaine d'une diminution du genre humain par la baisse des naissances. Reste, il est vrai, cette considération, que «du point

de vue national, on sera très généralement populationniste». À un tel degré, ajoutons-nous, que l'on voit, à l'heure actuelle, dans quelques pays d'Europe les dirigeants, les intellectuels et démographes «nationaux» attelés à une double besogne: convaincre le peuple de la nécessité absolue de chercher des issues pour une population qui «étouffe» de plus en plus en ses limites (ce qui est démontré par les chiffres «bruts» de la population et de son accroissement), se préparer à la conquête de ces issues aux dépens des peuples vieillissants ou des races «inférieures»..., et, en même temps, mener une politique et une prédication «nataliste» à outrance, sous l'empire de la crainte folle que les «ravages» de la «révolution démographique» ne suppriment bientôt (comme il est à prévoir d'après les calculs de «reproductivité») et les moyens et les motifs des entreprises expansionnistes. Dans ces conditions, ne faut-il pas rejeter l'intérêt solidaire des «populationnistes» de tous les pays, se placer à ce point de vue humain, - identique, dans l'espèce, avec l'intérêt national de la France et de tous les peuples pacifiques, - qui fait ardemment souhaiter, dans ces cas, le triomphe de la «révolution démographique» aussi rapide que possible ?

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ АДОЛЬФА ЛАНДРИ «ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Александр Кулишер

Книга А. Ландри представляет собой сборник нескольких исследований. Ее главная тема – факт повсеместного снижения рождаемости и поиски способов борьбы с этой революцией, которую автор, будучи «популяционистом», считает губительной.

Научный уровень книги намного превосходит почти все, что было написано представителями natalистской школы. Ландри твердо придерживается предубеждения, традиционного для Франции с тех пор, как прекращение роста численности населения из-за снижения рождаемости рассматривается как небывалый факт упадка стареющей расы, обреченной на поглощение более молодыми и сильными народами. Однако это предубеждение нисколько не мешает автору представлять с большой силой новые факты, способные полностью разрушить эту прежнюю концепцию. В самом деле, «демографическая революция» сегодня не только становится универсальным феноменом, хотя и начинается у разных народов в разное время, но к тому же, как кажется, чем позже она начинается в той или иной стране, тем быстрее она набирает силу. В результате демографическая ситуация в некоторых европейских странах сейчас «хуже», чем во Франции. И Ландри не скрывает своих опасений по поводу того, что подобная участь угрожает всему миру. Тем не менее он без оглядок описывает «демографический режим» старых добрых времен, которому и кладет конец столь устрашающая «демографическая революция»: «Тогда не существовало никакой озабоченности теми последствиями, какими неограниченное умножение числа членов семьи может угрожать благополучию отдельных людей или семей». Соответствие численности населения его экономическим ресурсам обеспечивается при этом режиме смертностью – в том числе в результате всеобщего голода и эпидемий, – которая догоняет рождаемость и «тормозит рост населения».

Согласимся, что защищать возврат к этому «примитивному демографическому режиму» не очень уместно. Наверняка по этой причине автор старается выделить «промежуточный режим». При таком режиме определенная забота о сохранении уровня благосостояния может привести к поздним бракам, а кое-кого – и к celibату. Этот режим следует отличать от «современного режима», становящегося результатом триумфа «рационалистической» концепции жизни, которая ведет к прямому предотвращению рождений. Снижение смертности при «промежуточном» режиме обеспечивает прирост населения; при «современном» режиме этого не происходит.

Примером «промежуточного режима» может служить Великобритания в XIX веке, тогда как во Франции в то время уже установился «современный» режим. Но на самом деле речь идет не о двух разных путях, а о двух вариантах «демографической революции», так как английский вариант воспроизвелся позднее и в других странах, где произошла «революция». Лишь во Франции ограничение рождаемости распространилось с самого начала сразу и в городах, и в деревне. Охватив всю страну, снижение рождаемости, несмотря на снижение смертности, постепенно сокращало коэффициент прироста населения, что в конечном счете без всяких потрясений привело к стационарному состоянию населения. Следствием этого стало сохранение мелких землевладений и меньшая степень пролетаризации. Во всех других странах ограничение рождаемости затрагивало вначале только города, наводнявшиеся выходцами из деревни, жившей еще по «законам природы» и избегавшей последствий «примитивного режима» только благодаря этой миграции, а также эмиграции за океан. В этих условиях снижение смертности вначале увеличивало избыток рождений, в то время как снижение рождаемости не поспевало за ним. Затем быстрое перемещение центра населения в бесплодные города резко изменило положение чаш весов. Отсюда, в конечном счете, – всеобщее ошеломляющее снижение рождаемости и, как можно ожидать, сокращение населения в ближайшее время.

Ландри ясно описывает использованные им методы оценки будущих тенденций динамики населения. «Грубые» коэффициенты рождаемости и смертности обманчивы, так как они зависят от соотношения различных возрастов в населении, а это соотношение само меняется в зависимости от изменений демографических процессов. Поэтому приходится заменить общий коэффициент рождаемости сложными исчислениями показателя «воспроизводства» поколения женщинами предыдущего поколения, включив в расчет смертность, так как она препятствует части женщин полностью завершить свою «репродуктивную» карьеру. Что касается общей смертности (ее показатель «очищается» благодаря исчислению средней продолжительности жизни), то она «играет свою роль», хотя ее изменения приводят лишь к колебаниям «уже достигнутой» численности населения. Но некоторые понятия можно не совсем правильно истолковать. Автор хочет сказать, что после того, как смертность, пережив определенные изменения, стабилизируется, последующие тенденции роста или сокращения населения будут зависеть только от его «репродуктивности». Да, но рост будет более быстрым или сокращение более медленным, если жизнь каждого поколения будет более долгой. Истинный «барыш» [от] смертности заключается в том, что *все* значительные приросты населения, о которых мы имеем более или менее точные данные, стали результатом снижения смертности, что и удвоило род человеческий в XIX веке, несмотря на все снижения «репродуктивности». И напротив, во

всех случаях, когда мы точно знаем причины «депопуляции и вырождения», они были обусловлены волнами небывалой смертности либо бегством жителей. Эти потери становились необратимыми, когда они совпадали с уничтожением экономических ресурсов, – типичный двойной результат военных разрушений. Можно найти множество более убедительных аргументов, чем гипотеза кризиса рождаемости, чтобы понять причины упадка Рима.

Вот почему опасность неудержимой экспансии избыточного населения, которое продолжает нарастать (вследствие чрезмерных «грубых» коэффициентов рождаемости, в конечном счете определяющих *современную* ситуацию, в отличие от «очищенных» расчетов, пригодных только для сомнительных прогнозов), даже с точки зрения «количественного» идеала цивилизации сейчас более существенна, нежели опасность сокращения в отдаленной перспективе рода человеческого в результате снижения рождаемости. Конечно, есть еще и то соображение, что «с точки зрения национальных интересов мы чаще всего будем популяционистами». И, добавим, до такой степени, что сегодня мы видим, как в некоторых странах Европы власти, интеллектуалы и «национальные» демократы взвалили на себя двойной труд: убедить народ в абсолютной необходимости искать выход для населения, которое все больше и больше «задыхается» в своих границах (что доказывается с помощью общих показателей численности населения и его роста), и подготовиться к тому, чтобы найти этот выход за счет «состарившихся» народов или «низших» рас..., и в то же время вести и проповедовать безудержную «пронаталистскую» политику и пропаганду под влиянием безумного страха, как бы «опустошения» приносимые «демографической революцией» не ликвидировали в скором времени (что легко предвидеть с помощью расчетов показателей «воспроизводства») как средства, так и основания для проведения экспансионистской политики. В этих условиях не стоит ли отбросить солидарные интересы «популяционистов» всех стран и встать в этом вопросе на такую общечеловеческую позицию (совпадающую в данном случае с национальными интересами Франции и всех миролюбивых народов), которая с учетом всех обстоятельств заставляет горячо желать как можно более скорой победы «демографической революции»?

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИТОГИ 2014 ГОДА.

КРАТКИЙ ДОКЛАД*

ИНСТИТУТ ДЕМОГРАФИИ НИУ ВШЭ

Институт демографии (ИДЕМ) НИУ ВШЭ представляет краткую версию ежегодного научного доклада «Население России», посвященного итогам демографического развития страны в 2014 г. При подготовке этого доклада был выполнен сравнительный анализ основных демографических процессов в России и в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Полный текст доклада будет опубликован отдельным изданием.

Ключевые слова: Россия, демографические итоги, численность населения, возрастной состав, рождаемость, смертность, внутренняя миграция, внешняя миграция.

1. ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ

Постоянное население России на начало 2015 г. насчитывало 146,3 млн человек¹, в том числе 2,3 млн в Крымском федеральном округе, образованном в 2014 г.² Даже без учета Крыма население России увеличивалось шесть лет подряд после периода убыли населения в 1993 и 1995-2008 гг. Наибольшая численность населения России отмечалась в 1993 г. – 148,6 млн человек, к началу 2009 г. она снизилась до 142,7 млн.

В 2009 г. впервые после 1994 г. был зарегистрирован небольшой прирост населения – 96 тыс. человек или 0,7‰. В следующем 2010 г. прирост населения составил всего 0,2‰, но затем стал увеличиваться, поднявшись до 2,2‰ в 2013 г. В 2014 г. он оказался немного ниже (2,1‰). В целом за 2009-2014 гг. число россиян без учета проживающих в Крымском федеральном округе увеличилось на 1235 тыс. человек (на 0,9%) и к началу 2015 г. достигло 144,0 млн человек, что примерно соответствует уровню середины 1986 и 2005 г.

Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия. Авторы доклада: А.Г. Вишневецкий, С.В. Захаров, С.И. Абылкаликов, Е.М. Андреев, Д.Д. Богоявленский, С.А. Васин, М.В. Винник, Ж.А. Зайончковская, О.Г. Исупова, Л.Б. Карачурина, Е.А. Кваша, В.А. Козлов, Е.С. Митрофанова, Н.В. Мкртчян, А.И. Ракша, А.В. Рамонов, В.И. Сакевич, Е.Л. Сороко, С.А. Тимонин, Ю.Ф. Флоринская, Т.Л. Харьковская, Е.М. Щербакова, А.И. Пьянкова, К.В. Решетников, Е.В. Чурилова, В.В. Юмагузин.

E-MAIL: mmezhevova@hse.ru

Статья поступила в редакцию в сентябре 2015 г.

* Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ 2015 года.

¹ Здесь и далее, если не указано иное, данные Росстата.

² По итогам переписи населения, проведенной в Крымском федеральном округе с 14 по 25 октября 2014 г., на территории округа постоянно проживали 2284,8 тыс. человек, из них 1891,5 тыс. - в Республике Крым и 393,3 тыс. - в г. Севастополе. В целях сопоставления с данными предшествующих лет мы используем данные по России без учета Крымского федерального округа.

Достигнутые темпы прироста невысоки, а наметившаяся в 2014 г. тенденция к их снижению свидетельствует о вполне вероятном возврате к нулевому приросту или убыли населения. Российскую ситуацию нельзя считать исключительной. Сходные тенденции динамики численности населения наблюдаются в странах Европейского союза (ЕС-28), где коэффициент общего прироста в тот же период лишь дважды превышал 0,2% (в 2010 и 2013 г.; рисунок 1). Совокупное население стран ОЭСР растет более высокими темпами, хотя доминирующей тенденцией на протяжении последних десятилетий и для всей этой группы стран также было снижение темпов прироста населения, которые сократились вдвое - с 1,4% в год в 1950-е годы до 0,7% в год начиная с середины 1990-х. Население США продолжает расти более высокими темпами (на 0,7% в год).

Россия, отличавшаяся в 1950-е годы более высокими темпами прироста населения, чем совокупные темпы для нынешних стран ОЭСР и ЕС-28, во второй половине 1960-х и в 1970-е годы заметно уступала не только ОЭСР, но и ЕС-28. В 1990-е годы в России начался довольно продолжительный период убыли населения, которая пока не характерна ни для ОЭСР, ни для ЕС-28 в целом. Снижение темпов прироста населения России было более резким и подвержено более значительным колебаниям, обусловленным отчасти волнообразными деформациями возрастной структуры.

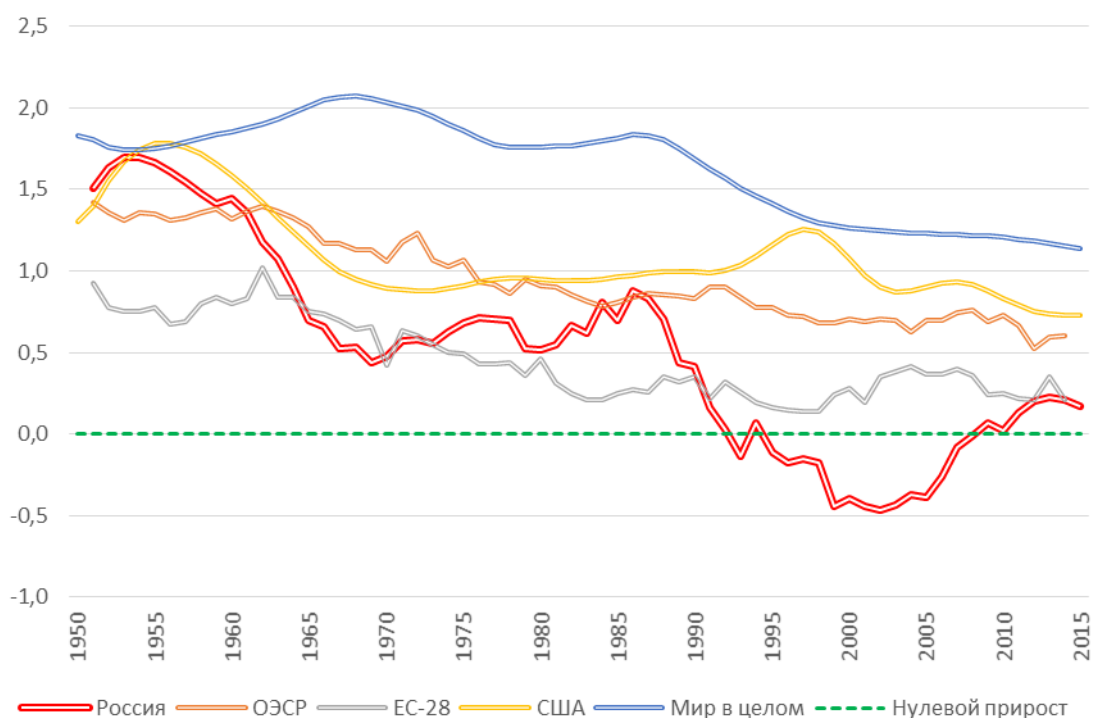

Рисунок 1. Прирост численности населения России, ОЭСР, ЕС-28 и мира в целом, 1950-2015, %

Источники (помимо Росстата): [База данных OECD.stat; База данных Евростата; United Nations... 2015].

При общем росте населения ОЭСР в ряде входящих в нее стран его численность сокращалась. Так, в 1980-е годы убыль населения отмечалась в Венгрии, в 1990-е годы – в

Венгрии, Чехии и Эстонии, в 2000-е годы – в Венгрии, Германии, Польше, Эстонии, а в 2010-2014 гг. – уже в семи странах: Венгрии, Германии, Испании, Польше, Португалии, Эстонии и Японии.

В США значения общего прироста снижались до конца 1980-х годов, уменьшившись вдвое по сравнению с 1950-ми годами. В 1990-е годы они вновь увеличились и довольно продолжительное время превышали 1% в год. После начала финансово-экономического кризиса 2008 г. они вновь снизились – до 0,7% в год в 2011-2012 гг.

Значительные колебания общего прироста населения, как правило, обусловлены колебаниями миграционного прироста, который в условиях низкой рождаемости и приближения естественного прироста к нулевому уровню или формирования тенденции естественной убыли становится определяющим фактором изменения численности населения.

Население России в последние годы увеличивается за счет как естественного, появившегося только в 2013 г., так и миграционного прироста, но величина естественного прироста незначительна (не более 0,2‰), а основным фактором роста остается миграционный прирост, обеспечивающий около 90% общего прироста.

Естественный прирост населения России до середины 1960-х годов превышал 1% в год, затем стабилизировался на уровне 0,5-0,7% в год. В течение примерно тридцати лет естественный прирост сочетался с миграционной убылью населения, складывавшейся в миграционном обмене России с другими союзными республиками, что не мешало довольно быстрому росту ее населения. С середины 1970-х годов, когда интенсивность потоков изменилась, население стало увеличиваться и за счет миграционного прироста, который, как правило, не превышал четверти общего прироста.

В 1990-е годы в условиях сложившейся долговременной тенденции естественной убыли населения миграция стала единственным источником роста его численности, однако чаще всего недостаточным для того, чтобы компенсировать естественную убыль. Впервые естественная убыль была зарегистрирована в 1992 г., а к началу 2013 г. ее величина, накопленная за 1992-2012 гг., превысила 13,2 млн человек или 8,9% от численности населения России на начало 1992 г. Совокупная величина миграционного прироста за те же годы составила 8,1 млн человек. Таким образом, миграционный прирост компенсировал 61% естественной убыли населения.

Интенсивность естественной убыли населения России в течение 1992-2012 гг. варьировалась в пределах от -6,6‰ (в 2000-2001 гг.) до -0,03‰ (2012 г.). Интенсивность миграционного прироста в тот же период изменялась в диапазоне от 1,7‰ (2002 г.) до 6,7‰ (1994 г.).

Лишь в 2009-2012 гг. миграционный прирост смог не только полностью компенсировать заметно сократившуюся естественную убыль, но и обеспечил прирост населения. В 2013 г. миграционный прирост (2,1‰) усилил незначительный естественный прирост (0,2‰), который внес свой, хотя и не очень весомый, вклад в общий прирост населения. В 2014 г. отмечены более низкий миграционный прирост (1,9‰) и такой же, как и в 2013 г., невысокий естественный прирост (0,2‰).

Данные о компонентах изменения численности населения ЕС-28 демонстрируют сходство России с европейскими странами. Естественный прирост населения ЕС-28, достаточно высокий в первой половине 1960-х годов, хотя и ниже, чем в России того времени, быстро снижался и в 1990-е годы приблизился к нулевому уровню. В 1993-2014 гг. значение коэффициента естественного прироста не превышало 1‰, за исключением 2008 г., когда оно составило 1,2‰. По прогнозным расчетам уже в ближайшие годы в целом для населения ЕС-28 неизбежно будет характерна естественная убыль населения.

Миграционный прирост населения ЕС-28 во второй половине 1960-х и начале 1980-х годов принимал отрицательные значения, а в годы, когда складывалось положительное сальдо миграции, его величина была относительно небольшой – определяющую роль в изменении численности населения играл естественный прирост. В 1990-е годы вклад миграционного прироста стал более значительным на фоне сократившегося естественного прироста, а в 2000-е годы он стал еще более весомым.

США отличаются более высоким уровнем естественного прироста, который медленно снижается, но до сих пор устойчиво превышает уровень 4‰. Коэффициент миграционного прироста также устойчиво выше – в 2011-2014 гг. он составлял около 3‰ в год (рисунок 2).

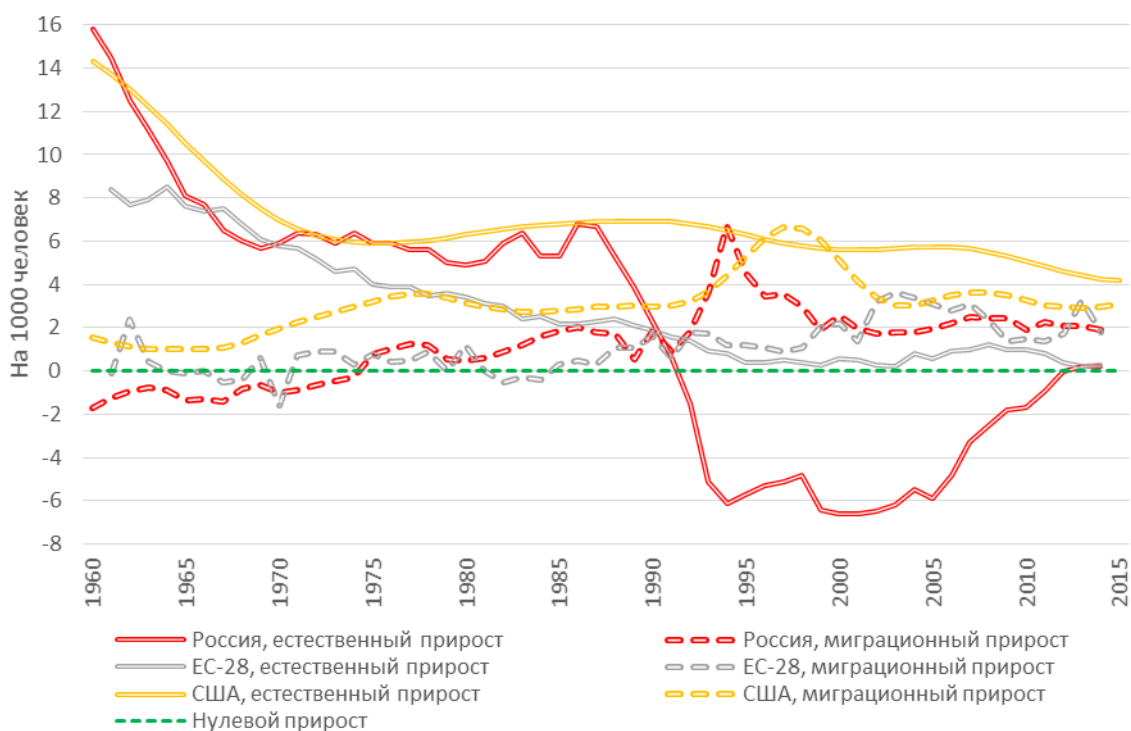

Рисунок 2. Компоненты прироста (убыли) численности населения России, ЕС-28 и США, 1960- 2014 гг., в расчете на 1000 человек

Источники (помимо Росстата): [База данных OECD.stat; База данных Евростата; United Nations... 2015].

2. ВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ

Как отмечалось в предыдущем Кратком докладе [Население России 2014b: 7-8], в эволюции возрастной структуры населения России наступил этап, на котором численность населения в до- и послерабочем возрастах растет, а численность населения рабочего возраста убывает, что ведет к значительному росту коэффициентов демографической нагрузки. Максимальная доля населения в возрасте 20-64 года была достигнута в 2012 г., с тех пор она снижается (таблица 1).

Таблица 1. Доля населения трех основных возрастных групп в России, %

Возраст	1970	1990	2012	2015
0-19	35,6	29,8	20,9	21,4
20-64	56,7	59,9	66,4	65,1
65+	7,7	10,3	12,8	13,5

Подобные демографические сдвиги характерны не только для России. Они происходят и в других странах и связаны с закономерной перестройкой возрастной структуры в процессе демографического перехода, хотя в каждой стране проявления этой универсальной тенденции имеют свою специфику. В частности, для России характерны резкие колебания показателя демографической нагрузки вследствие сильной деформированности российской возрастной пирамиды.

Сходство и различия изменений возрастной структуры хорошо видны на рисунках 3 и 4, где представлены во многом разные страны, объединенные, однако, тем, что они находятся на поздних стадиях демографического перехода.

Во всех этих странах длительное время отмечался рост численности населения в основных рабочих возрастах и соответственно их доли во всем населении – явление, известное как демографический дивиденд или бонус. В эволюционном плане бонус был следствием того, что нагрузка детьми снижалась быстрее, чем росла нагрузка пожилыми, хотя на эволюционные изменения, свойственные демографическому переходу, могли накладываться пертурбационные колебания, вызванные разного рода социальными потрясениями, как это было в России. Тем не менее перед Россией, как и перед всеми странами, на какое-то время открылось «окно демографического благоприятствования», совокупная демографическая нагрузка на население в рабочих возрастах снижалась.

Если сравнивать Россию со странами ОЭСР, то в 1970 г. она занимала 12-е место по доле населения в рабочем возрасте (20-64 года). Последующий рост этой доли происходил двумя волнами. Первая началась в 1969 г. и закончилась в 1985 г. На тот момент Россию опережала только Германия. Вторая волна длилась те же 17 лет (1996-2012 гг.), но прирост показателя был на треть больше: 7 против 5,3 п.п. Достигнутая Россией в 2012 г. доля населения в возрасте 20-64 года (66,2%) была максимальной за всю ее историю и самой высокой (после Южной Кореи) в списке стран ОЭСР за весь период с 1970 г.

Однако по мере того, как в ходе прогрессирующего старения населения число и доля пожилых людей увеличивается, а прилив молодежи в состав рабочего населения сокращается, «окно демографического благоприятствования» начинает закрываться, а фаза

бонуса неизбежно сменяется фазой «онуса»³ [Ogawa, Kondo, Matsukura 2005], на которой доля населения рабочего возраста убывает, а демографическая нагрузка на него растет. Во всех странах, представленных на рисунках 3 и 4, равно как и в большинстве других стран, входящих в ОЭСР, эта фаза уже наступила. По новейшему (2015 г.) прогнозу ООН в ближайшие десятилетия все страны ОЭСР, за исключением Мексики, Израиля и Турции, ждет существенное снижение доли населения рабочего возраста и рост демографической нагрузки на одного работающего [Unated Nations... 2015].

В 5 из 8 стран, представленных на рисунке 4, в том числе в России, доля населения в возрасте 20-64 года во всем населении в 2050 г. будет ниже, чем в 1970 г. Среди 34 стран ОЭСР такое снижение произойдет в 25 странах. Все же, несмотря на значительное (-10 п.п.) снижение показателя, в России его уровень в 2050 г. останется выше, чем в 33 из 34 стран ОЭСР.

Однако более актуальна ближайшая перспектива, и очень важна скорость предстоящих неблагоприятных изменений, что не раз отмечалось в докладах ИДЕМ: «1990-е и особенно 2000-е годы характеризовались исключительно благоприятной динамикой численности населения в трудоспособном возрасте (20-64 года). Численность и доля его во всем населении росли и никогда в прошлом не были столь высоки, как в конце первого десятилетия XXI в. Ничего подобного нельзя ожидать в прогнозном периоде, для которого будет характерно падение как числа, так и доли лиц в возрасте 20-64 года, причем это падение может оказаться очень значительным и затяжным» [Население России 2014а: 395-396]. Теперь Россию ждут более сложные времена, чем страны ОЭСР. К 2030 г. в России произойдет больший, чем в любой из стран ОЭСР, спад показателя (- 9 п.п., до уровня 1970 г.) и самое резкое (на 16%) сокращение численности населения рабочего возраста.

Как и все постпереходные страны, Россия сталкивается с проблемами демографического старения. Правда, в сравнении с большинством таких стран, она имеет довольно молодое население. При этом старение населения России протекает неравномерно. После паузы в 2006-2012 гг. доля пожилых будет непрерывно расти с некоторыми колебаниями, отражающими особенности ее возрастной пирамиды. За 2014-2030 гг. прирост показателя превысит таковой за 1970-2013 гг. Темпы старения будут ниже, чем в 1970-е годы, но значительно выше, чем в последние три десятилетия. Но демографическое старение ускорится и в абсолютном большинстве стран ОЭСР, так что на их фоне Россия останется относительно молодой (рисунок 5).

В целом возрастная композиция населения России лучше, чем в большинстве стран ОЭСР, благодаря сочетанию относительно низкой доли пожилых и высокой доли населения рабочего возраста. В перспективе до 2050 г. это преимущество России должно сохраниться и, возможно, упрочиться.

³ От латинского *onus* – бремя, ответственность, долг. То же значение это слово имеет в английском языке, где с недавних пор его стали применять для обозначения фазы, следующей за фазой бонуса.

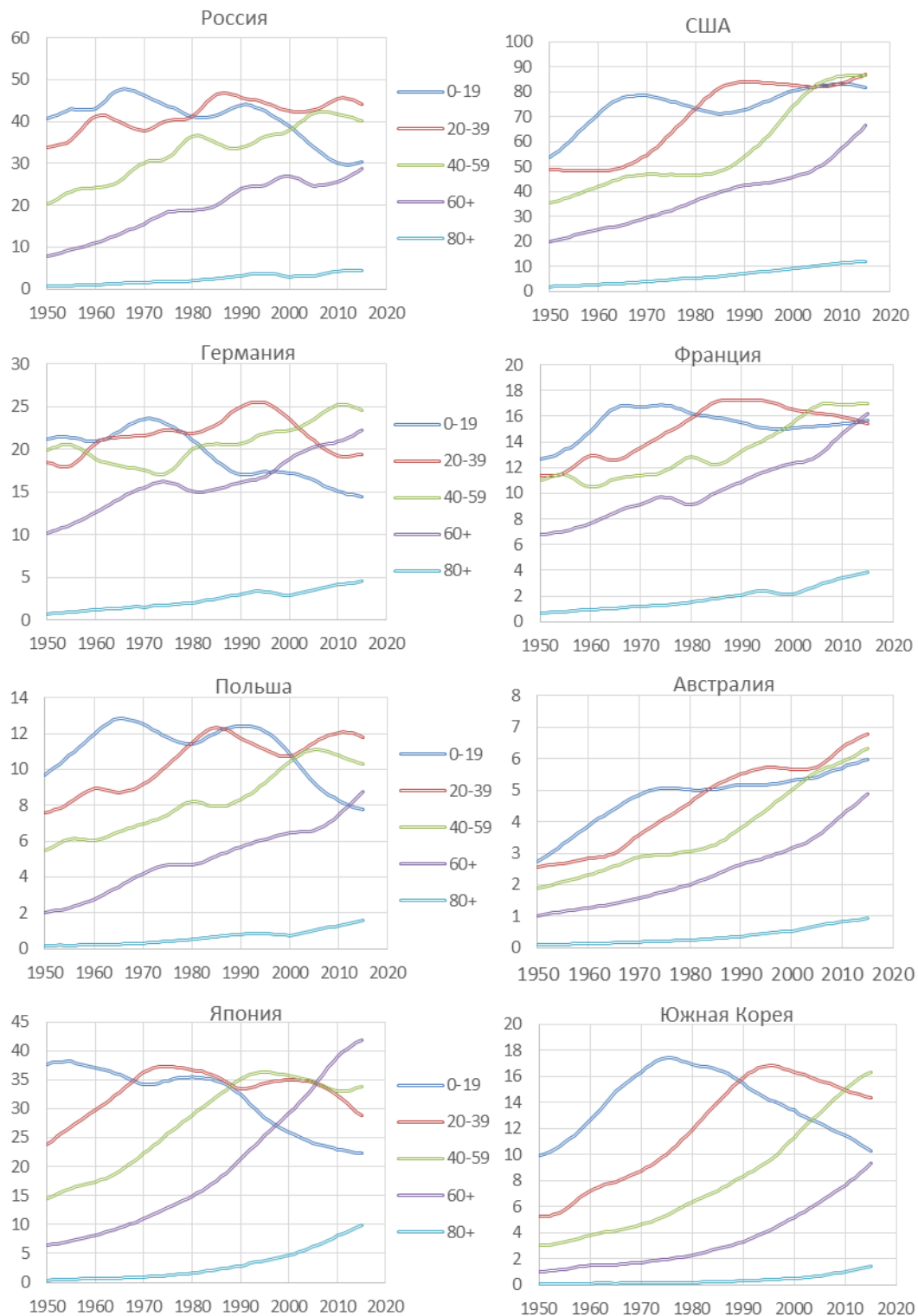

Рисунок 3. Численность населения в пяти возрастных группах в России и семи странах ОЭСР в 1950-2015 гг., оба пола, млн человек

Источник: [United Nations... 2015].

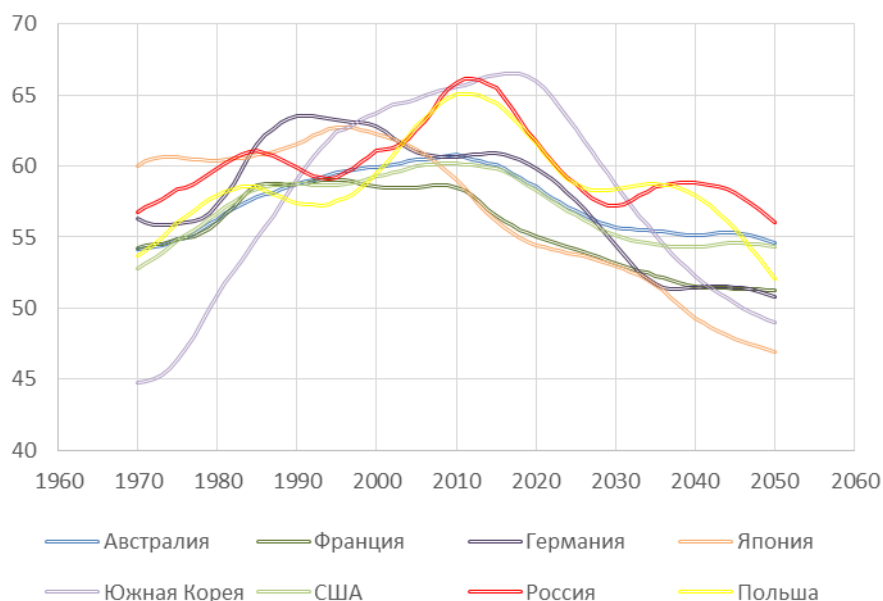

Рисунок 4. Доля населения в возрасте 20-64 года в 1970-2050 гг. в России и в некоторых странах ОЭСР, оценки и средний вариант прогноза ООН-2015, оба пола, %

Источник: [United Nations... 2015].

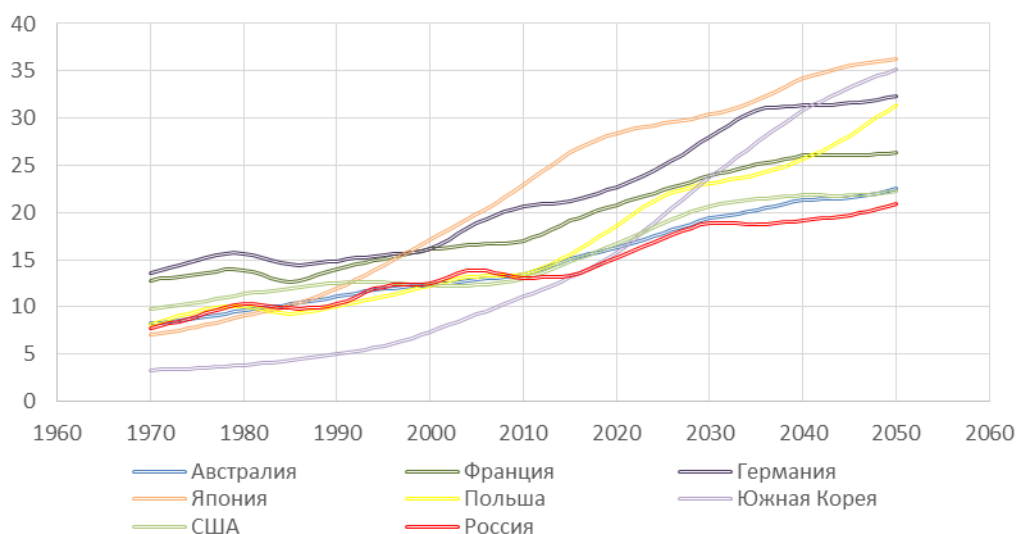

Рисунок 5. Доля пожилых (65+) в России и в некоторых странах ОЭСР, оценки и средний вариант прогноза ООН-2015, оба пола, %

Источник: [United Nations... 2015].

3. БРАКИ И РАЗВОДЫ

В последние десятилетия Россия, как и другие страны, пережила глубокую трансформацию форм семейно-брачных отношений, возрастной модели брачности и института брака в целом. Интенсивность заключения брака в России сейчас намного ниже, а возраст его заключения существенно выше, чем в конце советского периода (конец 1980-х – начало

1990-х годов). Если в 1980-х годах женщины, вступающие в первый брак в возрастах до 25 лет, обеспечивали более 80% величины коэффициента суммарной брачности для первых браков, то в 2014 г. – 57%, а у мужчин соответствующий показатель упал еще заметнее – с более 70 до 35%, т.е. в 2 раза (таблица 2).

Таблица 2. Коэффициент суммарной брачности для первых браков, заключенных мужчинами и женщинами в возрасте до 50 лет, и вклад в его величину отдельных возрастных групп, Россия, 1980, 1990, 2011 и 2014 гг.

Год	Коэффициент суммарной брачности (к возрасту 50 лет)	Вклад лиц указанного возраста в коэффициент суммарной брачности, %			
		до 25 лет		25-29 лет	30 лет и старше
		все до 25 лет	в том числе до 20 лет		
Мужчины					
1980	0,914	72,5	7,2	18,0	9,5
1990	0,949	73,8	9,3	18,3	7,9
2011	0,803	38,3	2,5	38,1	23,6
2014	0,749	35,3	2,6	38,4	26,3
Женщины					
1980	0,958	82,5	33,3	10,7	6,8
1990	0,998	85,0	40,2	9,5	5,5
2011	0,848	59,6	12,7	26,8	13,6
2014	0,824	57,2	12,8	27,1	15,8

*Примечание: * - Без данных по Чеченской республике.*

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

В результате произошло заметное сближение российской модели брачности с моделью, характерной для большинства индустриально развитых стран, хотя сохранялись и большие различия.

Снижение брачности в России, как и в других странах, сопровождалось увеличением среднего возраста женихов и невест при вступлении в первый брак. Но у нас оно началось много позднее, чем в большинстве экономически развитых стран, и так как у них оно еще продолжается, то сближения России по этому показателю с наиболее развитыми странами ОЭСР пока не наблюдается. Если в начале 1970-х годов по всей Европе, включая и Россию, средний возраст заключения брака для женщины колебался в интервале 22-24 года, то к сегодняшнему дню в странах Севера, Запада и Юга Европы средний возраст невесты достиг 30 лет, в восточноевропейских странах - почти 27 лет (присутствие в этой группе Белоруссии и Украины занижает среднюю величину для группы). В России же он лишь едва преодолел планку в 25 лет. Не прослеживается попытка догнать и большинство других, неевропейских стран-членов ОЭСР. Видимо, только Турция и Израиль из списка стран ОЭСР сегодня отстают немного от России по возрасту заключения первого брака (рисунок б).

В последнее время неожиданно наметилась новая тенденция: интенсивность заключения первых браков, которая довольно давно снижалась в России, вновь стала расти. Судя по последним данным, уровень брачности в России превышает показатели во всех прочих странах ОЭСР, включая такие страны, как Турция, Израиль, Мексика и Чили.

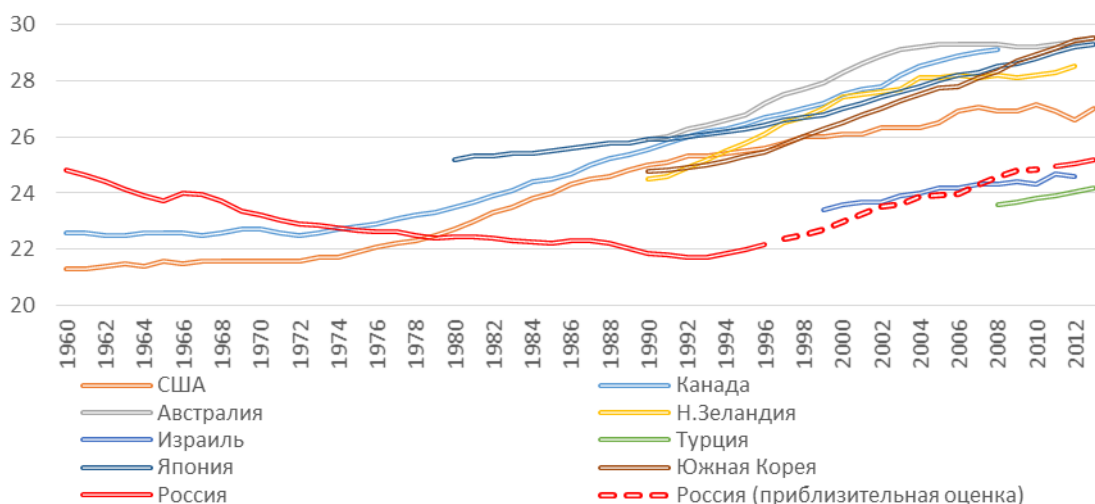

Рисунок 6. Средний возраст женщины при заключении первого брака в России и в неевропейских странах ОЭСР, 1960-2013, лет

Источники: [База данных OECD.stat; База данных Евростата; База данных ИДЕМ НИУ ВШЭ].

Уровень российской брачности и прежде существенно превышал среднюю для развитых стран, а чаще всего, и максимальную границу межстрановой вариации, причем не только по общему коэффициенту, но и по коэффициенту суммарной брачности для первых браков. В этом можно было бы найти и позитивные стороны, если бы при этом Россия не лидировала и по уровню разводимости (рисунок 7). Ожидаемая доля браков из числа заключенных в 2014 г., которые прекратятся вследствие развода, для России приближается к 60% (591 развод на 1000 браков с учетом их продолжительности; таблица 3). Вероятно, это наиболее высокий показатель в мире.

Таблица 3. Некоторые обобщающие характеристики разводимости, Россия, 1970, 1980, 1990, 2011 и 2014

Год	Коэффициент суммарной разводимости*		Средний возраст при регистрации развода, лет**		Разводы на 1000 браков с учетом их продолжительности***	Средняя продолжительность расторгнутого брака, лет****
	мужчины	женщины	мужчины	женщины		
1970	0,489	0,422	37,8	33,6	319	9,8
1980	0,621	0,553	38,4	34,6	426	10,5
1990	0,553	0,567	38,1	34,6	396	10,2
2011	0,661	0,604	39,7	35,7	590	10,1
2014	0,665	0,627	39,4	35,2	591	9,7

* - Сумма возрастных коэффициентов разводимости. Интерпретируется как ожидаемое среднее число разводов на одного человека за всю жизнь при неизменных возрастных коэффициентах разводимости, наблюдаемых в указанном году.

** - Средняя арифметическая взвешенная, где в качестве весов взяты возрастные коэффициенты разводимости.

*** - Сумма коэффициентов разводимости, приведенных к длительности расторгаемых браков. Интерпретируется как ожидаемая доля браков, которая прекратится по причине развода из числа браков, заключенных в указанном году (из брачной когорты указанного года), при неизменных коэффициентах разводимости, рассчитанных относительно браков различной продолжительности.

**** - Средняя арифметическая взвешенная, где в качестве весов взяты коэффициенты разводимости, приведенные к длительности расторгаемых браков.

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

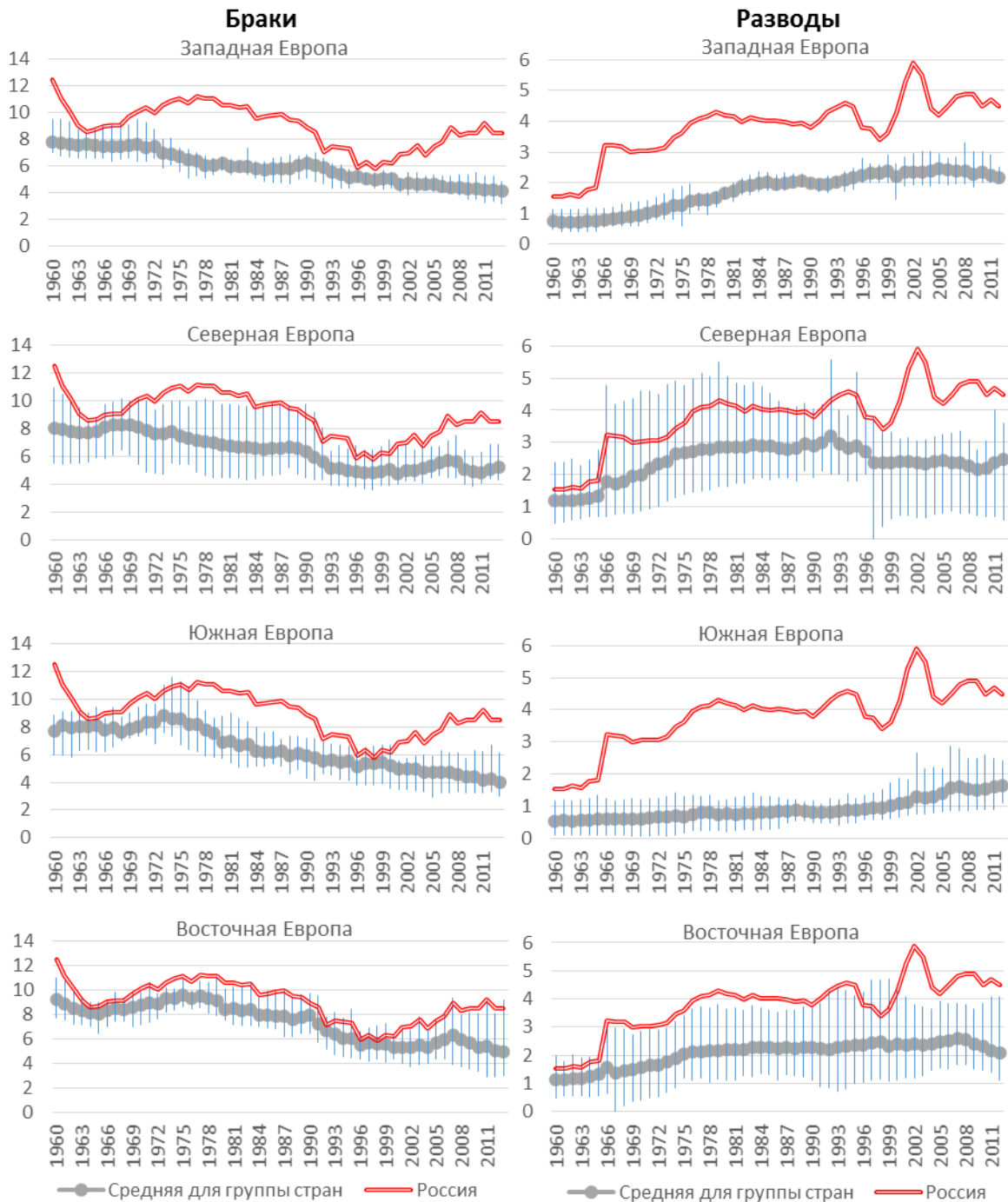

Рисунок 7. Общий коэффициент брачности и разводимости в России и в странах Европы (среднее арифметическое невзвешенное значение и размах вариации по группам стран), 1960-2013, на 1000 населения

Примечание: Западная Европа: Австрия, Бельгия, Франция, Германия, Люксембург, Нидерланды, Швейцария; Северная Европа: Дания, Эстония, Финляндия, Исландия, Ирландия, Латвия, Литва, Норвегия, Швеция, Великобритания; Южная Европа: Хорватия, Греция, Италия, Мальта, Португалия, Словения, Испания; Восточная Европа: Болгария, Чехия, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия, Белоруссия, Украина.

Источники: [База данных OECD.stat; База данных Евростата; База данных ИДЕМ НИУ ВШЭ].

В России средняя длительность брака, прекратившегося вследствие развода, одна из самых коротких в мире. Среди стран, для которых имеются данные для 2000-х годов, Россия выделяется самой низкой продолжительностью расторгнутого брака - около 10 лет (10 лет в 2011 г., 9,7 в 2014 г.; таблица 3). Более низкая в России, чем в других странах, средняя длительность брака, закончившегося разводом, сочетается с более низкой, чем в большинстве стран ОЭСР, долей разведенных пар с детьми, причем с начала 2000-х годов доля браков с общими детьми среди разведенных пар в России существенно снизилась – с 60 до 39,9% (2014 г.). Таким образом, бездетные пары стали составлять большинство разведенных супругов. Оценивая все эти показатели, трудно отделаться от мысли, что какая-то часть первых браков, по сути, играет роль «пробных партнерств», которые в других странах достаточно широко распространены, но не оформляются как официальные браки.

Несмотря на очень низкую, по мировым меркам, стабильность брака в России, более высокая, по сравнению с другими странами ОЭСР, интенсивность первых и повторных браков, в том числе в молодом возрасте, позволяет поддерживать относительно более благоприятную брачную структуру населения в репродуктивных возрастах. Доля женщин, состоящих в брачно-партнерских отношениях (зарегистрированных и незарегистрированных), - одна из наиболее высоких среди развитых стран, а доля проживающих в незарегистрированных отношениях с партнером существенно ниже средней величины для стран ОЭСР. Если иметь в виду, что, как правило, партнеры, состоящие в зарегистрированных браках, более склонны иметь детей (общемировая практика), то нельзя не прийти к выводу, что сложившаяся к сегодняшнему дню ситуация в России с точки зрения потенциала для рождаемости на фоне стран ОЭСР выглядит благоприятнее со всех сторон: и число женщин, находящихся под риском наступления беременности, выше, и среди последних выше доля состоящих в более прочных брачных союзах.

4. РОЖДАЕМОСТЬ

В 2014 г. продолжалась закономерная перестройка возрастной кривой рождаемости, в результате которой структура коэффициента суммарной рождаемости возвращалась примерно к той, которая существовала на рубеже 1950-х-1960-х годов при более высоком уровне рождаемости (рисунок 8).

В данном случае Россия идет по пути, общему для большинства развитых стран, и, судя по их опыту (на рисунке 9 для примера приведены Франция и Швеция), сдвиг рождаемости к старшим материнским возрастам в России еще будет продолжаться.

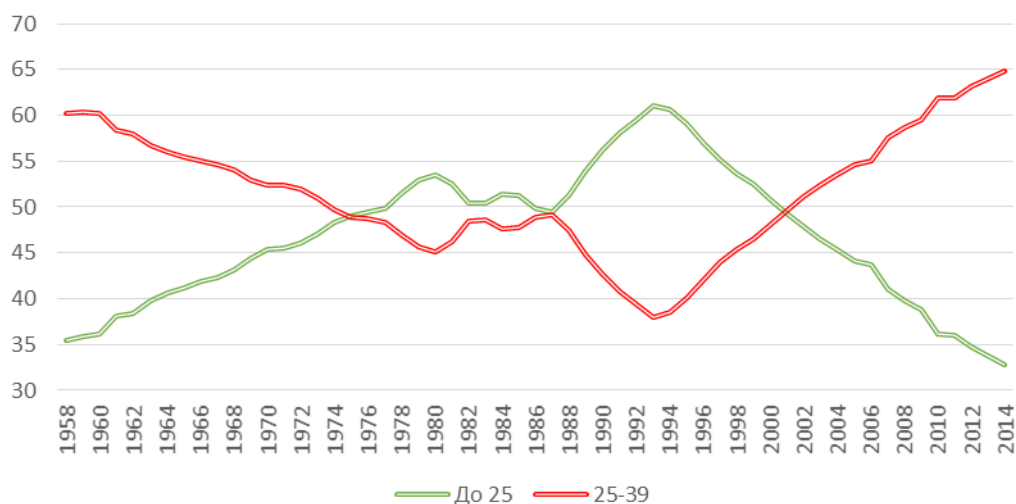

Рисунок 8. Вклад женщин в возрасте до 25 лет и от 25 до 40 лет в суммарную рождаемость, Россия, 1958-2014, %

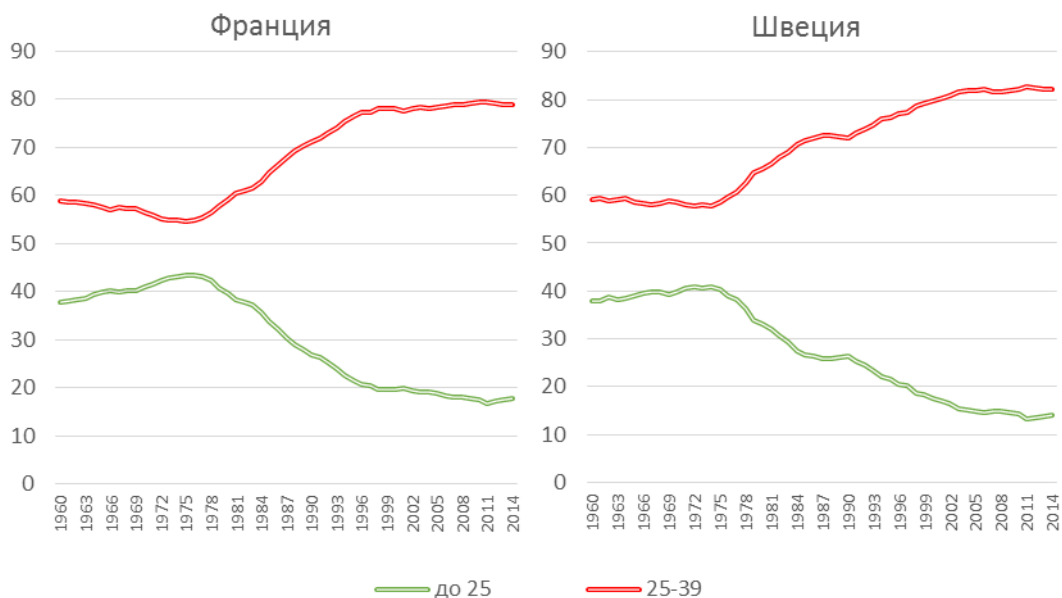

Рисунок 9. Вклад женщин в возрасте до 25 лет и от 25 до 40 лет в суммарную рождаемость, Франция и Швеция, 1960-2014, %

Перестройка кривой рождаемости в России, по-видимому, началась еще на рубеже 1970-1980 годов, однако тогда она была временно остановлена не вполне продуманными мерами демографической политики, спровоцировавшими рост числа рождений детей у юных матерей, и возобновилась лишь в середине 1990-х годов. Вопреки тому, что принято думать на основании наблюдения за коэффициентом суммарной рождаемости, именно тогда начался рост рождаемости в возрастных группах 25-29 лет и 30-34 года, которые сейчас определяют повышение коэффициента суммарной рождаемости (рисунок 10).

В 2014 г. этот коэффициент достиг значения 1,76, но само по себе это ни о чем не говорит. Разнонаправленные изменения возрастных показателей делают коэффициент суммарной рождаемости (т.е. сумму движущихся в разных направлениях возрастных

значений) неадекватной мерой ее общей динамики, в этой ситуации нужно наблюдать непосредственно возрастные показатели. Они как раз и указывают на то, что младшие материнские группы (до 25 лет) не демонстрируют никакого роста рождаемости, а практически весь прирост суммарной рождаемости обеспечивается тремя следующими пятилетними группами женщин (25-29, 30-34 и 35-39 лет).

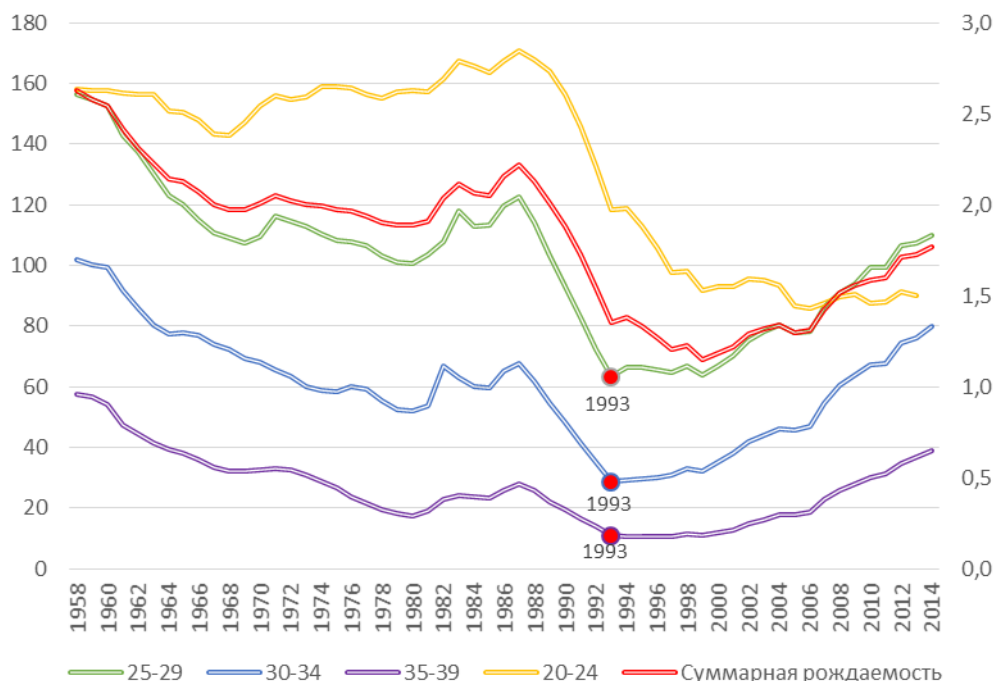

Рисунок 10. Число рождений на 1000 женщин соответствующего возраста (левая шкала) и коэффициент суммарной рождаемости (правая шкала), Россия, 1958-2014

В условиях, когда коэффициент суммарной рождаемости (характеристика «условного» поколения) утрачивает свое диагностическое значение, возрастает роль итоговых показателей для реальных поколений (когортных показателей), которые не зависят от сдвигов в календаре рождений. Правда, использование когортного подхода имеет существенные ограничения, связанные с тем, что окончательная величина итоговой рождаемости реальных поколений становится известна только тогда, когда возраст женщин приближается к 50 годам. Для более молодых когорт приходится пользоваться оценочными показателями, основанными на экстраполяции достигнутых к моменту наблюдения значений накопленной к определенному возрасту рождаемости. Сейчас, учитывая тот факт, что интенсивность деторождения после 35 и даже после 40 лет, как мы видели, растёт, экстраполированные оценки для России, как и для всех развитых стран, приходится год за годом пересматривать в большую сторону.

Показатель итоговой рождаемости реальных поколений в России свидетельствует, что, вопреки распространенным представлениям, рождаемость у поколений, родившихся между концом 1950-х и началом 1970-х годов, в том числе и тех, чей период наибольшей прокреативной активности пришелся на считающиеся успешными 1980-е годы, снижалась. Повышаться же она стала у поколений, родившихся после 1972 г., которые достигали возраста материнства в начале 1990-х годов, и этот рост продолжается до сих пор.

Подобную тенденцию для этих же поколений можно наблюдать и в некоторых других странах как с более высокой (США, Франция, Англия, Бельгия, Эстония), так и с более низкой (Швейцария, Германия, Италия, Украина, Япония), чем в России, итоговой рождаемостью (рисунок 11).

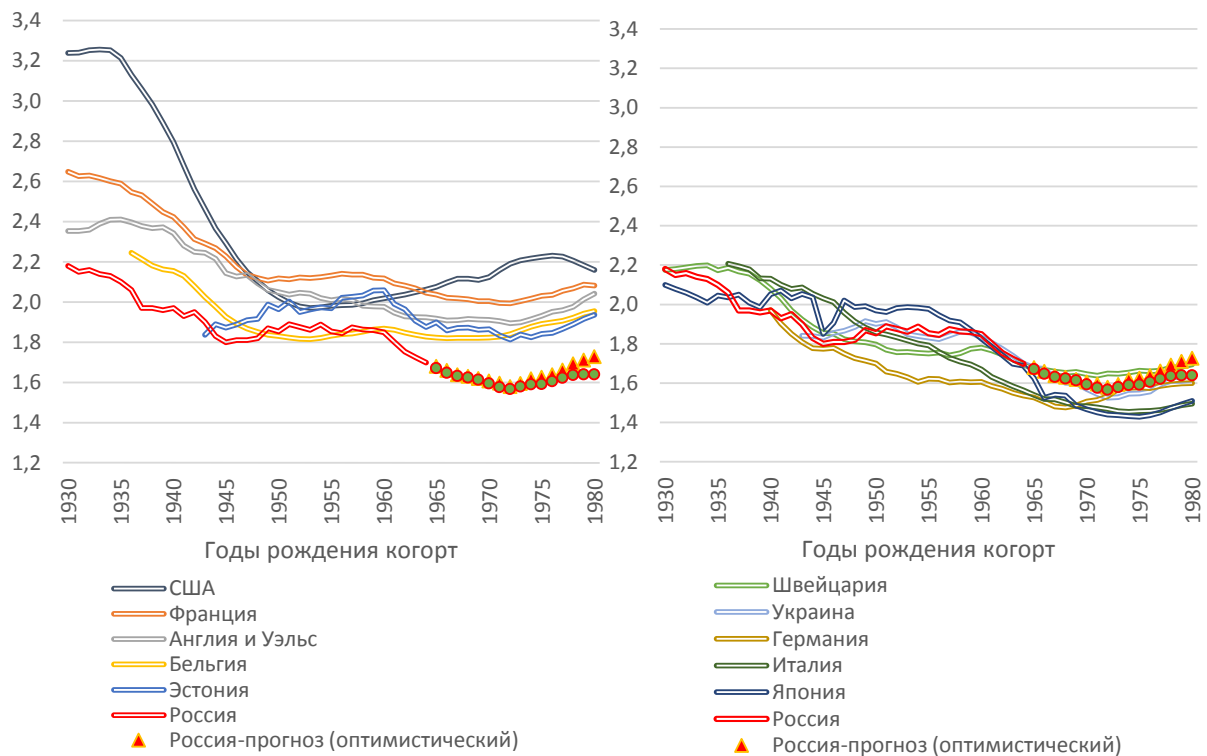

Рисунок 11. Итоговый уровень рождаемости женских когорт в России и в некоторых развитых странах с относительно высокой (левая панель) и относительно низкой (правая панель) рождаемостью, а также его прогноз на ближайшие годы

Повышение итоговой рождаемости реальных поколений было в основном обусловлено повышением вероятности рождения вторых и третьих детей. В первой половине 1980-х годов вероятность следующего рождения повышалась для детей всех очередностей, но затем движение пошло в противоположном направлении. Во второй половине 1980-х годов откладывались (и, видимо, частично так и не реализовались) рождения не только вторых и последующих детей, но даже и первенцев, что и обусловило снижение итоговой рождаемости поколений, родившихся до начала 1970-х годов (возможно, это связано с тем, что отложенные рождения пришлось на самый неподходящий период начала 1990-х годов). Но у поколений, родившихся в начале 1970-х годов, и последующих вероятность рождения вторых и третьих детей увеличивалась, и этот процесс продолжается (рисунок 12).

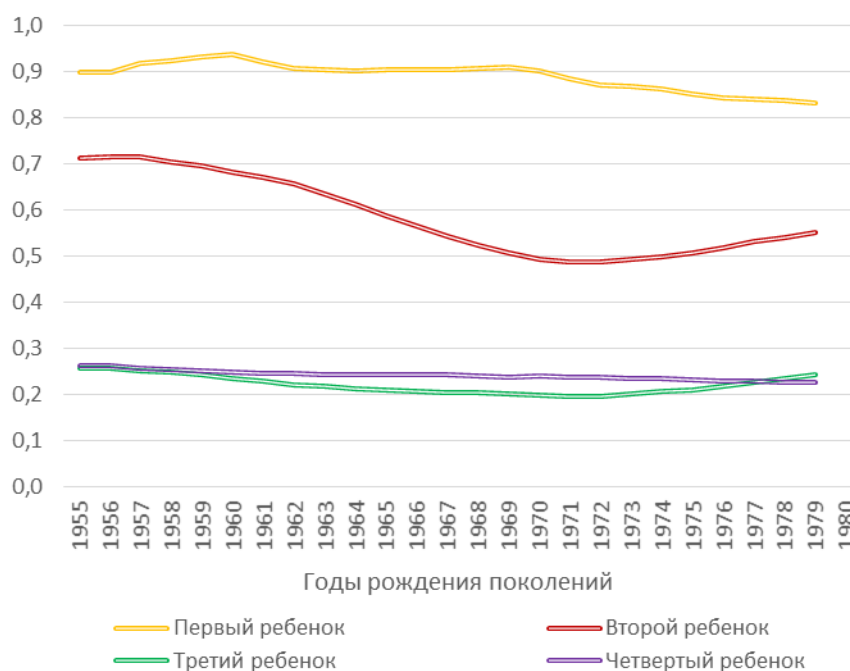

Рисунок 12. Накопленные значения вероятностей рождения детей разной очередности к возрасту матери 35 лет

В то же время настораживает снижение вероятности рождения первого ребенка, сужающее базу для дальнейшего роста числа вторых и последующих детей. Если эта тенденция сохранится, то ожидаемая доля окончательно бездетных женщин (не имевших ни одного живорождения к возрасту 50 лет) составит, в среднем, 16% (от 15 до 18%). При таком соотношении, чтобы достичь итоговой рождаемости, необходимой для простого замещения поколений (2,1 рождения на одну женщину), необходимо, чтобы на одну когда-либо рожавшую женщину приходилось в среднем 2,5 рождения, т.е. чтобы каждая вторая семья с детьми имела не менее трех детей. Учитывая сегодняшнее положение вещей, такую ситуацию представить себе трудно.

Мировой опыт также не дает больших оснований для оптимизма. Высокая доля бездетных в современном мире не редкость. Еще в 1970-х годах уровень бездетности во многих странах существенно вырос, достигнув в Англии и США почти 20%, а затем в Западной Германии превысив этот уровень. Самая высокая бездетность, помимо германоязычных стран, прогнозируется в странах Восточной Азии. Имеющаяся статистика по Японии и Южной Корее позволяет предположить, что бездетными здесь могут остаться до 25-30% женщин. Бездетность растёт и в странах Восточной Европы, такие страны, как Чехия и Польша приближаются по этому показателю к уровням, больше характерным для Западной Европы (16-20%).

Ситуация с рождением вторых и последующих детей в развитых странах также разнообразна. Так, в англоязычных странах, особенно в США, а также в Скандинавии и во Франции, несмотря на относительно высокий уровень бездетности, велика доля вторых и последующих детей, а рождение за всю жизнь только одного ребёнка нехарактерно. В большинстве стран Восточной Европы доля вторых и особенно третьих и последующих

детей намного ниже, она низка также в германоязычных европейских странах, в странах Южной Европы и Восточной Азии.

5. ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ

Россия была одной из первых крупных стран, в которых после Второй мировой войны рождаемость опустилась ниже уровня простого замещения поколений (в 1964 г.). Но положение быстро менялось, снижение рождаемости охватило все промышленно развитые страны, и в 1980-е годы ее уровень практически повсеместно опустился ниже уровня простого замещения поколений. В 2011-2014 гг. не было ни одной развитой страны, в которой значение этого показателя находилось бы на уровне простого воспроизводства населения, и лишь некоторые страны более или менее близки к нему (рисунок 13).

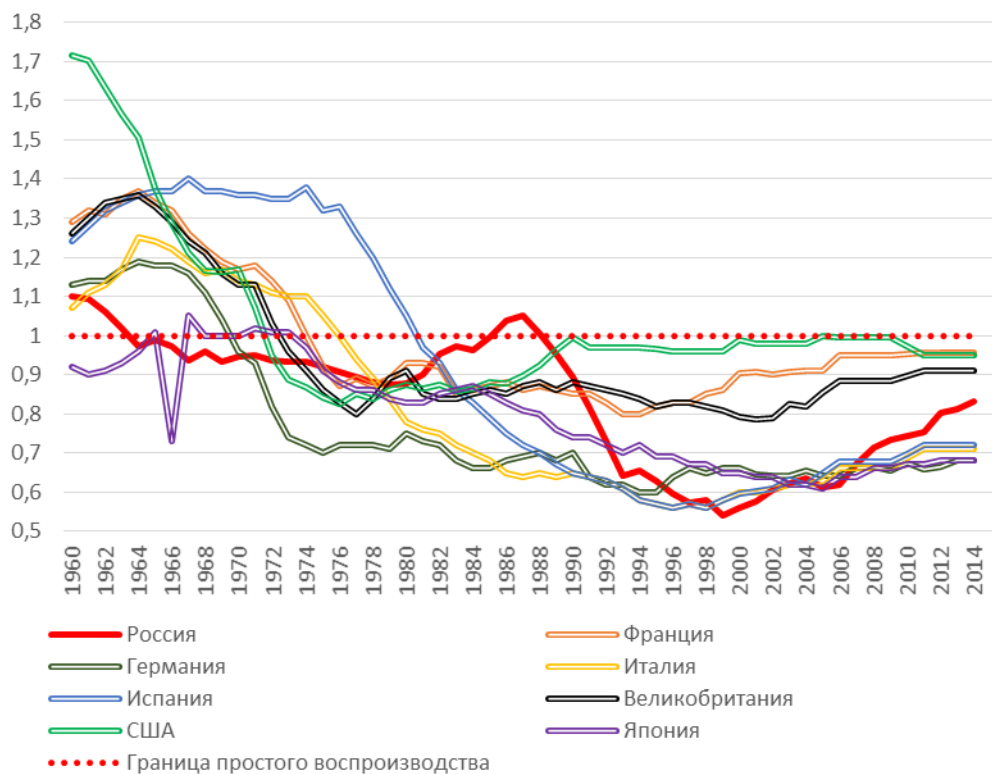

Рисунок 13. Нетто-коэффициент воспроизводства населения в некоторых странах

Наблюдаемая в 2014 гг. в России величина нетто-коэффициента воспроизводства (0,83) указывает на то, что, с учетом смертности, текущий уровень рождаемости обеспечивает замещение поколений нынешних матерей лишь на 83%. Если на протяжении двух-трех десятилетий наблюдаемые сегодня режимы рождаемости и смертности не будут меняться, то каждое последующее дочернее поколение будет меньше предыдущего на 17%. В таком стабильном (т.е. имеющем неизменный режим воспроизводства) населении ежегодный коэффициент естественного прироста (так называемый «истинный» или «собственный» коэффициент естественного прироста, очищенный от влияния возрастной структуры) будет отрицательным на уровне 6,4 на 1000 населения, а численность населения страны, закрытой для миграции, станет сокращаться ежегодно на 0,64%.

В последние годы, как отмечалось, в России наблюдается пусть и небольшой, но положительный естественный прирост. Расхождение между «истинным» и фактическим коэффициентами объясняется тем, что фактическая возрастная структура населения России сильно отличается от структуры модельного стабильного населения, соответствующего нынешним уровням рождаемости и смертности. Сегодня возрастной состав населения России благоприятствует тому, чтобы население не слишком быстро сокращалось. Но если наблюдаемый режим замещения поколений будет сохраняться продолжительное время, то фактический коэффициент естественного прироста неизбежно станет приближаться к истинному, что означает усиливающуюся естественную убыль населения. Реальный вклад в рост показателя воспроизводства может внести только повышение рождаемости, так как даже при высокой в целом российской смертности в младших возрастах резервы ее снижения невелики. Если в России 98% девочек доживает до среднего возраста матери, то лучшие показатели в мире – 99%.

6. ПЛАНИРОВАНИЕ СЕМЬИ

За последние два десятилетия Россия значительно продвинулась на пути перехода к цивилизованному и гуманному типу контроля рождаемости, при котором для регулирования числа детей и сроков их рождения пары используют не аборт, а методы контрацепции, позволяющие предотвратить нежелательную беременность. С конца 1980-х годов официальная статистика фиксирует неуклонное снижение ежегодных чисел аборт в России (рисунок 14). С 1988 г. (после которого началось устойчивое снижение) до 2014 г. абсолютное число прерванных беременностей и специальный коэффициент аборт на 1000 женщин в возрасте 15-49 лет уменьшились в 5 раз. Если в середине 1960-х годов на одни роды приходилось около 3 аборт, то сейчас родов вдвое больше, чем аборт.

Снижение частоты аборт в постсоветский период затронуло все возрастные группы, при этом чем моложе женщины, тем быстрее снижались аборт. Молодые поколения ведут себя иначе, чем поколения их матерей. Суммарный коэффициент аборт снизился с 3,39 аборт в среднем на одну женщину репродуктивного возраста в 1991 г. до 0,85 – в 2014 г., а без учета самопроизвольных аборт – до 0,64.

Несмотря на очевидные успехи, Россия по уровню аборт по-прежнему опережает большинство европейских стран и стран-членов ОЭСР; российский коэффициент аборт на 1000 женщин репродуктивного возраста выше швейцарского в 3,5 раза (рисунок 15). Иными словами, несмотря на успехи в снижении числа аборт, эта задача не решена до конца. При этом взгляды на пути ее дальнейшего решения расходятся. Наряду со сторонниками проверенного опытом многих стран способа борьбы с абортами вытеснением их эффективными современными методами планирования семьи, есть и сторонники репрессивных методов, направленных на отказ от признания права женщины на аборт и ограничение доступности искусственного прерывания беременности. Последнее никогда в истории не приносило положительных результатов ни с точки зрения демографической динамики, ни с точки зрения здоровья женщин.

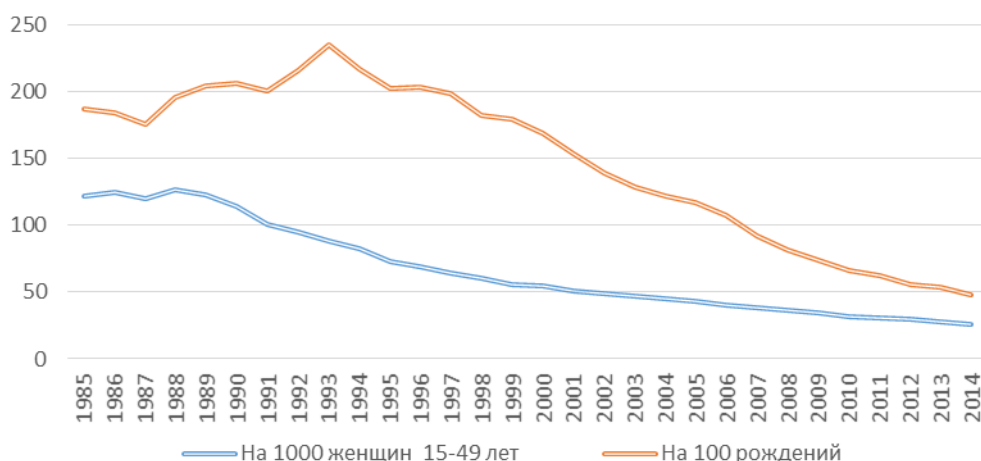

Рисунок 14. Число абортс на 1000 женщин в возрасте 15-49 лет и на 100 живорождений. Россия, 1985-2014

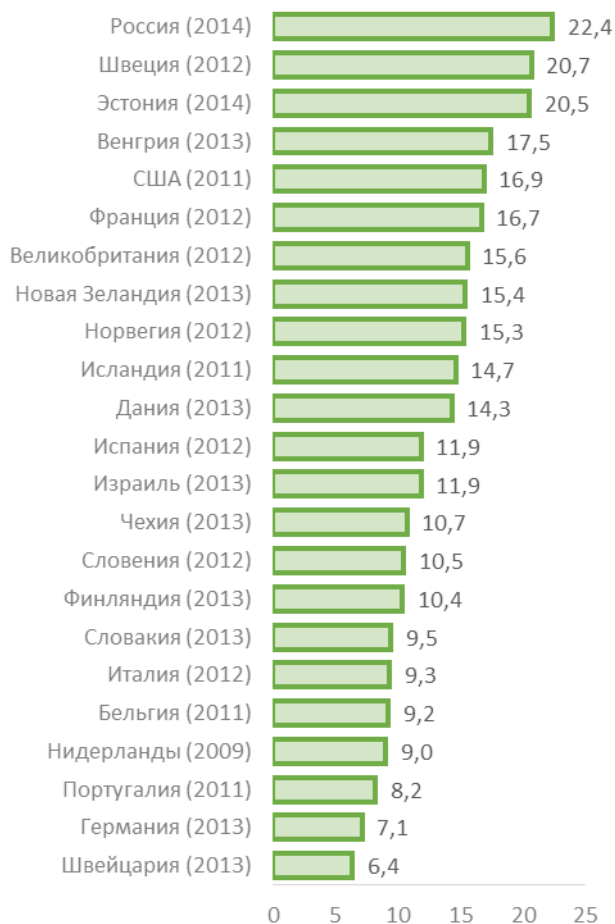

Рисунок 15. Специальный коэффициент абортс в России и странах ОЭСР (имеющих достоверную статистику абортс), на 1000 женщин в возрасте 15-44 лет

Примечание: Показатель по России не включает самопроизвольные абортс.

Источники: Рассчитано на основе: европейские страны: [База данных Евростата]; США: [Институт Гуттмахера]; Израиль: [Central Bureau of Statistics of Israel]; Новая Зеландия: [Statistics New Zealand].

7. СМЕРТНОСТЬ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ

На протяжении последних 10-15 лет смертность в России во всех возрастах как у мужчин, так и у женщин, снижается, и этот период эволюции смертности можно считать успешным. Однако он в свою очередь представляет собой лишь отрезок более долгого, полувекового периода, в целом крайне неблагоприятного. За 50 лет страна пережила три периода роста и три периода снижения смертности, причем даже с учетом последнего снижения смертности ее уровень в большинстве пятилетних возрастных групп взрослого населения все еще выше уровня 1965 г. (рисунок 16).

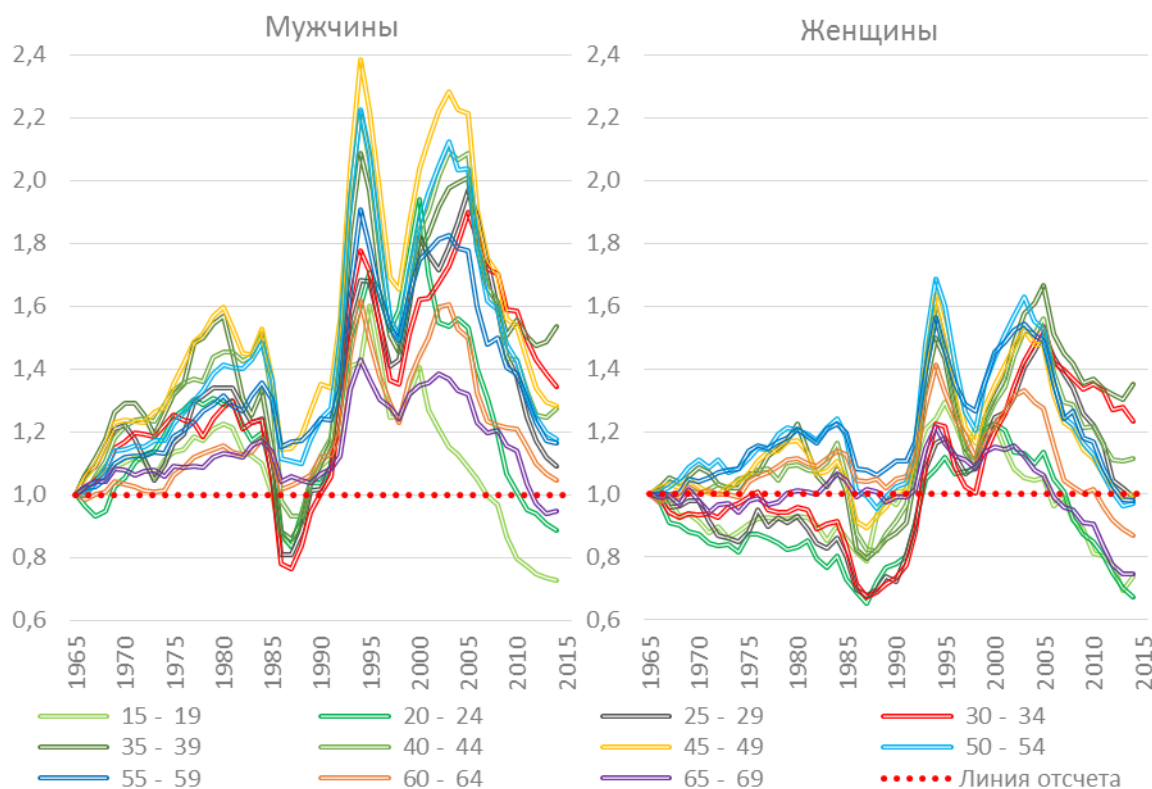

Рисунок 16. Изменение пятилетних возрастных коэффициентов смертности в возрастах 15 - 69 лет, 1965-2014. 1965 = 1

Два последних подъема смертности, достигшие пиков в 1994 и 2003 гг., были особенно резкими. При этом снижение смертности после 1994 г., прерванное кризисом 1998 г., было коротким, но быстрым, тогда как снижение после пика 2003 г. было более долгим и более медленным.

В последние 16 лет коэффициенты смертности в различных возрастах менялись в разных направлениях.

Вот уже несколько десятилетий продолжает снижаться младенческая смертность, хотя достигнутый уровень до сих пор остается почти в 4 раза выше, чем в странах с минимальными ее значениями. С 2012 г. Россия перешла на определения живорождения, в основном соответствующие рекомендациям ВОЗ, что привело к некоторому росту коэффициента младенческой смертности и увеличило разрыв с развитыми странами. Но в 2013-2014 гг. младенческая смертность продолжила снижаться.

После некоторых колебаний в 1990-е годы с начала 2000-х годов устойчиво и довольно быстро снижается смертность детей в возрасте от 1 до 5 лет и более плавно – в возрасте от 5 до 15 лет.

Новым явлением в Российской смертности после 2002 г. стало ее существенное снижение в возрастах старше 60 лет, стандартизованный коэффициент смертности в этом возрасте и у женщин, и у мужчин снизился к 2013 г. на 28% от уровня 2002 г.

Примерно с 2004-2005 гг. возобладала тенденция снижения и во всех возрастах взрослого населения. Однако в самые последние годы эта тенденция стала сходиться на нет, снижение возрастных коэффициентов замедлилось, приостановилось, а в некоторых возрастных группах начался рост показателя. В 2014 г. в возрастах 35-44 года и у мужчин, и у женщин возрастные коэффициенты по сравнению с 2013 г. выросли на 1-4%, в возрастах 10-14 лет - на 3%, а у женщин в возрастах 15-19 лет - даже на 6% (рисунок 17).

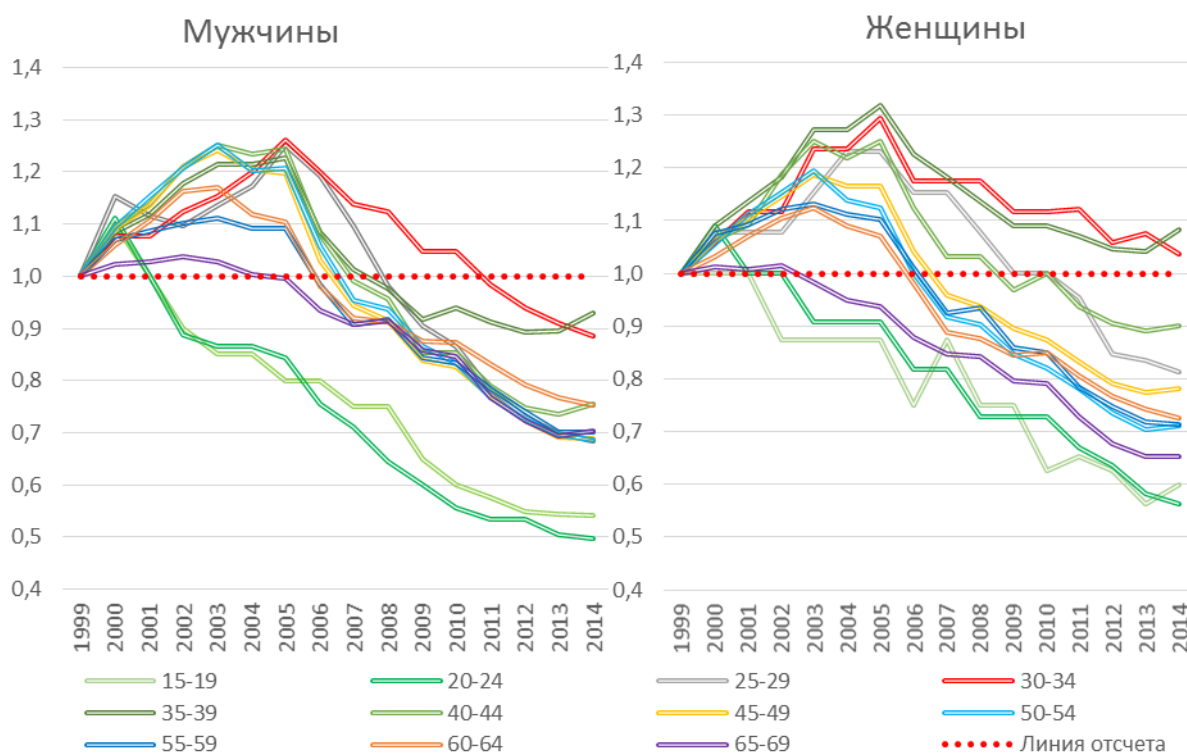

Рисунок 17. Изменение пятилетних возрастных коэффициентов смертности в возрастах 15 - 69 лет, 1999-2014. 1999 = 1

Источник: Данные Росстата, расчеты авторов.

В соответствии со снижением возрастных коэффициентов смертности, начиная с 2004 г., в России росла ожидаемая продолжительность жизни. Как отмечалось в предыдущих докладах ИДЕМ, снижение смертности и рост продолжительности жизни в этот период носили в основном восстановительный характер. Лишь к началу второго десятилетия XXI века удалось компенсировать потери продолжительности жизни, обусловленные тремя предыдущими подъемами смертности после 1964, 1987 и 1998 г., и в конце концов даже несколько превзойти достигавшиеся ранее максимальные показатели: в

2009 г. был превышен прежний максимум для женщин, в 2012 г. – для обоих полов вместе, в 2013 г. – для мужчин (рисунок 18).

Более половины роста продолжительности жизни женщин после 2003 г. вызвано снижением смертности в возрастах старше 60 лет, у мужчин вклад этих возрастов составил более 26% общего роста. Опережающее снижение смертности пожилых – характерная черта современного этапа эволюции смертности в развитых странах мира.

Еще более 38% роста продолжительности жизни мужчин в 2003-2013 гг. связано со снижением смертности от причин и состояний, связанных с чрезмерным потреблением алкоголя, у женщин эти причины определили 22% роста. С 2003 по 2013 г. стандартизованный коэффициент смертности мужчин от случайных отравлений алкоголем снизился в 3,1 раза, но в 2014 г. - вырос на 6%.

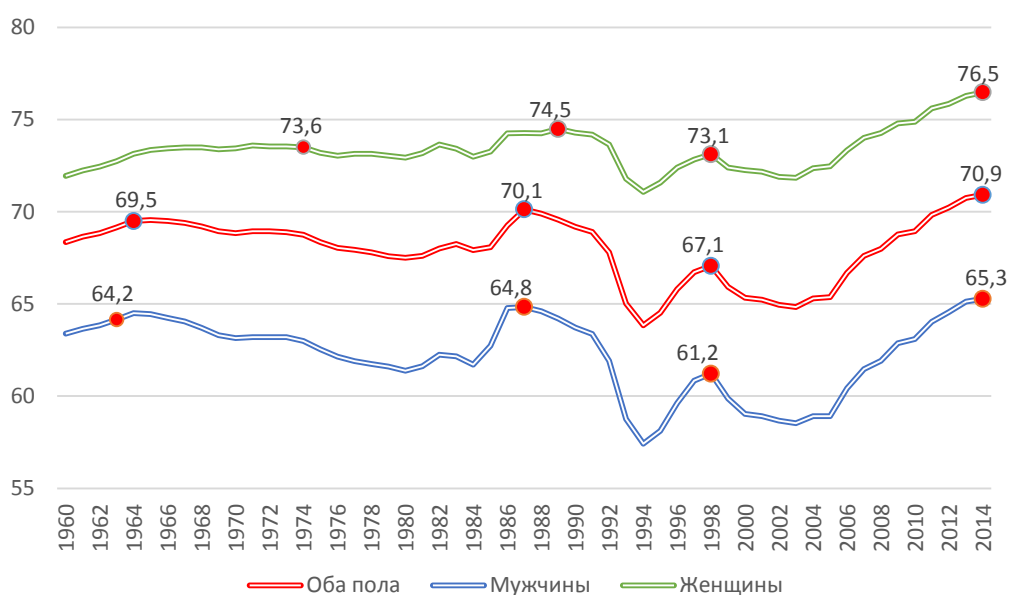

Рисунок 18. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, 1960-2014, лет

Однако вскоре после превышения прежних рекордов темп роста продолжительности жизни замедлился и в 2014 г. почти сошел на нет. В то время как ее годовой рост (для обоих полов вместе) в среднем за 2004-2012 гг. составлял 0,67 года, в 2013 г. она выросла на 0,53 года, а в 2014 г. – всего на 0,17 года. Рост ожидаемой продолжительности жизни в 2014 г. был выше у женщин (0,19 года), чем у мужчин (0,16 года), и немного выше у сельского, чем у городского населения (соответственно 0,19 и 0,15 года).

Международные сравнения неизменно указывают на отставание России по продолжительности жизни от большинства развитых стран. Сравнение России со странами ОЭСР, в состав которых входят и такие страны, как Мексика и Чили, имеющие далеко не самую высокую продолжительность жизни, также оказывается невыгодным для России.

На рисунке 19 представлено сопоставление показателей для России и стран ОЭСР за период с 1970 г. В начале этого периода продолжительность жизни в России была выше, чем в странах с максимальной в ОЭСР смертностью, потом до 1994 г. - близка к показателям этих стран, хотя и ниже них. Но затем даже аутсайдеры ОЭСР отрываются от России, и

пока, несмотря на снижение смертности в России в последнее десятилетие, говорить о преодолении отставания от них не приходится. Несколько лучше положение с продолжительностью жизни женщин, у них наблюдается некоторое сближение с минимальными показателями для ОЭСР, но у мужчин разрыв не уменьшается.

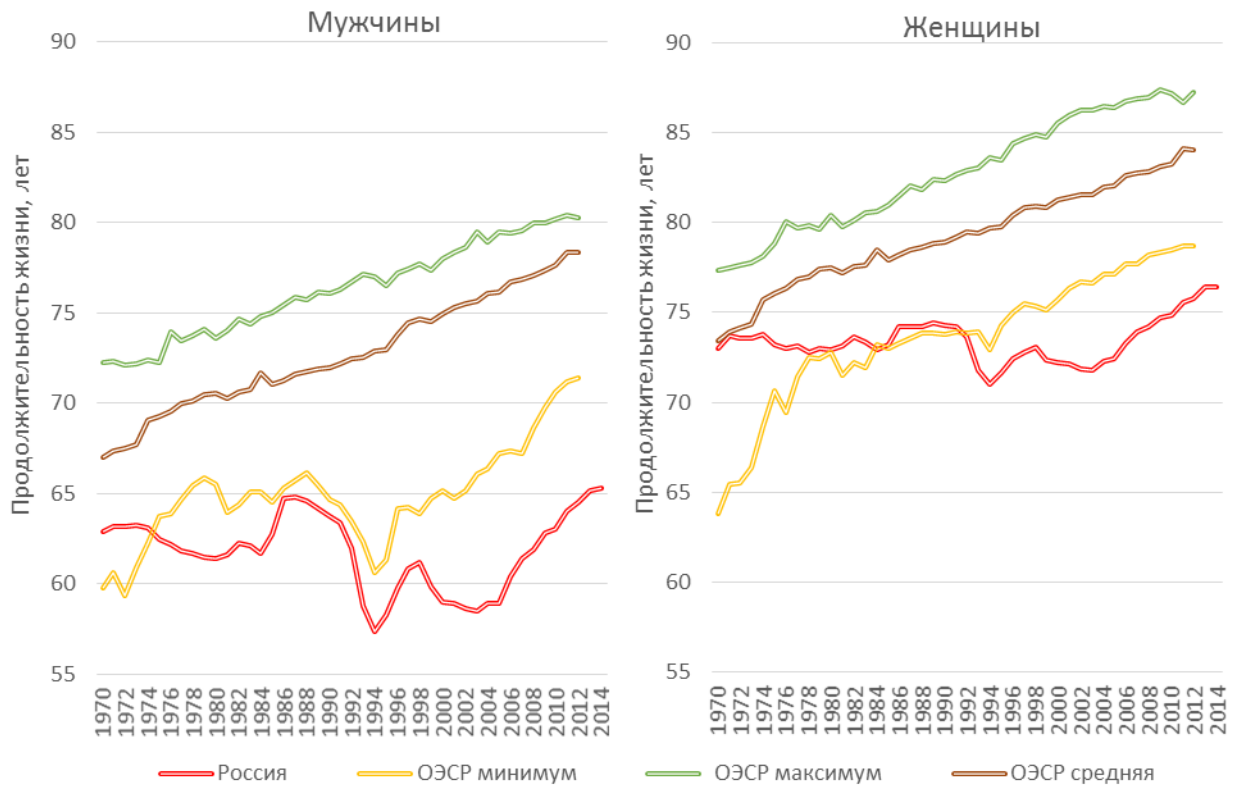

Рисунок 19. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России и в странах ОЭСР, лет

Тот небольшой прирост ожидаемой продолжительности жизни, который все же был получен за последний год, достигнут, прежде всего, благодаря снижению смертности детей до 15 лет, хотя у женщин еще больший вклад внесло снижение смертности в возрасте 65 лет и старше. Изменения смертности в средних возрастах (15-65 лет) менее благоприятны. У женщин их вклад в ожидаемую продолжительность жизни ничтожен по величине – 0,01 года, а у мужчин в возрасте 15-44 года - даже отрицателен, хотя у них больший, чем у женщин, положительный вклад в увеличение продолжительности жизни внесло снижение смертности в возрасте 45-64 года (рисунок 20).

Динамика смертности и продолжительности жизни в России и ее отставание от стран ОЭСР в решающей степени зависят от трех классов причин смерти: болезней системы кровообращения, новообразований и внешних причин. При этом новообразования стоят несколько особняком. Проблема смертности от онкологических заболеваний, безусловно, сохраняет свою остроту, но динамика смертности от них в России более спокойная, а сопоставление с другими странами не указывает на выпадение России из общего ряда стран, ведущих борьбу с этим смертельным недугом. Положение с болезнями системы кровообращения и внешними причинами иное. Снижение смертности от этих двух классов

причин смерти внесло основной вклад (у мужчин - 77%, у женщин - 85%) в рост продолжительности жизни в 2003-2014 гг., однако достигнутых успехов явно недостаточно.

Рисунок 20. Прирост (сокращение) ожидаемой продолжительности жизни при рождении в России в 2014 г. в результате изменения смертности по возрастным группам

Стандартизованный коэффициент смертности от болезней системы кровообращения снижается с середины 2000-х годов. Тем не менее значительное отставание даже от худших показателей стран ОЭСР все еще сохраняется (рисунок 21). Текущая же динамика - не только позитивная. В 2014 г. во всех возрастах снижалась лишь смертность от ишемической болезни сердца, тогда как смертность в некоторых возрастах от цереброваскулярных болезней и в средних возрастах от остальных болезней системы кровообращения увеличивалась, тормозя рост продолжительности жизни.

Не лучше ситуация и со смертностью от внешних причин. В отличие от случая болезней системы кровообращения здесь компенсаторное снижение смертности почти вывело ее примерно на уровень предыдущего минимума 1987 г. у женщин, но у мужчин этот уровень не достигнут. Показатели же 2014 г. говорят о некотором ухудшении положения и у мужчин, и у женщин (рисунок 22). Согласно официальной статистике это ухудшение произошло за счет роста смертности от несчастных случаев, куда входят случайные отравления алкоголем, которые в значительной мере и определили этот рост. Но 70% общего роста объясняется повышением смертности от «повреждений с неустановленными намерениями», т.е. от той категории внешних причин смерти, за которую никто не отвечает. Согласно детальному анализу российских данных к повреждениям с неопределенными намерениями относят примерно 35-40% всех убийств, около 20% всех самоубийств и 15-20% нетранспортных несчастных случаев [Andreev et al.

2015].

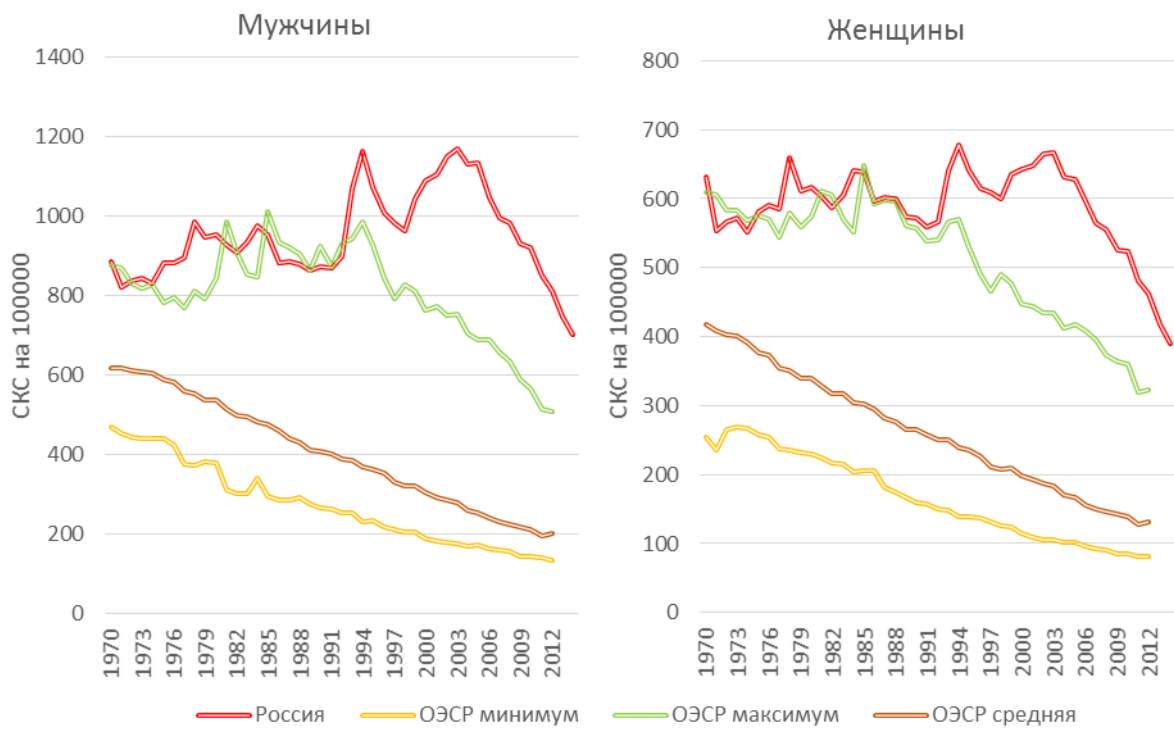

Рисунок 21. Стандартизованный коэффициент смертности от болезней системы кровообращения в России и в странах ОЭСР, на 100000

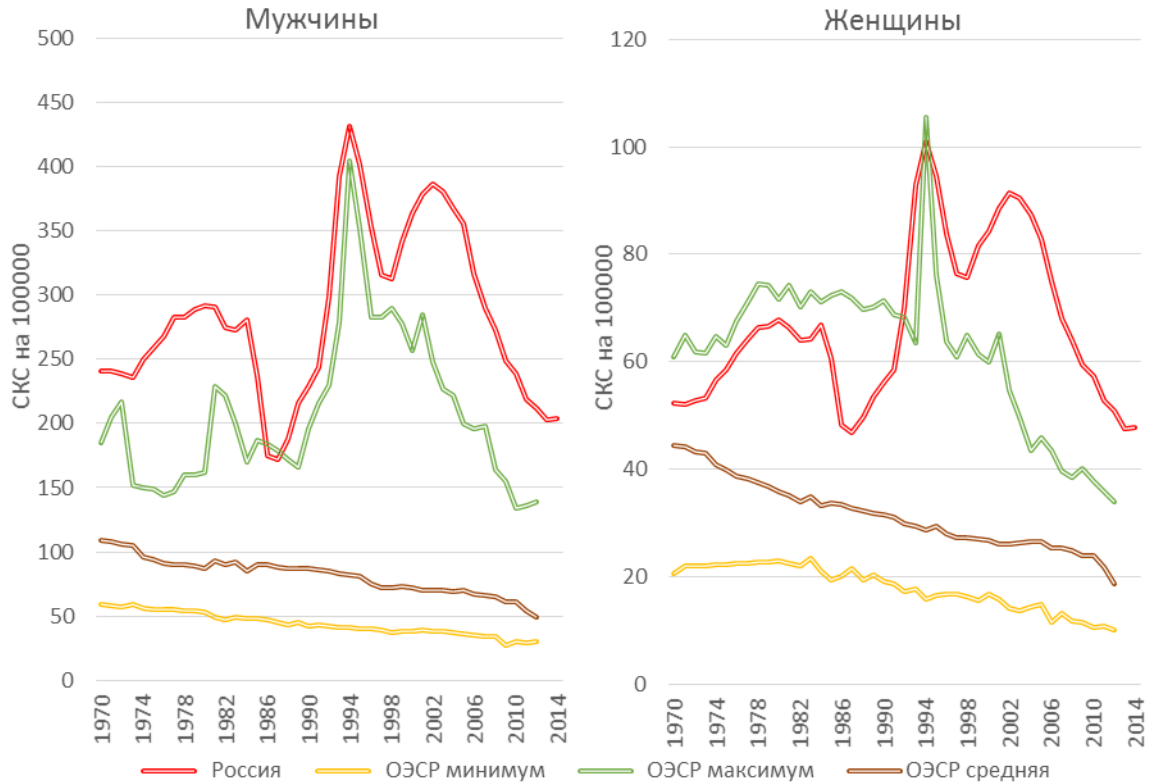

Рисунок 22. Стандартизованный коэффициент смертности от внешних причин смерти в России и в странах ОЭСР, на 100000

В целом в 2014 г. основной отрицательный вклад в изменение продолжительности жизни внесло повышение смертности от болезней органов пищеварения (-0,06 лет у мужчин и -0,05 у женщин), инфекционных заболеваний (-0,02 года у женщин), некоторых не упомянутых выше групп болезней системы кровообращения в возрастах 20-59 лет (-0,012 года у мужчин и -0,004 года у женщин), внешних причины (за исключением самоубийств и убийств; -0,062 года у мужчин и -0,021 года у женщин), алкогольного психоза и алкоголизма (-0,04 и -0,02 года у мужчин и женщин соответственно), сахарного диабета (-0,01 и -0,06 года) и неустановленных заболеваний (-0,05 и -0,11 года).

О причинах замедления снижения смертности в самое последнее время судить пока рано. Они могут быть многообразными. Одно (хотя, видимо, не единственное) из возможных объяснений – рост смертности от причин, связанных с потреблением алкоголя, на что косвенно указывает рост на 5,6% стандартизованного коэффициента смертности мужчин от случайных отравлений алкоголем. Этот показатель важен не сам по себе, а как индикатор потребления алкоголя в целом, независимый от статистики регистрируемых продаж алкогольных напитков, которая может не совпадать со статистикой их реального потребления.

Учитывая российские социально-экономические и политические реалии сегодняшнего дня, весьма проблематично надеяться на безусловное сохранение роста продолжительности жизни на ближайшие годы. Нельзя исключить возможность стабилизации или даже нежелательного реверсивного варианта в динамике смертности, что уже не раз бывало. Можно только очень надеяться, что последующие годы позволят вернуться и удержать благоприятные тенденции.

8. РАЗМЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И ВНУТРЕННИЕ МИГРАЦИИ

Географическая асимметрия расселения

Для России характерны неравномерное, асимметричное размещение населения по территории страны и существенные региональные различия в динамике численности населения.

В азиатской части, занимающей 3/4 территории страны, проживает лишь каждый пятый россиянин (таблица 4). Особенно слабо заселены районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности⁴ с суровыми климатическими условиями, на которые приходится около 70% территории России. По оценке на начало 2015 г., в них проживало 10005 тыс. человек (в том числе 2391 тыс. человек на сухопутных территориях Арктической зоны России) или 6,8% (1,6%) от общей численности россиян при плотности населения менее 0,9 человека на 1 км².

⁴ Особый статус районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к нему, был закреплен постановлением Совета Министров СССР 1967 г., согласно которому для работающих в этих районах были установлены ежемесячные надбавки к заработной плате, дополнительные отпуска, доплаты к пособиям по временной нетрудоспособности, льготы при назначении пенсий и др. В 1990-х годах перечень территорий расширился.

Таблица 4. Постоянное население и территория федеральных округов Российской Федерации на начало 2015 г.

	Население		Территория		Плотность населения, человек/км ²
	тыс. человек	%	тыс. км ²	%	
Российская Федерация	146267,3	100	17125,2	100	8,5
<i>в том числе округа:</i>					
Центральный	38951,5	26,6	650,2	3,8	59,9
Северо-Западный	13843,6	9,5	1687,0	9,9	8,2
Южный	14003,8	9,6	420,9	2,5	33,3
Северо-Кавказский	9659,0	6,6	170,4	1,0	56,7
Приволжский	29715,5	20,3	1037,0	6,1	28,7
Уральский	12275,8	8,4	1818,5	10,6	6,8
Сибирский	19312,2	13,2	5145,0	30,0	3,8
Дальневосточный	6211,0	4,2	6169,3	36,0	1,0
Крымский	2294,9	1,6	27,0	0,2	85,2
Европейская часть	117162,8	80,1	4346,8	25,4	27,0
Азиатская часть	29104,5	19,9	12778,5	74,6	2,3

Примечание: Сумма по округам может отличаться от 100 из-за округления.

Среди федеральных округов за 2011-2014 гг. в абсолютном выражении более всего выросло население Центрального округа, но в относительном выражении наибольшим было увеличение населения Северо-Кавказского округа (на 2,3%), в меньшей степени - населения Северо-Западного, Уральского, Центрального и Южного округов. Относительный прирост населения Сибирского округа был наименьшим (0,3%). Население же Дальневосточного и Приволжского округов продолжало сокращаться, уменьшившись соответственно на 1,2 и 0,5% по сравнению с началом 2011 г. (таблица 5).

Быстрый рост населения Северо-Кавказского федерального округа объясняется высоким естественным приростом, который отчасти смягчается миграционной убылью (на 37%). Невысокий естественный прирост сохраняется также в Уральском федеральном округе, где к нему добавляется более интенсивный миграционный прирост, а также в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах, но там он сочетается с миграционной убылью населения. В Дальневосточном федеральном округе миграционная убыль за 2011-2014 гг. в 4,4 раза превысила совокупный естественный прирост, что и привело к сокращению населения.

Население Центрального, Северо-Западного и Южного федеральных округов, напротив, растет за счет миграционного прироста, который не только компенсирует естественную убыль, но и обеспечивает общий прирост.

В Приволжском федеральном округе население сокращается и за счет естественной убыли, и за счет преобладающего миграционного оттока населения.

Таблица 5. Изменение численности постоянного населения Российской Федерации и федеральных округов за 2011-2014 гг.

	Общий прирост, тыс. чел.	В том числе		Общий прирост, % к 2011 г.	В том числе	
		естественный	миграционный		естественный	миграционный
РФ без КФО	1107	-74	1181	0,8	-0,1	0,8
<i>по федеральным округам:</i>						
Центральный	506	-397	902	1,3	-1,0	2,3
Северо-Западный	218	-85	303	1,6	-0,6	2,2
Южный	152	-54	206	1,1	-0,4	1,5
Северо-Кавказский	220	349	-129	2,3	3,7	-1,4
Приволжский	-164	-113	-51	-0,5	-0,4	-0,2
Уральский	189	115	74	1,6	1,0	0,6
Сибирский	60	89	-29	0,3	0,5	-0,1
Дальневосточный	-74	22	-95	-1,2	0,3	-1,5
Европейская часть	945	-303	1248	0,8	-0,3	1,1
Азиатская часть	162	229	-67	0,6	0,8	-0,2

Примечание: Сумма по округам и компонентам прироста могут отличаться от приведенных совокупных значений из-за округления.

Внутренняя миграция

Неравномерность размещения населения России по ее территории имеет и исторические, и природно-климатические объяснения, но механизм усиления или ослабления этой неравномерности тесно связан с направлениями внутрисоссийских миграций.

На протяжении XX века доминирующей тенденцией расселения был сдвиг населения на север и восток и в меньшей степени на юг. Доля россиян, проживающих в азиатской части страны, стабильно, хотя и с существенным замедлением в 1960-80-е годы, увеличивалась, с 13,3% в 1926 г. она выросла до 21,8% в 1989 г. После переписи 1989 г. возобладала обратная тенденция - смещение массы населения с северо-восточных окраин страны в юго-западном направлении, установился «западный дрейф» миграционных потоков, который сохраняется до сих пор. В результате население азиатской части страны уменьшилось за период, прошедший между переписями 1989 и 2010 г., на 3170 тыс. человек (на 10%), в то время как население европейской части, тоже убывавшее, уменьшилось на 995 тыс. человек (0,9%). После переписи 2010 г. население росло в обеих частях, но в европейской части быстрее, чем в азиатской, увеличившись за 2011-2014 гг. соответственно на 0,8% (без учета Крымского федерального округа) и на 0,6%. Текущие миграционные процессы никак не способствуют смягчению неравномерности расселения населения.

Направления миграции и центры притяжения. В самый последний период число фиксируемых российской статистикой внутрискановых миграционных перемещений росло, начиная с 2011 г., когда были внесены серьезные изменения в процедуры статистического учета миграции. В 2013 г. число внутрисоссийских мигрантов превысило 4 млн человек, но уже в 2014 г. рост почти прекратился, эффект изменения методики учета практически исчерпал себя. Формально миграционная активность в России вернулась на

уровень конца 1980-х годов, это дает основания утверждать, что сокращение объемов переселений в 1990-е – 2000-е годы в немалой мере стало результатом трансформации системы учета миграции, прежде всего замены системы прописки на регистрацию по месту жительства и пребывания.

Направления миграции в пределах России не претерпевают в последние годы серьезных изменений. Население продолжает стягиваться в Центральный, Северо-Западный и Южный округа, остальные округа испытывают его отток (таблица 6). Самые большие по масштабу потери несут Приволжский и Сибирский округа, а по интенсивности убыли лидируют Дальневосточный и Северо-Кавказский округа (-5,7 и -2,9 на 1000 населения соответственно).

Таблица 6. Нетто-миграция между федеральными округами Российской Федерации в 2014 г., тыс. человек

В обмене с федеральными округами	Россия	Получено или потеряно федеральными округами:							
		Центральный	Северо-Западный	Южный	Северо-Кавказский	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
Россия	0,0	119,4	35,8	18,2	-28,0	-50,5	-13,4	-45,8	-35,7
Центральный	-119,4	0,0	-6,5	-16,0	-14,4	-42,2	-11,1	-18,2	-10,9
Северо-Западный	-35,8	6,5	0,0	-2,4	-5,1	-9,9	-5,4	-11,0	-8,4
Южный	-18,2	16,0	2,4	0,0	-5,2	-3,6	-5,4	-12,0	-10,5
Северо-Кавказский	28,0	14,4	5,1	5,2	0,0	1,1	2,7	-0,3	-0,2
Приволжский	50,5	42,2	9,9	3,6	-1,1	0,0	1,4	-3,1	-2,4
Уральский	13,4	11,1	5,4	5,4	-2,7	-1,4	0,0	-3,5	-0,8
Сибирский	45,8	18,2	11,0	12,0	0,3	3,1	3,5	0,0	-2,4
Дальневосточный	35,7	10,9	8,4	10,5	0,2	2,4	0,8	2,4	0,0

Среди регионов России наиболее интенсивный прирост населения за счет внутрироссийской миграции имели Московская (12,5 на 1000 населения), Ленинградская (9,6) области и Санкт-Петербург (9,2). Самый интенсивный отток отмечен из Магаданской области (-18 на 1000 населения), Ямало-Ненецкого автономного округа (-17,1), Еврейской автономной области (-11,4). В отличие от последнего десятилетия XX века миграционное поле России стало менее напряженным на полюсе оттока, по сравнению с 1990-ми годами интенсивность отъезда из отдельных северных и восточных регионов снизилась на порядок. Например, общая миграционная убыль из Чукотского автономного округа в 1994 г. составляла 13%, в 1995 г. - 10% населения. Западный дрейф в последние годы также немного увеличился, в 2014 г. он составил 88 тыс. человек – столько теряли Дальневосточный, Сибирский и Уральский округа в обмене с округами западной части страны. В 2000-е годы отток составлял в среднем 50-60 тыс. человек, однако население почти всех северных и восточных регионов по итогам переписи населения 2010 г. оказалось ниже, что, видимо, вызвано недоучетом масштабов оттока населения на запад страны.

Крупнейшие центры притяжения населения сохраняют свои позиции. Так, в 2011-2014 гг. Москва и Московская область увеличили население за счет мигрантов из других регионов страны на 629 тыс. человек, Санкт-Петербург и Ленинградская область – на 242 тыс., Краснодарский край – на 145 тыс., но появляются и новые привлекающие мигрантов

центры: Новосибирская, Тюменская, Свердловская и Воронежская области. Согласно данным ОНПЗ (Обследование населения по проблемам занятости.), в качестве полюса притяжения временных трудовых мигрантов выделяются Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа и Тюменская область.

Как и в предыдущие годы, для внутренних миграций в России актуальными остаются центростремительные тенденции. Данные о миграционном приросте за 2011-2014 гг. показывают, что почти вся нетто-миграция городского населения страны во внутренних миграциях аккумулируется в городах - региональных центрах (53,9%), еще почти 36% приходится всего на два города – Москву и Санкт-Петербург. Города размером меньше 100 тыс. человек, поселки городского типа и сельские населенные пункты отдают свое население. Во внутрирегиональной миграции эффект центростремительности особенно силен: все миграционные потоки направляются в сторону региональных центров.

Миграционные потери сельской местности за 2011-2014 гг. составили более 900 тыс. человек. Как и в 1990-е годы, сельскому «опустыниванию» в некоторой степени противостоит международная миграция, которая примерно на 30% компенсировала нетто-отток из сельской местности во внутренней миграции.

Некоторые структурные особенности миграции. В последние годы на фоне общего увеличения миграционной активности самый существенный рост значений коэффициентов (рисунок 23) отмечен в возрастах 15-20 лет (более чем в 3 раза), т.е. в возрастах, связанных с получением профессионального образования. Особенно резкий пик наблюдается в возрасте 18 лет, в 2014 г. участвовали в миграции в пределах страны 11,7% населения данного возраста.

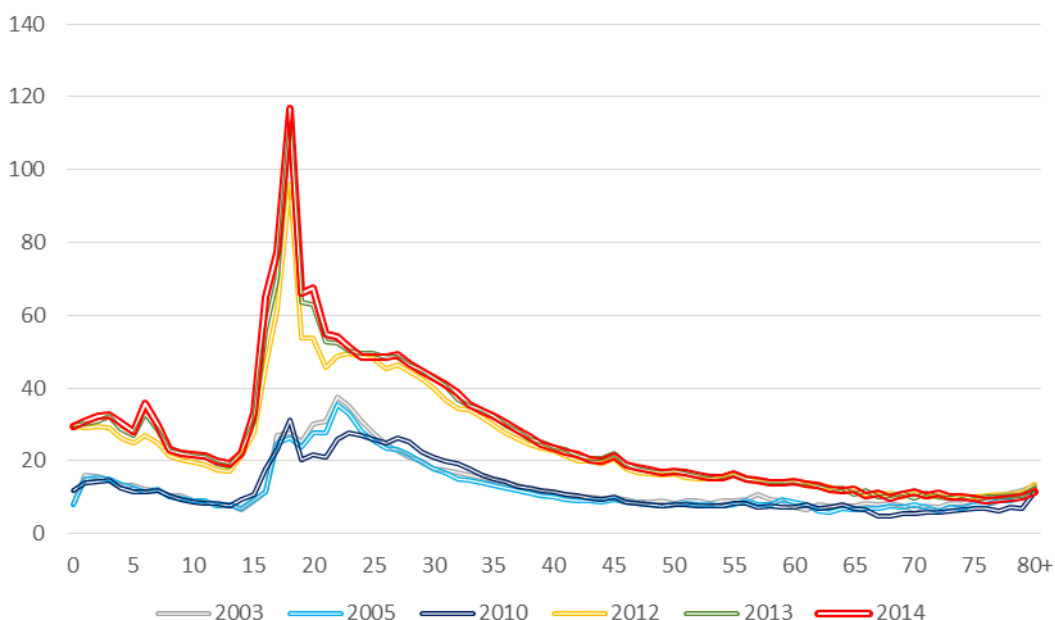

Рисунок 23. Число прибывших, миграция в пределах России, 2003, 2005, 2010, 2012, 2013 и 2014 гг., на 1000 человек соответствующего возраста

Возрастные коэффициенты участия во внутристрановой миграции имеют определенные различия по полу. В детских возрастах они, вполне естественно, незначимы,

отличия появляются к 17 годам, когда миграция женщин становится более интенсивной. Но более высокие возрастные коэффициенты участия во внутрироссийской миграции у женщин не заканчиваются с возрастом получения образования, они остаются выше, чем у мужчин, вплоть до 35 лет.

Внутристрановые мигранты отличаются высоким уровнем образования: среди них выше доля обладающих высшим образованием и понижен удельный вес лиц с низким уровнем образования. Как и во всем мире, селективные качества миграции проявляются отчетливо. Миграция способна оказывать существенное влияние на состав населения и демографические процессы в местах оттока и притока населения. В крупных городах, куда приезжают молодые люди, притормаживаются процессы старения населения, меняется его образовательная структура.

Внутренняя миграция в России на фоне других стран. Сравнение интенсивности внутристрановой миграции в России и в других странах представляет собой непростую задачу. В разных странах различны источники статистических данных о миграции, нет универсальных критериев отнесения пространственных перемещений к миграции⁵, трудно сопоставимы территориальные единицы, между которыми осуществляются миграционные перемещения. Даже просто различия в размерах территорий стран часто лишают смысла сравнение миграционной активности их населений.

Попытки гармонизации данных по внутренней миграции и поиска приемлемых параметров для сравнения предпринимались неоднократно. Одна из относительно недавних работ на эту тему [Bell, Muhidin 2009] показывает преимущества использования коэффициента [Courgeau 1973] для нивелирования различий в статистической географии и на основе данных переписей населения раунда 2000-х годов оценивает общее число внутренних мигрантов по живущим внутри стран вне места своего рождения в мире в 740 млн человек, что существенно выше, чем число международных мигрантов.

Другая попытка сопоставить страны по интенсивности внутренней миграции на данных переписей раундов 2000-2010 гг. относится к 2015 г. [Bell et al. 2015]. Были рассчитаны так называемые «национальные интенсивности миграции». Переписи фиксировали миграцию за определенный промежуток времени, что позволило сопоставить данные за 5 лет до их проведения (по 61 стране) или за 1 год (по 45 странам, включая Россию). Согласно получившимся оценкам по совокупному миграционному обороту, равному 2% населения ежегодно, Россия находилась в группе стран с наиболее низким значением этого показателя наряду с некоторыми другими восточноевропейскими странами (Словения, Украина, Румыния, Польша). Кроме того, Bell и его коллеги обратили внимание на демографические причины различий в интенсивности миграции (более или менее высокую долю в населении людей молодых возрастов), различия в доходе на душу населения, уровень урбанизации, развитость рынка жилья и др.

⁵ Например, в США в 2014 г. 37,6 млн человек сменили место проживания в пределах штата, 7,3 млн человек сменили штат, а 268,1 млн остались проживать в том же доме. В России перемена места проживания в пределах города, административного района при переписи и в текущем учете не считаются миграцией.

Мы попытались сопоставить частоту (интенсивность) внутренней миграции в отдельных странах ОЭСР на уровне крупных (ранга субъектов РФ, штатов США, земель, провинций, округов и т.п.), а также средних и малых (ранга административных районов, графств, муниципалитетов и т.п.) территорий. Субъекты РФ, городские округа и муниципальные районы России не вполне соответствуют территориям соответствующего уровня в странах ОЭСР. В среднем регионы России по величине меньше штатов и территорий Австралии, провинций и территорий Канады, но больше штатов США и земель Германии и, естественно, других стран. По численности населения субъекты РФ, напротив, уступают многим сопоставимым регионам соответствующего уровня в других странах. Еще более значимы различия по территории и населенности на следующем, более низком, ранговом уровне. Здесь они могут достигать более чем 2 порядков (например, по территории, - между Россией и Германией).

Преодолеть все трудности сопоставления не удастся, можно сделать лишь примерные, приблизительные сравнения, представленные на рисунке 24. Согласно этим сравнениям, по показателям интенсивности внутренней миграции Россия уступает целому ряду стран, однако немало стран Россия и опережает. Интенсивность внутренней миграции в США, Великобритании и Австралии выше, чем в России, даже при том, что численность населения как крупных, так и более мелких регионов в этих странах превосходит российскую. Поэтому даже различия в подходах к категоризации миграции (например, учет миграции между отдельными муниципалитетами в пределах крупных городов) не может повлиять на сравниваемые межстрановые показатели радикальным образом.

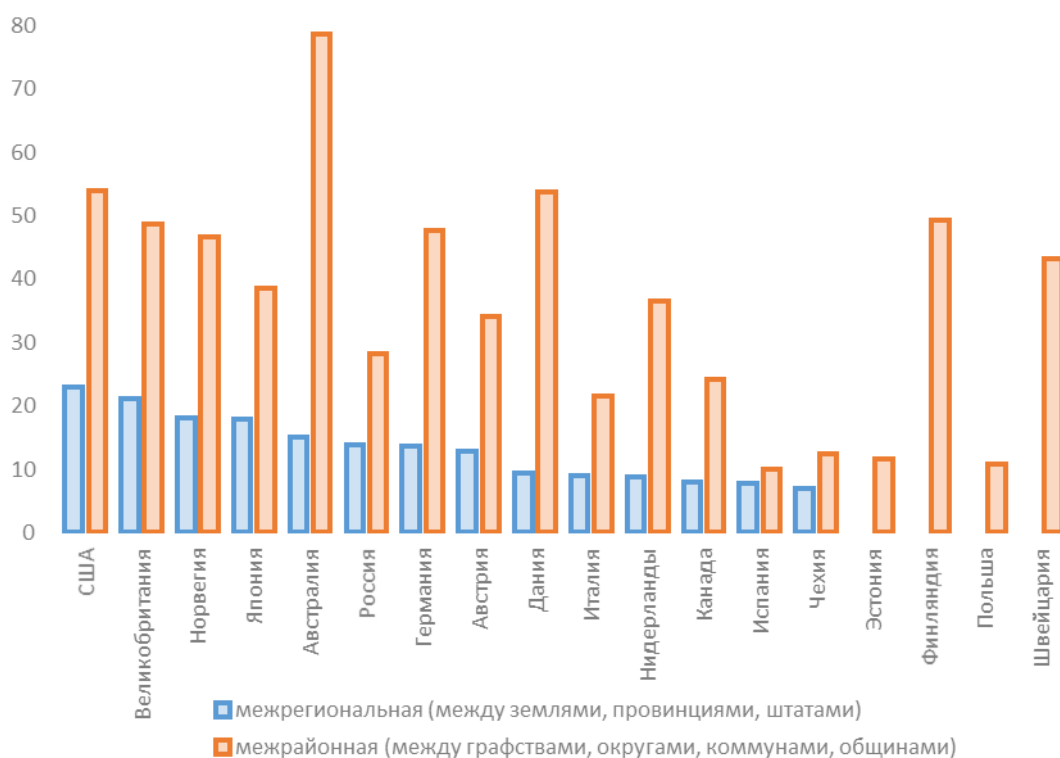

Рисунок 24. Внутренняя миграция в России и некоторых странах ОЭСР, 2013-2014 гг., на 1000 населения

Источники: Данные национальных статистических органов соответствующих стран.

Межрегиональная миграция в России практически соответствует межземельной в Германии, при этом численность населения последних в разы выше, чем у субъектов РФ, а площадь меньше. В то же время территории на уровне городов и муниципальных районов (Россия) и общин (Германия) малосопоставимы, российские заметно крупнее, и значит, издержки преодоления пространства должны быть выше, а потенциальная миграция - ниже.

В Японии префектуры по численности населения соответствуют российским областям и краям, но по территории уступают им в 40 раз, этим могут в значительной мере определяться более высокие миграционные показатели в этой стране.

Данные по Канаде на «низовом» уровне для 2014 г. в открытом доступе отсутствуют, поэтому не включены в рассмотрение. Однако значимость данной страны для сравнения с Россией представляется большой, поэтому воспользуемся для оценки данными переписи населения Канады 2006 г. По ней соотношение внутри- и межпровинциальной миграции составляло 2:1 [Amirault, de Munnik, Miller 2013]. Такая пропорция – закономерное следствие больших размеров канадских провинций. Исходя из вышеприведенных соотношений, можно осторожно оценить масштабы миграции в Канаде между провинциями и внутри них (суммарно) в 800-850 тыс. человек, т.е. примерно 23-24 переселения на 1000 человек (это немного ниже, чем в России).

Судя по представленным данным, миграция в России немного интенсивнее, чем в Италии, Испании, Чехии и Польше, хотя внутренние территории этих стран также плохо сопоставимы с российскими – их площадь меньше, а население больше. С целым рядом стран ОЭСР сопоставлять Россию сложно уже в силу того, что они по размеру соответствуют или даже меньше одного региона нашей страны; кроме того, миграции в них фиксируются между территориями очень низкого уровня, чаще всего – общинами, что не соответствует статистико-критериальным подходам к миграции в России и других крупных странах.

Несмотря на не вполне удовлетворительную сопоставимость стран, можно заключить, что внутренняя миграция в России не настолько низка, как долгое время было принято считать⁶. Даже от лидеров по интенсивности миграции из числа стран OECD Россия отличается примерно в 2 раза, а не на порядки. В то же время мы не можем судить о внутримunicipальной мобильности, например жилищной, так как в России не ведется учет переселений в пределах городов.

Международная миграция

На протяжении длительного времени миграционный прирост оказывал положительное воздействие на динамику численности населения России, в значительной мере компенсируя его естественную убыль. В 2009-2012 гг. миграционный прирост превышал естественную убыль, благодаря чему население России росло, а с 2013 г., когда естественная убыль населения сменилась его небольшим естественным приростом, миграционный прирост обеспечивает рост населения России совместно с естественным приростом, причем роль

⁶ См., например: [Andrienko, Guriev 2004].

миграционного прироста остается решающей.

Миграционный прирост в России на фоне европейских стран ОЭСР находится на среднем уровне, ряд стран с похожей демографической ситуацией существенно опережают Россию по этому показателю (рисунок 25).

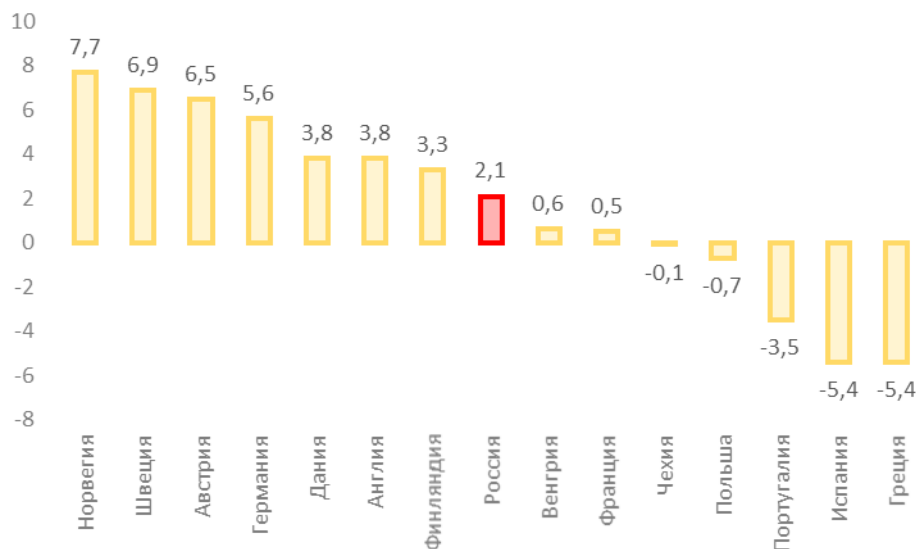

Рисунок 25. Россия на фоне некоторых европейских стран ОЭСР: коэффициент миграционного прироста в 2013 г., на 1000 населения

Источник: [База данных Евростата].

После одноразового увеличения числа международных мигрантов вследствие изменения правил их учета в 2011 г., статистика фиксирует его последующее снижение, которое отмечалось и в 2014 г. В этом году миграционные процессы в России испытали сильное воздействие новых факторов, таких как события на Украине, международные санкции по отношению к России и наряду с этим продолжающееся ужесточение собственного миграционного законодательства и правоприменительной практики.

По данным Росстата, миграционные потоки в 2014 г. увеличивались в основном за счет роста числа выбывших на 65,5%, тогда как число прибывших увеличилось всего на 20%. В результате такого рассогласования динамики потоков миграционный прирост сократился на 8,8%. Рост потоков коснулся только стран СНГ, положение которых как главных миграционных партнеров России остается незыблемым. Эти страны обеспечили 96,4% миграционного прироста России. Доля граждан государств, не входящих в СНГ, в миграционном приросте упала почти в 3 раза (до 3,6% против 10% по сравнению с максимумом 2011 г.)

В 2014 г. едва ли не третью часть миграционного прироста России обеспечила Украина. Миграционный прирост в обмене с большинством других стран СНГ сократился (рисунок 26).

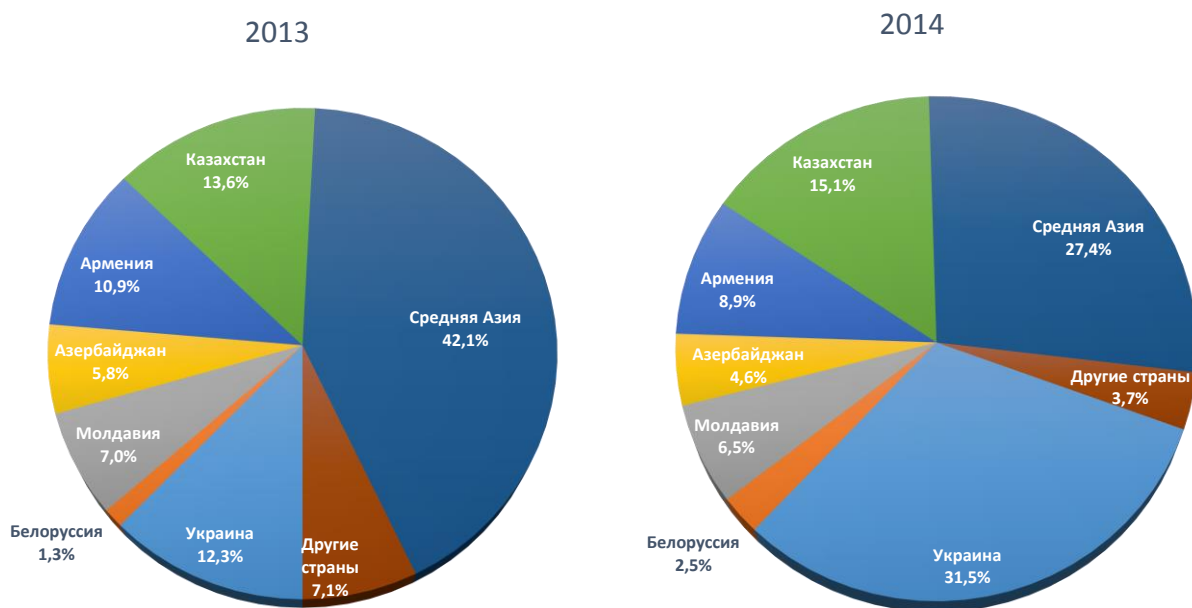

Рисунок 26. Распределение миграционного прироста России в 2013 и 2014 г. по странам и регионам исхода

Возрастная структура миграционного потока в Россию указывает на то, что это - преимущественно трудовой поток (доля трудоспособного населения среди обеспечивших миграционный прирост мигрантов - почти 75%). В учете ФМС третья часть мигрантов назвала в качестве цели приезда в Россию «работу по найму» (3,8 млн человек, из которых 3,1 млн – мужчины). Приезжают на работу и многие из тех, кто относит свою цель приезда к «частным интересам» (42,9% прибывших).

Общее количество официально оформленных разрешительных документов на работу в 2014 г. достигло максимального уровня – 3,7 млн (рисунок 27). Непрозрачность и коррумпированность процедуры получения квот для оформления разрешений на работу ожидаемо вызвали снижение их числа, которое в полной мере было компенсировано ростом числа патентов для работы у физических лиц (при этом патент использовался в качестве легализационного документа и работающими у юридических лиц, хотя это противоречило закону). В результате сумма поступившего налога на доходы физических лиц в виде фиксированного авансового платежа за патент в 2014 г. более чем удвоилась, составив 17,9 млрд руб., и стала рассматриваться как серьезный источник пополнения бюджета РФ.

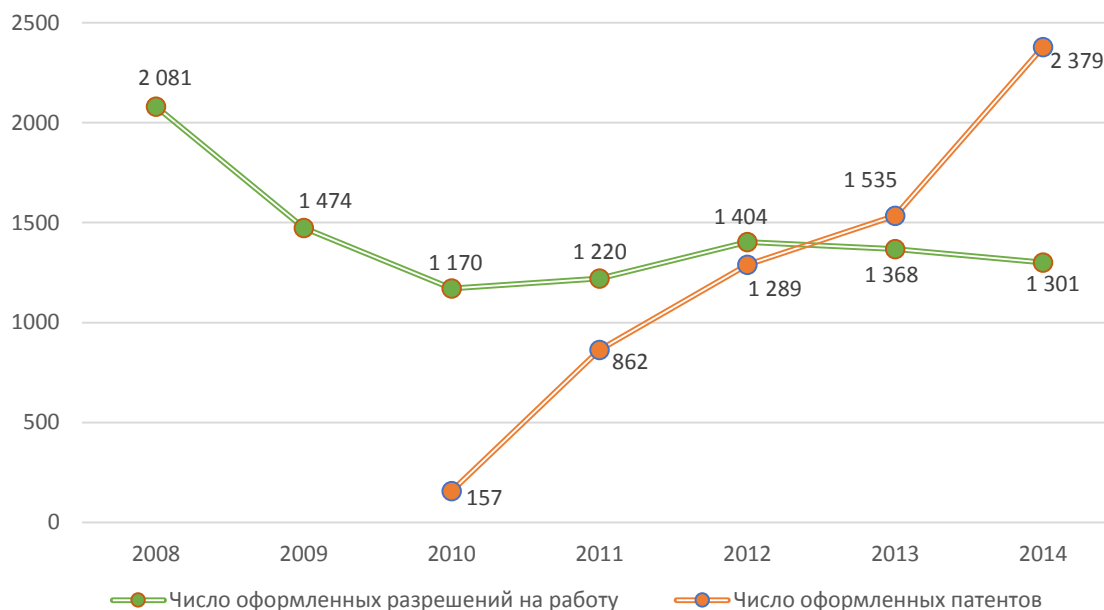

Рисунок 27. Количество оформленных разрешений на работу и патентов в 2008-2014 гг., тыс.

Источник: ФМС РФ.

Отраслевая структура занятости иностранных мигрантов (рисунок 28) в последние годы почти не меняется. На первом месте остается строительство (34%, как и в 2013 г.), на втором – сфера услуг (13%, в 2013 г. – 16%), на третьем – обрабатывающие производства (10%, как и в 2013 г.).

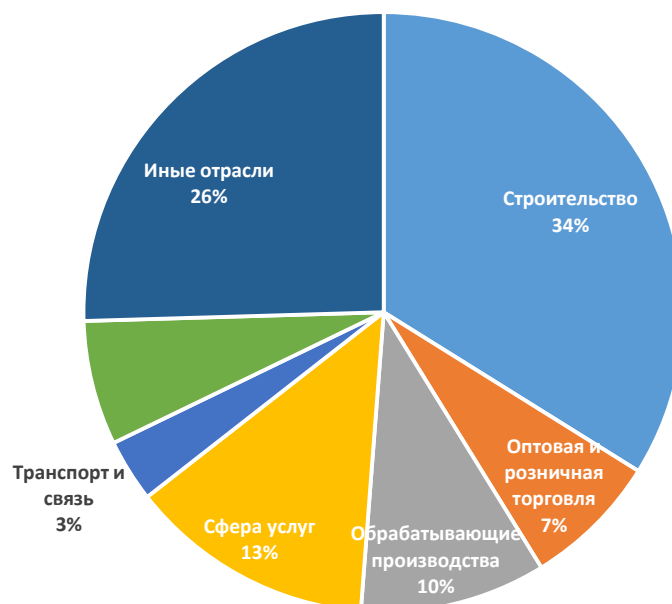

Рисунок 28. Отраслевая структура занятости трудовых мигрантов из безвизовых стран (по уведомлениям работодателей, заключивших договора с работниками), 2014

Источник: ФМС РФ.

Иностранцы в 4,4 раза чаще работают в строительстве, чем россияне (34% против 8%; и это еще без учета неофициальной занятости, большая доля которой приходится как раз на строительство). На официально занятых в строительной отрасли в России иностранцев приходится 6%, а с учетом нелегально работающих – от 10 до 15% работников.

С другой стороны, в торговле российские граждане, наоборот, работают в 2,6 раза чаще, чем иностранцы (18% против 7%). Это связано, в первую очередь, с сохраняющимися законодательными ограничениями на занятость иностранцев в этой сфере. На транспорте – в 3 раза чаще (9% против 3%).

Каждый пятый работник из СНГ занят неквалифицированным трудом. Вместе с тем доля занятых таким трудом хотя и медленно, но постепенно снижается: в 2012 г. – 31%, в 2013 г. – 26%, в 2014 г. – 21%. Одновременно растет доля занятых в качестве специалистов среднего уровня квалификации в инженерной деятельности (в 2012 г. – 2%, в 2013 г. – 7%, в 2014 г. – 10%). Подчеркнем, что анализ профессиональной структуры проводится Росстатом только для официально работающих по разрешениям на работу; суммирование с теми, кто работает неофициально, явно покажет большую занятость иностранных работников в неквалифицированном сегменте.

Например, согласно масштабному исследованию трудовой миграции из Таджикистана, проведенному Всемирным банком, почти 60% мигрантов из Таджикистана работают в России без какого-либо трудового договора, а доля неквалифицированного труда среди них составляет 40%⁷.

Всего трудовыми мигрантами в Таджикистан было переведено в 2014 г. 3,7 млн долларов. При этом общая сумма трансфертов в I квартале 2015 г. была на 42% меньше по сравнению с тем же периодом 2014 г. Падение трансфертов в Узбекистан было еще большим – 47%, почти такой же спад произошел в Казахстане, несколько меньший – в Киргизии (38%). Главным фактором, обусловившим снижение эффективности трудовой миграции в Россию с позиций посылающих стран, было падение рубля и удорожание жизни в России. Всего в 2014 г. в страны СНГ было перечислено трансфертов на сумму 21,4 млн долларов, в том числе 5,8 млн – в Узбекистан, который по объему переводов физических лиц из России занимает второе место после Швейцарии⁸.

В 2014 г. в России вновь массово появились беженцы. Конфликт на Украине вызвал их огромную волну, по масштабу сравнимую с наплывом беженцев в Европу и волной русской репатриации после распада СССР. Число граждан Украины, главным образом беженцев из Донбасса, находящихся в России в марте 2015 г., по сравнению с мартом 2014 г. увеличилось на 1 млн человек⁹.

В России для украинских беженцев был установлен льготный миграционный режим, включая трудовую деятельность, режим пребывания, ускоренное оформление миграционных статусов, расширение квот на временное проживание, ускоренное

⁷ Обследование проводилось в 2014 г. Обследовано 1095 домохозяйств в Таджикистане и 2500 в России [Денисова 2015: 46-48].

⁸ Данные Центрального банка РФ. URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 25.10.2015).

⁹ ЦБДУИГ ФМС РФ.

предоставление гражданства. В течение 2014 г. 5780 украинцев ходатайствовали о статусе беженца (получили его 227 человек); 234360 человек получили статус временного убежища; более 600 тыс. - право длительного проживания в России, в том числе 114 тыс. человек стали участниками Госпрограммы по добровольному переселению соотечественников, получив материальную поддержку и оформив в ускоренном порядке российское гражданство. Вместе с тем помощь беженцам проводилась недостаточно оперативно. В результате Россия не сумела в полной мере использовать трудовой потенциал украинских беженцев, которые по образовательной и профессиональной подготовке, равно как и по культуре, не отличаются от россиян [Козлов 2015].

В 2000-е годы у России сложился довольно интенсивный, постоянно расширяющийся миграционный обмен со странами ОЭСР. По данным ФМС на 05.11.2014, 10% находящихся в России иностранцев (1189,9 тыс. человек) были выходцами из стран ОЭСР. Спустя год вследствие «войны санкций» их число сократилось до 750 тыс. Среди стран дальнего зарубежья исключение составляет Китай, иммиграция из которого на 30% превзошла уровень 2013 г., перейдя 10-тысячную отметку, а нетто-миграция увеличилась втрое.

Отличительная особенность российской миграционной политики, создающая большие сложности для мигрантов, - ее неустойчивость, частая смена законодательства и правоприменительной практики в сторону ужесточения. В наибольшей мере это касается трудовой миграции.

В 2014 г. резко выросло число мигрантов, подвергнутых наказанию: было депортировано 2546 человек против 1520 в 2013 г.; выдворено из страны 136,5 тыс. (в 2013 г. - 80,9 тыс.); лишено права въезда в Россию на срок от 3 до 10 лет 676 тыс. человек (в 2013 г. - 456,4 тыс.) [Доклад о результатах... 2015: 13]. Правовые ущемления больше всего касаются граждан Узбекистана и Таджикистана – главных доноров России. По-видимому, это также способствовало сокращению миграционного прироста.

Между тем, несмотря на экономический кризис, дефицит труда в России в последние годы рос. Так, в августе 2011 г. заявленная работодателями потребность в работниках составляла около 1,5 млн человек, в 2012 г. – 1,65 млн, в 2013 г. – 1,8 млн, в августе 2014 г. – 2,1 млн при низком уровне безработицы (5,5%).¹⁰ Рост неудовлетворенного спроса на рабочую силу в условиях большого объема иммиграции свидетельствует о том, что инструменты миграционной политики, адекватные сложившейся на рынке труда ситуации, все еще не найдены.

* * * * *

2014 г. характеризуется затуханием позитивных демографических тенденций, которыми были отмечены предшествующие годы. Об этом говорит и снижение темпов появившегося лишь недавно прироста населения, в частности и из-за снижения миграционного прироста, и значительное замедление роста продолжительности жизни, и

¹⁰ Портал «Работа в России». URL: <https://trudvsem.ru/> (даты обращения: август 2011 г., август 2012 г., август 2013 г. и август 2014 г.).

нарастающие неблагоприятные изменения возрастного состава, которые затрудняют решение демографических задач и делают проблематичным сохранение даже того небольшого естественного прироста населения, который отмечается с 2013 г. К тому же они предвещают и нежелательные экономические последствия, такие как сокращение численности населения в рабочих возрастах и быстрое увеличение числа пенсионеров. Все это происходит на фоне экономического кризиса, ограничивающего возможности эффективного воздействия на демографическую ситуацию мерами социально-демографической политики.

Тем не менее отказываться от проведения такой политики нельзя, потому что это может еще больше усугубить и без того непростые демографические проблемы России. Но необходимо уточнить стратегические направления и приоритеты социально-демографической и миграционной политики, проведя трезвый анализ как достижений, так и неудач последних 10-15 лет.

ЛИТЕРАТУРА

- База данных OECD.stat. URL: <http://stats.oecd.org/> (дата обращения: 27.10.2015).
- База данных Евростата. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 30.10.2015).
- База данных ИДЕМ НИУ ВШЭ. URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 23.10.2015).
- Денисова И. (2015). Лицо мигранта // Миграция XXI век. №4 (31): 46-48.
- Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной миграционной службы за 2014 год и плановый период 2015 - 2017 годов (2015). М.: ФМС РФ. URL: http://www.fms.gov.ru/about/activity/stats/Plani_prognozi_i_dokladi (дата обращения: 05.10.2015).
- Институт Гуттмахера. URL: <http://www.guttmacher.org/sections/abortion.php> (дата обращения: 15.11.2015).
- Козлов В. (2015). Эксперты Кудрина объявили о провале кампании помощи беженцам с Украины // Целовой портал "РБК". 28 октября. URL: <http://www.rbc.ru/politics/28/10/2015/562fb7849a79473c824c6097> (дата обращения: 30.10.2015).
- Население России 2012 (2014а). Двадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневецкий. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Население России: демографические итоги 2013 года. Краткий доклад (2014b) // Демографическое обозрение. №3: 5-32.
- Amirault D., D. de Munnik, S. Miller (2013). Explaining Canada's regional migration patterns // Bank of Canada Review. Spring. URL: <http://www.bankofcanada.ca/wp-content/uploads/2013/05/boc-review-spring13-amirault.pdf> (дата обращения: 25.10.2015).
- Andreev E.M., V.M. Shkolnikov, W.A. Pridemore, S.Yu. Nikitina (2015). A method for reclassifying cause of death in cases categorized as "event of undetermined intent" // Population Health Metrics. Vol. 13. Art. 23.

- Andrienko Y., S. Guriev (2004). Determinants of interregional mobility in Russia: evidence from panel data // *Economics of Transition*. 12 (1): 1-27.
- Bell M., E. Charles-Edwards, P. Ueffing, J. Stillwell, M. Kupiszewski, D. Kupiszewska (2015). Internal migration and development: comparing migration intensities around the World // *Population and Development Review*. 41(1): 33-58.
- Bell M., S. Muhidin (2009). Cross-national comparison of internal migration. UNDP. Human Development Report // *Research Paper*. 30 (July).
- Central Bureau of Statistics of Israel. URL:
http://cbs.gov.il/reader/cw_usr_view_SHTML?ID=595 (дата обращения: 28.10.2015).
- Courgeau D. (1973). Migrants and migrations // *Population*. 28: 95–128.
- Ogawa N., M. Kondo, R. Matsukura (2005). Japan's transition from the demographic bonus to the demographic onus // *Asian Population Studies*. 1(2): 207-226.
- Statistics New Zealand. URL: http://www.stats.govt.nz/browse_for_stats/health/abortion/info-releases.aspx (дата обращения: 16.10.2015).
- United Nations (2015). Department of Economic and Social Affairs, Population Division World Population Prospects: The 2015 Revision, DVD Edition.

DEMOGRAPHIC RESULTS OF 2014. A BRIEF REPORT *

INSTITUTE OF DEMOGRAPHY, HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS

E-MAIL: mmezhevova@hse.ru

DATE RECEIVED: SEPTEMBER 2015.

The Institute of Demography presents a brief version of the annual scientific report "The population of Russia", consecrated to the results of the demographic development of the country in 2014. The report includes a comparative analysis of the main demographic processes in Russia and in the countries of the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD). The full text of the report will be published in a separate edition.

Key words: Russia, population size, age composition, fertility, mortality, internal migration, external migration.

* THIS STUDY WAS CARRIED OUT WITHIN "THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS ACADEMIC FUND" PROGRAM IN 2015.

REFERENCES

- Amirault D., D. de Munnik, S. Miller (2013). Explaining Canada's regional migration patterns // Bank of Canada Review. Spring. URL: <http://www.bankofcanada.ca/wp-content/uploads/2013/05/boc-review-spring13-amirault.pdf> (accessed: 25.10.2015).
- Andreev E.M., V.M. Shkolnikov, W.A. Pridemore, S.Yu. Nikitina (2015). A method for reclassifying cause of death in cases categorized as "event of undetermined intent" // Population Health Metrics. Vol. 13. Art. 23.
- Andrienko Y., S. Guriev (2004). Determinants of interregional mobility in Russia: evidence from panel data // Economics of Transition. 12 (1): 1-27.
- Baza dannykh IDEM NIU VSHE (IDEM HSE Database). URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php> (accessed: 23.10.2015).
- Baza dannykh OECD. Stat. [OECD Database] URL: <http://stats.oecd.org/> (accessed: 27.10.2015)
- Baza dannykh Yevrostata [Eurostat Database]. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (accessed: 30.10.2015).
- Bell M., E. Charles-Edwards, P. Ueffing, J. Stillwell, M. Kupiszewski, D. Kupiszewska (2015). Internal Migration and Development: Comparing Migration Intensities Around the World // Population and Development Review. 41(1): 33-58.
- Bell M., S. Muhidin (2009). Cross-National Comparison of Internal Migration. UNDP. Human Development Report // Research Paper. 30 (July).
- Central Bureau of Statistics of Israel. URL: http://cbs.gov.il/reader/cw_usr_view_SHTML?ID=595 (accessed: 28.10.2015).
- Courgeau D. (1973). Migrants and migrations // Population. 28: 95-128.
- Denisova I. (2015). Litso migranta [Portrait of migrant] // XXI vek Migratsiya [Migration XXI Century]. №4 (31): 46-48.
- Doklad o rezul'tatakh i osnovnykh napravleniyakh deyatelnosti Federal'noy migratsionnoy sluzhby za 2014 god i planovyy period 2015 - 2017 godov [Report on the results and the main orientations of the Federal Migration Service activity in 2014 and the plans for period

- of 2015 – 2017] (2015). Moscow: FMS RF. URL:
http://www.fms.gov.ru/about/activity/stats/Plani_proгнози_i_dokladi (accessed: 05.10.2015).
- Institut Guttmakhera [Guttmacher Institute]. URL:
<http://www.guttmacher.org/sections/abortion.php>
- Kozlov V. (2015). Eksperty Kudrina ob "yavili o provale kampanii pomoshchi bezhentsam s Ukrainy [Kudrin's experts announced "the failure of the campaign of assistance to refugees from Ukraine"] // Delovoy portal "RBK" [Business portal "RBC "]. October 28. URL:
<http://www.rbc.ru/politics/28/10/2015/562fb7849a79473c824c6097> (accessed: 30.10.2015).
- Naseleniye Rossii 2012 [Population of Russia] (2014a). Dvadtsatyy yezhegodnyy demograficheskiy doklad [Twentieth annual demographic report] / Ed. by A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: HSE Publishing House.
- Naseleniye Rossii: demograficheskiye itogi 2013 goda. Kratkiy doklad [Demographic results 2013. Executive summary] (2014b) // Demograficheskoye obozreniye [Demographic Review]. №3: 5-32.
- Ogawa N., M. Kondo, R. Matsukura (2005). Japan's transition from the demographic bonus to the demographic onus // Asian Population Studies. 1(2): 207-226.
- Statistics New Zealand. URL: http://www.stats.govt.nz/browse_for_stats/health/abortion/info-releases.aspx (accessed: 16.10.2015).
- United Nations (2015). Department of Economic and Social Affairs, Population Division World Population Prospects: The 2015 Revision, DVD Edition.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНЕННЫХ СОБЫТИЙ У РОССИЙСКИХ МУЖЧИН, СЛУЖИВШИХ И НЕ СЛУЖИВШИХ В АРМИИ *

ЕКАТЕРИНА МИТРОФАНОВА, АЛЁНА АРТАМОНОВА

На данных двух репрезентативных для России обследований - «Человек, семья, общество» (использовалось для основного анализа) и «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» (использовалось для дескриптивного анализа) - исследованы жизненные пути российских мужчин, проходивших и не проходивших военную службу по призыву. Сравнивались возрасты и последовательности наступления первых socioeconomic (работа, образование, отделение от родителей) и демографических (браки, партнерство, ребенок) событий и социодемографические «портреты» служивших и не служивших мужчин к возрасту 15 лет и до момента проведения обследования (2013 г.).

Сравнение «портретов» служивших и не служивших в армии мужчин показывает, что механизм отбора в армию изменился. Если раньше единственным различием между служившими и не служившими было состояние здоровья, то в современной России в армию идут в основном те, кто не может избежать этого: дети родителей с более низким социальным положением на момент социализации ребенка (без высшего образования, не на высоких должностных позициях). Мужчины, прошедшие срочную службу, чаще живут отдельно, нежели те, кто не служил. Среди них высока доля работающих, в то время как среди не служивших выше доля учащихся. Анализ наступления событий показал, что для тех, кто прошел службу в армии, переход во взрослую жизнь начинается раньше и проходит интенсивнее. К 35 годам мужчины, служившие в армии, имеют больше событий всех типов, особенно демографических.

Ключевые слова: *армия, срочная служба, демографическое поведение, работа, образование, отделение от родителей, брак, партнерство, Россия, жизненный путь, анализ последовательностей (sequence analysis).*

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время тема службы в армии, а именно ее влияние на жизненный путь мужчины, остается малоизученной. Существующие в этой области исследования можно разделить на два основных направления: первое основано на утверждении, что служба в армии делает из юноши мужчину [Градосельский 2005; Данилова 2005; Михель 2001], другое доказывает, что служба в армии – потерянное зря время [Смирнов 2009; Суханова 2014]. Данные суждения зачастую представляют собой субъективные точки зрения авторов и не имеют в своей основе репрезентативного эмпирического материала.

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА МИТРОФАНОВА. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ» (РОССИЯ). E-mail: emitrofanova@hse.ru

АЛЁНА ВЯЧЕСЛАВОВНА АРТАМОНОВА. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ» (РОССИЯ). E-mail: aartamonova@hse.ru

Статья поступила в редакцию в сентябре 2015 г.

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования № 16-05-0011 «Разработка и апробация методик анализа демографических последовательностей» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016 г. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Взгляд на срочную службу как важное событие в жизни мужчины обусловлен тем, что молодые люди уходят в армию в 18 лет – в том возрасте, когда и с юридической, и с психологической точки зрения они только начинают обретать статус взрослого, самостоятельного человека. Находясь вдали от дома, привычной обстановки, в течение года-двух они учатся быть самостоятельными в быту, но в то же время подчиняться приказам, соблюдать субординацию и отстаивать свое место в очень специфичном коллективе. Это сложное сочетание воздействий на еще молодого человека не может не отразиться на его мировоззрении, отношении к разным аспектам жизни.

В силу ограниченности данных наше исследование не ответит на вопрос о направленности причинно-следственной связи: влияет ли служба в армии на жизненный путь мужчины или в армию попадают мужчины, изначально предрасположенные к определенной модели социодемографического поведения. Для того чтобы делать выводы относительно казуальности, необходимо иметь срез нормативно-ценностных установок и событий в жизни на момент начала службы в армии (или 18-летия для не служивших) и после завершения перехода во взрослую жизнь. Мы располагаем данными только о датах наступления ключевых событий жизни, фактом службы в армии и рядом вспомогательных переменных, полученных из обследования «Человек, семья, общество» (ЧСО) в 2013 г. [Малева и др. 2014; ЧСО 2013].

С помощью метода анализа последовательностей (Sequence analysis - SA) было изучено, как различаются фактические жизненные пути служивших и не служивших в армии мужчин. Не делая выводов о казуальности, мы зафиксировали сами различия, что является важным шагом на пути понимания феномена службы в армии в России. Такого детального изучения данных о службе в армии в контексте жизненного пути ранее не проводилось.

Основная цель исследования - изучение различий наступления социодемографических событий жизненного пути российских мужчин, служивших и не служивших в армии.

Цель была детализирована следующими задачами:

1. определение межпоколенческих различий в возрастах наступления социодемографических событий для служивших и не служивших в армии;
2. выявление различий в последовательностях наступления социодемографических событий для служивших и не служивших в армии;
3. составление «портретов» мужчин, служивших и не служивших в армии, в возрасте 15 лет и на момент проведения опроса (2013 г.)

Прежде чем перейти к рассмотрению результатов решения поставленных задач, необходимо описать структуру данной работы. В первом разделе речь идет об особенностях службы в армии в мире и России, а также рассматривается опыт социологов и демографов в изучении службы в армии как этапа жизненного пути. Второй раздел посвящен особенностям баз данных, на которых построено исследование. В финальной части работы представлены полученные результаты.

СЛУЖБА В АРМИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ

Всего в мире существует несколько форм комплектации армии военнослужащими:

- наемная или контрактная армия, в которой военнослужащие добровольно служат по контракту и получают за это заработную плату;
- воинская повинность или призывная армия, предполагающая всеобщую или выборочную (затрагивающую только мужчин) повинность;
- милиционная или добровольческая армия, в мирное время состоящая только из учетного аппарата и командного состава; воинская служба – кратковременные военные сборы.

В разные периоды времени наибольшую популярность приобретает то один, то другой способ формирования армии. Долгое время в Европе и в мире господствовала наемная армия, но в 1798 г. во Франции появляется армия по призыву для того, чтобы защитить только появившуюся республику от атак соседних государств. Согласно вышедшему в тот год закону все неженатые бездетные французские мужчины, начиная с 20-летнего возраста, призывались на воинскую службу на 5 лет. Духовенство, рабочие, занятые на военных предприятиях, студенты отдельных университетов и чиновники освобождались от службы. Зажиточные французы могли избежать призыва благодаря механизму жеребьевки: при наличии финансовых возможностей вытянувшие жребий могли купить на службу кого-то вместо себя [Forrest 1989]. Постепенно воинская повинность стала показывать более высокую эффективность по сравнению с господствующей на тот период в Европе практикой содержания наемной армии. Это было вызвано тем, что призыв позволял в случае начала военных действий за короткий промежуток времени мобилизовать большое количество пребывающих в резерве, что было актуально в периоды Первой и Второй мировых войн, начала «холодной войны» между странами Организации Североатлантического договора и Организации Варшавского договора. Однако в начале XXI века после этих крупных войн большинство стран стало снова переходить к наемной, контрактной армии [Shearer 1998].

В каждой стране армия комплектуется, исходя из многих факторов: приоритетов безопасности нации, характера внешних угроз и экономических возможностей, но одним из главных можно назвать демографическую ситуацию. Ярким примером влияния демографических волн на степень жесткости законодательства, регулирующего набор на военную службу, является опыт России.

В 1925 г. ранее добровольное прохождение службы в армии стало обязательным для всех трудящихся мужчин СССР. Служба в вооруженных силах рассматривалась как почетная обязанность и была закреплена в Конституции как священный для каждого мужчины долг защиты Отечества [Основной закон (Конституция) СССР 1936: ст.132, 133]. На службу призывались мужчины 19-40 лет, относящиеся к классу трудящихся. Срок службы составлял 2-4 года (в зависимости от рода войск). В 1939 г. в СССР был принят закон «О всеобщей воинской обязанности», отменяющий запрет на призыв детей бывших офицеров, казаков, духовенства, раскулаченных крестьян, купцов, дворян, фабрикантов. Появились отсрочки по факту болезни и по семейным обстоятельствам. В 1946-1948 гг.

призыв не осуществлялся, так как все были заняты в восстановительных работах. В 1949 г. срок службы увеличен до 3-4 лет, а призывной возраст снижен до 18 лет.

Из-за снижения рождаемости во время войны в первой половине 60-х годов когорта 18-летних была малочисленной, что вызвало проблемы с комплектованием вооруженных сил. Чтобы нивелировать образующийся недобор рекрутов, в армию на 3 года (в качестве офицеров) стали призывать выпускников вузов. В 70-е годы, когда поколение рекрутов снова стало многочисленным, срок службы снова увеличился до 2-3 лет, а перечень отсрочек по семейным обстоятельствам был существенно расширен. Также особо важные министерства и ведомства получили права на особый воинский учет, что позволяло не призывать нужных данным министерствам специалистов на воинскую службу [Градосельский 2005]. После вторжения Советской Армии в Афганистан в 1979 г. возникла необходимость в увеличении численности военнослужащих, для чего в законодательство, регулирующее комплектование армии, были внесены изменения, расширяющие категории лиц, подлежащих призыву. В середине 80-х, когда 18-летнего возраста достигают малочисленные когорты, действие отсрочек для продолжения обучения приостанавливается, сокращается число министерств и ведомств, имеющих право на особый воинский учет. Но как только призывной контингент снова начинает расти, отсрочки возвращают. После распада СССР и сокращения численности армии число отсрочек существенно возрастает, а с 2007 г. срок службы в армии снижается до 1 года.

СЛУЖБА В АРМИИ СЕГОДНЯ

На сегодняшний день наименее популярный вид армии – милиционная. Она существует только в Швейцарии. Всеобщая воинская повинность теряет свое лидерство, сохраняясь лишь в небольшом числе стран¹. Все большее распространение приобретает контрактная армия благодаря сразу нескольким её преимуществам. Во-первых, в добровольной армии служат люди, выбравшие военную карьеру осознанно, а не призывники, думающие о скорейшем отбытии воинской повинности. Во-вторых, контрактная армия снижает текучесть кадров, позволяя сохранять ценные человеко-часы, которые уходят на подготовку всё новых призывников. Повышение квалификации военнослужащих создает условия для обеспечения их передовым оборудованием и техникой. В-третьих, профессионализация армии способствует тому, что молодые люди могут планировать наступление ключевых стартовых событий жизни: получение образования, трудовую деятельность, вступление в брачно-партнерские союзы, начало прокреативного поведения в соответствии с их собственными предпочтениями [Friedman 1967].

Большинство стран мира, включая Россию, переходят к комбинированному способу комплектации армии, сочетающему в разных пропорциях призыв и службу по контракту. Например, в странах Североатлантического альянса контрактники составляют порядка 45% от общей численности военнослужащих: в ФРГ – 55%, в Греции и Норвегии – около 30%, в Дании и Бельгии – 60-65%.

¹ Россия, Белоруссия, Израиль, КНДР, Швейцария, Финляндия, Австрия, Эстония.

В России в 1998 г. был принят закон «О воинской обязанности» (ФЗ №53 от 28.03.1998), в главе V которого были перечислены условия заключения контракта и поступления на добровольную военную службу. За 17 лет существования такого варианта службы в армии численность контрактников возросла до 50% от общего числа военнослужащих [РБК 2015]. Д.А. Медведев, будучи главой государства, заявил: «Мы приняли, по сути, политическое решение о том, чтобы в спокойном режиме продвигаться в сторону профессиональной армии. При этом мы сохраним комплектование и за счет призыва, и за счет набора контрактников. Призыв останется, но служить пойдут только те, кто считает это для себя исключительно важным и необходимым. Все остальное будут делать люди, принятые по контракту» [Форбс 2011]. То есть руководство страны понимает приоритеты времени: в век стремительного развития технологий и колоссального прироста информации год отсутствия человека в профессиональной среде – это весьма существенная потеря для его человеческого капитала. У современных молодых людей появляется шанс инвестировать это время в свое развитие, если они не делают осознанный выбор в пользу военной службы. Конечно, в России еще продолжает действовать всеобщий воинский призыв, но появляется гораздо больше легальных (и нелегальных) способов его избежать. Все это дает возможность молодым людям, которые избирают и не избирают для себя военное дело основной профессией, настраивать календарь наступления событий своей жизни в большем соответствии со своими приоритетами.

СЛУЖБА В АРМИИ КАК ЭТАП ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Концепция жизненного пути получила развитие с 20-х годов прошлого столетия. Первыми воспринимать жизнь не как цикл, а как путь стали психологи [Бочавер 2008]. Затем с 1975 г. концепция начала развиваться в рамках социологических наук и стала по-настоящему междисциплинарной и парадигмальной [Ежов 2005; Рождественская 2012: 21].

Основное отличие «пути» от «цикла» в том, что жизнь перестает восприниматься как череда привязанных к возрасту этапов, предначертанных человеку [Кон 1999]. Жизненный путь – это результат персональных выборов индивида в разных сферах жизни. Здесь также есть этапы, но не возраст является пропуском на очередную ступень, а достижения человека: то, какие статусы он обретает, определяет, на каком этапе жизни он находится. Жизненный путь состоит из статусных переходов – значимых событий, меняющих социальное положение человека, устройство его жизни, социальную идентичность и ролевую принадлежность (например, трудоустройство, завершение получения образования, свадьба, рождение ребенка). Некоторые события имеют еще более сильный эффект, влияя на смену целой траектории или нескольких траекторий жизни. Такие события называются поворотными точками.

Службу в армии можно отнести к подобной поворотной точке, которая может изменить направление развития жизни мужчины сразу в нескольких сферах. В 18 лет, только начиная переход во взрослую жизнь, обретая дееспособность (правовую, трудовую, гражданскую), молодые люди отбывают на срочную службу. Это весьма продолжительное и непростое испытание: разлука с близкими, строгий армейский порядок, субординация, ограничения бытового характера, физические нагрузки, нахождение в исключительно

мужском коллективе. Одни исследователи считают, что такие испытания закаляют, «делают из мальчика мужчину» [Градосельский 2005; Данилова 2005; Михель 2001], другие полагают, что эти год или два молодой человек гораздо с большей пользой может провести «на гражданке» [Смирнов 2009; Суханова 2014].

Несмотря на всю разность мнений, у них есть одна общая черта: подавляющее большинство работ на тему службы в российской армии выполнено без достаточной опоры на репрезентативный эмпирический материал. Если в других вопросах, где недостает отечественных исследований, можно обратиться к опыту разных стран, то данный сюжет освещен зарубежными коллегами очень слабо ввиду того, что большинство государств перешли на контрактную службу, предполагающую, что служба в армии – не долг перед родиной и не испытание, а оплачиваемая работа. Поэтому исследования, которые выполнены на репрезентативном эмпирическом материале, чаще всего посвящены либо военнослужащим (в период военных действий), а не солдатам-срочникам, либо вопросам, связанным не с демографическим поведением, а со здоровьем, социальными и психологическими особенностями солдат.

При изучении влияния службы в армии на краткосрочное и долгосрочное здоровье призывников [MacLean, Elder 2007; Sampson, Laub 1996] было выявлено, что служба по призыву негативно сказывается на дальнейшем здоровье. Сквозь призму службы в армии также изучалась преступность [Van Schellen, Apel, Nieuwebeerta 2012]. Было обнаружено, что для когорты 1942 г., призванной в армию в начале Вьетнамской войны, служба в армии значительно снизила вероятность совершения преступлений среди несовершеннолетних преступников. Результаты исследования показали, что военная служба способствовала в целом снижению тяжких преступлений в этот период. В исследовании [Britton, Ouimette, Bossarte 2012] установлена связь между прохождением службы в армии и удовлетворенностью жизнью в зависимости от склонности к депрессии: среди не склонных к депрессии мужчин, служивших в армии, на 39% больше удовлетворенных жизнью, чем среди не служивших.

Одним из тех, кто анализировал влияние службы в армии на демографическое поведение солдат, является Г. Элдер-младший. Сформулированный им (в рамках концепции жизненного пути) принцип «стадии жизни» подразумевает, что влияние исторических событий варьируется в зависимости от этапа жизни человека. Для проверки этого принципа Элдер провел исследование о взаимодействии между военной службой и возрастом, используя данные Oakland Growth Study [Elder 1987]. Он выяснил, что для мужчин, мобилизованных в более позднем возрасте (старше 22), военная служба может разрушить семейные связи и карьеру.

Согласно Элдеру наименьшую личную выгоду военнослужащие извлекают во время участия в военных действиях. Он обнаружил, что частота разводов у американских военнослужащих выше, чем у гражданского населения. При этом важно, в какой отрезок времени был заключен брак: до, во время или после войны. Браки, заключенные до войны, было тяжело сохранить по причине длительного разделения партнеров. Очевидно, что оба партнера не остаются прежними во время войны: служащие испытывают все тяжести военного боя, в то время как жены, ждущие их дома, испытывают все тяжести

экономических лишений, полную ответственность за семью, неведомую им в мирное время. После окончания Вьетнамской войны вернувшиеся домой солдаты демонстрировали стремление как можно скорее создать семью, в отличие от сверстников, которые не принимали участия в войне.

Таким образом, особенности влияния срочной службы в армии на жизненный путь мужчин исследованы недостаточно комплексно и глубоко. В данной работе впервые биографии российских мужчин будут изучены через призму наличия или отсутствия армейского опыта. Это будет сделано на основе репрезентативных российских данных с помощью одного из наиболее продвинутых и перспективных методов – SA.

На основе собранных нами сведений об изменениях в российском законодательстве относительно службы в армии, о влиянии внешних факторов (войн, демографических волн) и о понимании вектора трансформации демографического поведения мы сформулировали следующие гипотезы.

1. Межпоколенческие различия между служившими и не служившими в армии проявятся только для тех, кто был призван после 1991 г. (1973 год рождения - г.р.), поскольку до этого времени возможность избежать призыва была минимальной, и в армию не попадали, в основном, по состоянию здоровья.
2. Долгая разлука с близкими людьми, идеализация жизни «на гражданке» может усилить желание мужчин, вернувшихся из армии, создать свою семью. Мы предполагаем, что в целом интенсивность наступления демографических событий у отслуживших мужчин будет выше.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

В данном исследовании были использованы базы данных двух крупных обследований, репрезентативных для России: «Человек, семья, общество» (ЧСО) и «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» (РМЭЗ). Первая волна ЧСО проведена в 2013 г. Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС [Малева и др. 2014; ЧСО 2013]. В том же году НИУ ВШЭ проведена 22-я волна РМЭЗ [РМЭЗ 2013]. Основной базой является ЧСО, поскольку содержит полную и точную информацию о разных событиях жизненного пути, а также вопрос о службе в армии. РМЭЗ использовали в описательном блоке.

В обследовании ЧСО было опрошено 9500 респондентов (45,3% - мужчины, 54,7% - женщины), выбранных с помощью многоступенчатой стратифицированной районированной выборки, что с 5%-ной погрешностью позволило достигнуть репрезентативности данных для населения России старше 18 лет. На 3-ей ступени построения выборки районирование проводили по избирательным участкам, поэтому в выборку не попали лица, отбывающие уголовное наказание и временно лишенные права голоса.

В анкете ЧСО присутствовали 2 вопроса, касающиеся службы в армии. Первый вопрос был прямым, сформулированным следующим образом: «Служили ли вы в армии?».

Положительный ответ на него дали 2952 мужчины, отрицательный – 1381. Второй вопрос (косвенный) касался армии как одной из причин переездов. Только 19% мужчин указали службу в армии как причину переезда. Количество дат невелико, поэтому анализ был основан на первом вопросе, используемом в дальнейшем в качестве стратифицирующей переменной. Однако у этого вопроса есть недостаток: его формулировка неточна, и положительный ответ могут дать те, кто получил офицерское звание, участь в гражданском вузе, или попал под особый воинский учет.

В обследовании РМЭЗ 2013 г. (была использована полная выборка) вопрос о службе в армии был задан корректнее: «Вы проходили срочную службу в армии, то есть служили по призыву?». В случае положительного ответа задавался еще один вопрос: «С какого по какой год Вы проходили срочную службу в армии?». Всего в базе РМЭЗ 3595 мужчин, прошедших срочную службу, и 2476 – не прошедших.

Несмотря на более детализированную информацию о службе в армии по РМЭЗ, в качестве основной базы данных было выбрано обследование ЧСО. Ключевая причина – наличие в нем вопросов относительно дат наступления стартовых событий в разных сферах жизни, которые определяют основное направление данного исследования.

Разница в формулировках вопросов ЧСО и РМЭЗ и погрешности при измерениях привели к возникновению небольших расхождений в распределениях мужчин, прошедших службу в армии. На рисунке 1 представлена доля мужчин, прошедших срочную службу, в численности своей когорты по году рождения. Резкие перепады кривой обусловлены малым числом наблюдений в самых старших и самых молодых возрастах.

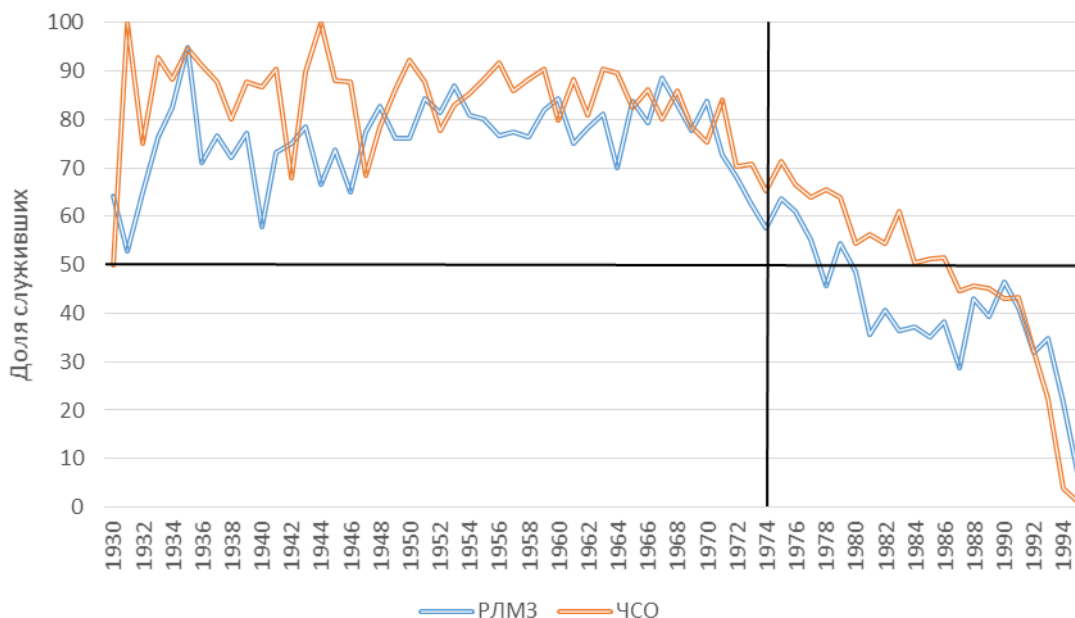

Рисунок 1. Доли служивших в армии (однолетние когорты по году рождения), %

Источник: составлено авторами по данным [РМЭЗ 2013, ЧСО 2013].

На рисунке 1 горизонтальной линией выделен уровень 50%. Выше него – ситуация превышения числа мужчин, прошедших срочную службу, над числом не прошедших ее.

Ниже него – обратная ситуация. Вертикальной линией выделен 1973 г.р. – поколение, которое достигло 18 лет в 1991 г. в момент распада СССР. До 1987 г.р. по РМЭЗ и 1984 г.р. по ЧСО доля тех, кто призывался, превышала долю тех, кто получал «белый билет». Как видно из графика, система воинского учета в советский период работала безотказно, на учет ставили практически всех дееспособных мужчин призывного возраста. В современной России механизм отбора в армию изменился, доля призывников в численности когорты снизилась до 30% и меньше.

На рисунке 2 представлено распределение возрастов, в которых юноши отправлялись на службу в армию (по данным [РМЭЗ 2013]). Большинство молодых людей призывалось на воинскую службу по достижении 18-летнего возраста или на следующий год, если дата их рождения была позже осеннего призыва или если они имели отсрочку для окончания среднего или среднеспециального образования. Для поступающих в военные училища делалось исключение, они могли поступить на военную службу в возрасте 17 лет, но таких, судя по гистограмме, было немного. В сумме более 80% проходивших срочную службу были призваны до 20-летнего возраста.

В 2000-х годах, когда призывного возраста стали достигать самые молодые поколения, наблюдался рост популярности и доступности высшего образования, а также предоставление отсрочек на период обучения. Это привело к снижению доли призываемых в 18-летнем возрасте и сгладило распределение по возрасту призывников.

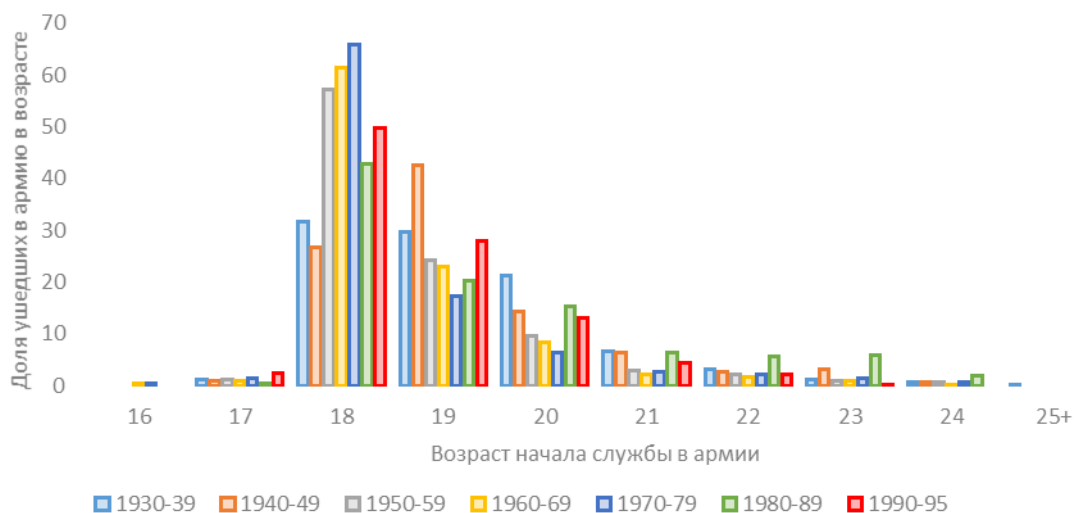

Рисунок 2. Возраст фактического начала службы в армии представителей разных поколений, %

Источник: составлено авторами по данным [РМЭЗ 2013].

Считается, что средний возраст наиболее интенсивного формирования ценностно-нормативного сознания в отношении к детям и супружеству приходится на 20-летие юноши [Магун 2009]. Полученный в этот период опыт оказывает влияние на дальнейшую траекторию жизненного пути. Данный период для подавляющего большинства мужчин старше 40-49 лет приходился на срочную службу в армии. Поколения моложе 1970 г.р. призывались уже после перелома в комплектовании вооруженных сил, в результате

которого выросла доля не служивших и получивших отсрочку, соответственно прошедших период интенсивного формирования ценностно-нормативного сознания не в казармах. С этими же поколениями связывают межпоколенческий сдвиг в семейных ценностях [Попова 2009]. А значит, сокращение доли служивших в армии могло способствовать отходу от традиционных семейных ценностей среди мужчин и стать одним из механизмов начавшегося в России Второго демографического перехода.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Социодемографические «портреты» служивших и не служивших в армии

Как было показано на рисунке 1, численность мужчин, прошедших армию, различается в зависимости от поколений: если в советское время число призывников превышало число «белобилетников», то в современной России число не служивших превышает число тех, кто отслужил. Причиной может быть то, что в советское время главным основанием для селекции при наборе в армию являлось состояние здоровья призывника, а в современной России механизм селекции изменился: идут служить те, кто не смог «откосить», т.е. юноши из менее обеспеченных семей, те, кто не смог или не захотел получать высшее образование, выходцы из сельских поселений, для которых армия может стать социальным лифтом. Также существует отсрочка для мужчин, имеющих двух детей. Для того чтобы изучить причины, по которым поменялось соотношение служивших и не служивших, и проверить Гипотезу 1, мы построили «портреты» мужчин каждой категории, рожденных до и после 1970 г.

Для составления «портретов» мужчин из опросника ЧСО были выбраны интегральные переменные, характеризующие респондента в детстве и на момент опроса.

1. На момент 15-летия:
 - наличие братьев и/или сестер;
 - уровень образования родителей;
 - категория труда родителей;
 - уровень дохода семьи;
 - инвалидность, полученная в детстве.
2. На момент опроса:
 - уровень образования;
 - основной род деятельности;
 - владение иностранными языками;
 - проживание с родителями;
 - наличие инвалидности.

Как и предполагалось в Гипотезе 1, для поколений, рожденных до 1970 г., значимых различий между служившими и не служившими не наблюдается. Единственным исключением являются люди с инвалидностью: их больше среди тех, кто не служил в армии, однако доля таких людей в выборке обследования ЧСО настолько мала, что некорректно делать какие-либо выводы.

В случае современных поколений ситуация меняется (рисунки 3 и 4)². Если говорить о статистически значимых различиях между служившими и не служившими, то первые – это в основном юноши, чьи родители на момент их 15-летия имели профессиональное (в случае отцов), а также среднее полное или ниже (в случае матерей) образование, занятые физическим трудом (рисунок 3). «Портрет» современного не служившего юноши на момент его 15-летия выглядит следующим образом: это дети высокообразованных родителей-специалистов высшей квалификации.

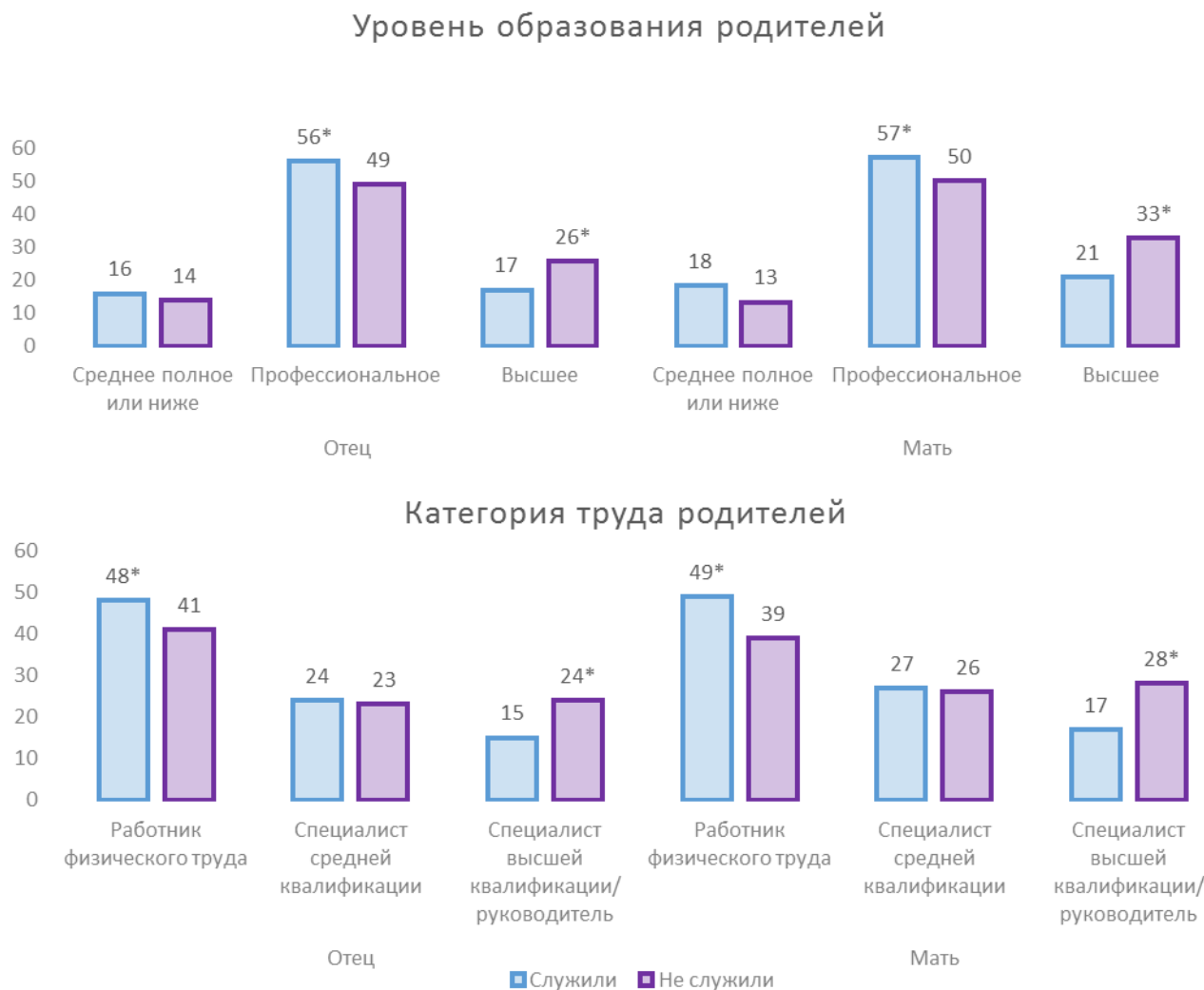

Рисунок 3. Характеристики служивших и не служивших мужчин, рожденных после 1970 г., к возрасту 15 лет, %

Примечание: * - Доля значимо выше (95%).

Источник: составлено авторами по данным [ЧСО 2013].

На момент опроса мужчины, отслужившие в армии, обладают следующим набором характеристик (рисунок 4): они живут отдельно (в то время как не служившие живут с

² Представлены результаты только по тем переменным, различия по которым оказались значимы.

обоими родителями или с матерью), работают (не служившие учатся или совмещают работу с учебой), в отличие от не служивших не владеют иностранными языками.

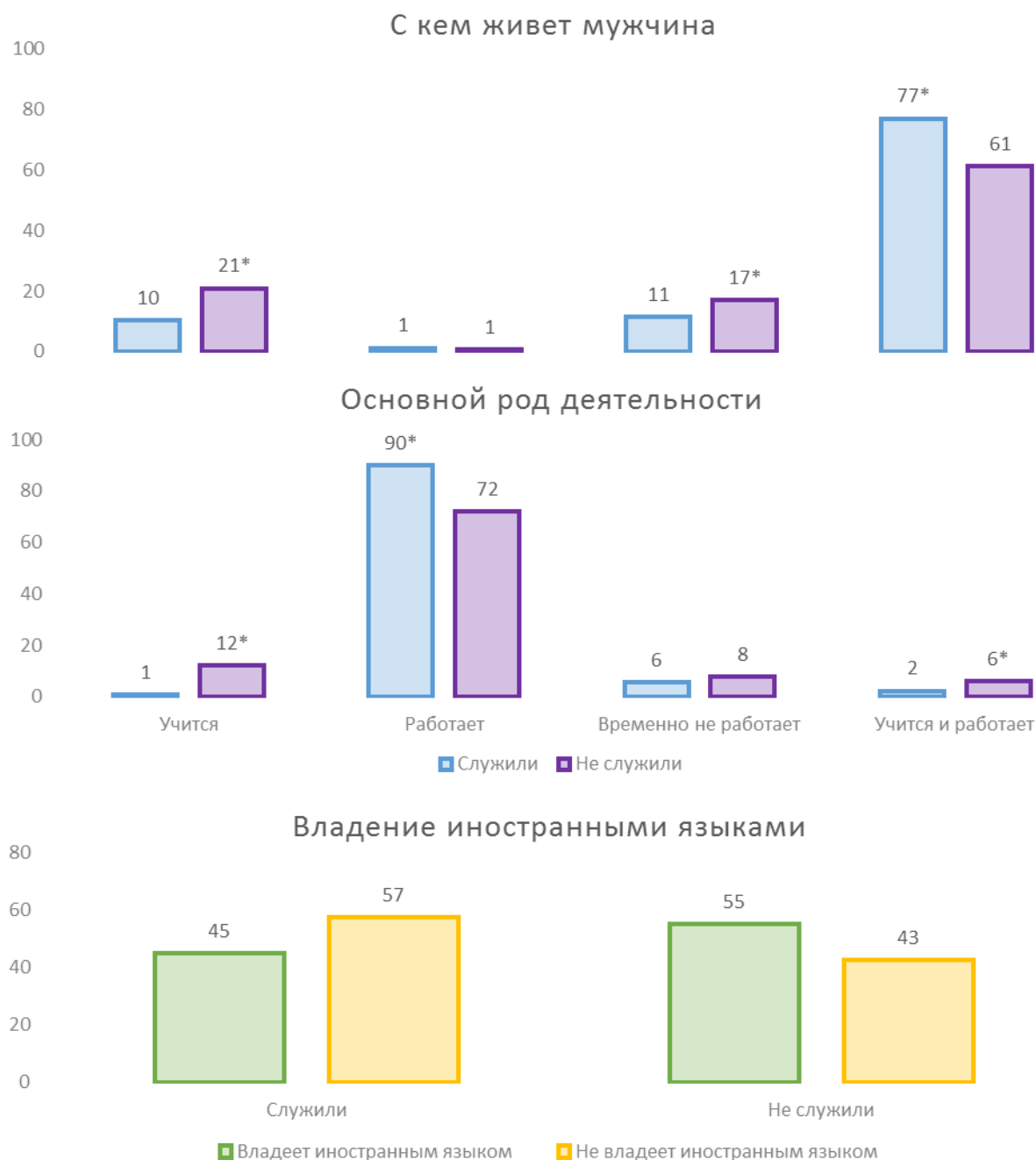

Рисунок 4. Характеристики служивших и не служивших в армии мужчин, рожденных после 1970 г., на момент опроса, %

Примечание: * - Доля значимо выше (95%).

Источник: составлено авторами по данным [ЧСО 2013].

Предположение об изменении механизма селекции подтвердилось: до 1970 г. служившие и не служившие в армии мужчины различались только по наличию инвалидности, а различия в молодых когортах наблюдаются по целому ряду показателей. Из характеристик ситуации респондента в детстве значимыми оказались только должность

и образование родителей. Доход семьи, наличие сибиллингов и инвалидность, полученная в детстве, различий не показали. Полученные результаты говорят о том, что именно выгодные социальные связи, проявляющиеся через должность и образованность родителей, а не доход или состояние здоровья, являются причиной, благодаря которой современные молодые люди избегают службы в армии.

Характеристики респондентов после службы в армии различаются по большому спектру показателей: служившие чаще живут отдельно, работают (по состоянию на момент опроса) и не владеют иностранными языками. То есть в целом мужчины, прошедшие «школу жизни» в армии, являются более самостоятельными: они чаще сами себя обеспечивают и живут отдельно. Уровень образования оказался незначим, так как таких барьеров для получения высшего образования, какие были в определенные периоды советского времени, в современной России нет. Однако владение иностранными языками косвенно свидетельствует, что мужчины, избежавшие службы в армии, ориентированы на более качественное образование. Состояние здоровья вновь не различается для прошедших и не прошедших срочную службу. То есть в армии, где изначально главным критерием отбора являлось здоровье призывников, перестают работать механизмы отбора по этому признаку.

Возрастные особенности наступления событий у мужчин

В данном разделе мы рассмотрим различия в возрастах наступления стартовых социодемографических событий жизненного пути у тех, кто прошел и не прошел службу в армии.

Согласно теории Второго демографического перехода [Jennings, Sullivan, Hacker 2012; van de Kaa 1987; Lesthaeghe 1995; Potârca, Mills, Lesnard 2013] к маркерам изменений в демографической сфере можно отнести растущую долю разводов, повторных браков, незарегистрированных официально отношений, рост среднего возраста вступления в брак. Все эти изменения задают направление трансформациям в других сферах жизни. В связи с этим для подробного рассмотрения были выбраны следующие стартовые события жизненного пути служивших и не служивших мужчин: первое отделение от родителей, первое трудоустройство, завершение получения образования наивысшего уровня, сексуальный дебют, первое партнерство, первый брак, рождение первого ребенка (таблица 1).

Здесь и дальше в работе будет использована лишь часть массива ЧСО. Это обусловлено тем, что все вопросы из блока «Браки, союзы, дети», представляющие для нас большой интерес, были заданы только респондентам репродуктивного возраста. Поэтому мы вынуждены ограничиться подвыборкой, состоящей из когорт 1970-1995 г.р. (2062 мужчины, из которых 1111 служили, а 951 не служили). Респонденты этих лет рождения призывались на службу начиная с 1987 г., что лишает нас возможности оценить связь службы в армии с демографическими событиями для мужчин, которые попали в периоды стабильно высокого уровня призыва.

Таблица 1. Средний возраст наступления социодемографических событий

Поколения	1-е отделение от родителей	1-я работа	Образование наивысшего уровня	1-я интимная близость	1-е партнерство	1-й брак	1-й ребенок
Служившие в армии							
1970-1974	22,2	20,8	19,6	20,0	23,2	24,1	25,8
1975-1979	21,6	21,2	19,7	19,3	22,8	24,9	25,9
1980-1984	21,1	20,9	19,4	18,7	21,5	23,8	24,5
1985-1989	19,9	20,4	19,2	18,1	20,7	22,7	23,2
1990-1994	19,1*	19,7	18,2	17,1	18,1	20,3	19,8
Не служившие в армии							
1970-1974	22,5	21,0	20,3	19,4	22,7	25,3	25,5
1975-1979	22,2	21,4	19,8	19,7	22,7	24,7	25,8
1980-1984	21,1	20,7	20,0	19,1	21,2	24,0	24,9
1985-1989	20,4	20,2	19,4	18,3	20,5	22,6	23,0
1990-1994	18,4	19,4	17,8	16,9	17,9	20,2	20,8

*Примечание: *- Значимо выше для представителей того же поколения, не служивших в армии.*

Источник: Составлено авторами по данным [ЧСО 2013].

Возрасты наступления стартовых социэкономических и демографических событий значительно не различаются для служивших и не служивших в армии, однако интересно посмотреть на общие тренды, одинаковые для обеих групп мужчин. Прежде чем сделать это, стоит отметить, что некоторым представителям самого молодого поколения на момент опроса не было и 20 лет, что сказалось на величине средних возрастов и затруднило сравнение с показателями, рассчитанными для предшествующих поколений.

Наблюдается сильное снижение возраста отделения молодых людей от родителей, однако это эффект молодости когорт, так как исследование, выполненное на похожих данных, показывает откладывание этого события молодежью [Долгова, Митрофанова 2015]. В случае начала трудовой карьеры явного снижения возраста не происходит: мужчины начинают работать примерно в 20-21 год. Средние возрасты завершения получения образования наивысшего уровня показывают, что большинство мужчин (вне зависимости от службы в армии и принадлежности к поколению) имеют среднее образование, так как получают его до возраста 20 лет. Незначительные колебания могут быть вызваны изменениями в системе образования в стране, в частности количеством лет обучения в школе.

Средний возраст сексуального дебюта снижается к более молодым поколениям. Данная тенденция началась еще в послереволюционные годы [Денисенко, Далла Зуанна 2001] и, как видно из таблицы, продолжается до сих пор. При этом скорость снижения этого возраста у служивших и не служивших в армии существенно не различается. Поколения, которые родились после 1960 г., чаще начинают совместную жизнь с сожительства, а не с брака [Артамонова, Митрофанова 2016; Митрофанова 2010]. Часто такой союз принимает форму пробного брака и может распаться или перерасти в брак [Захаров 2007]. Это косвенным образом подтверждается тем, что возраст первого брака превышает возраст вступления в первое сожительство. К началу 1990-х годов в России разница в возрастах наступления сексуального дебюта, вступления в первый брак и рождения первого ребенка оказалась минимальной. Для представителей «советских» поколений снижение возраста сексуального дебюта в условиях отсутствия современных средств контрацепции часто

приводило к незапланированной беременности, которая прикрывалась браками [Захаров 2007], однако согласно классификации Т.А. Гурко [Гурко 2001] незапланированная беременность – далеко не единственная причина заключения брака. Брак, по её мнению, может быть вызван стремлением:

- юридически зарегистрировать наступление добрачной беременности;
- легализовать существующие любовные, сексуальные отношения;
- психологически отделиться от родителей;
- вступить в брачный статус для постановки в очередь на жилье, на предоставление семейного общежития;
- закрепиться в городе;
- *быть как все, «вернулся из армии - пора жениться»;*
- иметь семью, детей.

Существование мотивации жениться после возвращения из армии подтверждается увеличением случаев заключения брака в возрасте 22 лет для служивших.

Как показал анализ средних возрастов наступления социодемографических событий, мы сталкиваемся с большими погрешностями в оценке показателей для молодых поколений, так как большая часть этих когорт еще не сделала своих выборов в разных сферах жизни, а те, кто сделал, пережили события в заведомо ранних возрастах. Чтобы нивелировать эти недостатки стандартных статистических методов, мы изучили последовательности наступления событий, которые дают более полную и объективную картину происходящих изменений.

Анализ последовательностей наступления социально-демографических событий для служивших и не служивших мужчин

Анализ последовательностей наступления событий (SA) – это один из наиболее передовых методов анализа событий жизни, дающий уникальную информацию, которую невозможно получить другими методами. SA позволяет работать не с отдельными событиями, а с цепочкой довольно большого числа событий [Abbott 1995; Billari 2001; Billari, Piccarreta 2005; Ritschard, Oris 2005]. Чтобы представить события в виде последовательности, необходимо перейти от формата событий к формату статусов, представляющему набор букв, в которых закодировано состояние человека в каждой из рассматриваемых сфер жизни на определенный момент времени. В данной работе за единицу времени был взят месяц. Стартовой точкой являлось 15-летие, а конечной – 35-летие, т.е. для каждого респондента был построен отрезок жизненного пути длиной в 240 месяцев. Мы ограничили период наблюдения 35-летием, чтобы уравнивать шансы разных поколений на наступление событий и исключить маргинальные случаи (так как первые события чаще всего происходят в первой половине жизни).

Каждый статус отражает положение респондента в трёх сферах-измерениях: репродуктивной, матримониальной, социоэкономической. Если первые 2 измерения имеют всего несколько комбинаций, что будет показано ниже, то 3 социоэкономических события дают 26 комбинаций (в том числе учитывается одновременное наступление событий). Для

того чтобы сократить число итоговых статусов, сначала был проведен пробный анализ, который показал, какие события встречаются чаще, а какие – реже. Для получения максимального представления о последовательностях в парах событий мы акцентировали внимание на первом событии, а в тройках событий – на последнем. Разбиение каждого измерения на категории представлено списком ниже, а группировка в статусы – в таблице 2.

1. Репродуктивная сфера:

- нет ребенка;
- есть минимум 1 ребенок.

2. Матримониальная сфера:

- одинок;
- есть опыт проживания минимум в одном партнерстве;
- есть опыт проживания минимум в одном браке.

3. Социальноэкономическая сфера:

- нет социальноэкономических событий или есть одно из событий: отделение от родителей, опыт работы, получение образования наивысшего уровня;
- 2 события: отделение от родителей, затем одно событие;
- 2 события: трудоустройство на первую работу, затем одно событие;
- 2 события: завершение получения образования наивысшего уровня, затем одно событие;
- 2 события наступили одновременно;
- 3 события: 2 события наступили одновременно или последовательно, затем отделение от родителей;
- 3 события: 2 события наступили одновременно или последовательно, затем трудоустройство;
- 3 события: 2 события наступили одновременно или последовательно, затем завершение образования;
- 3 события наступили одновременно.

Таблица 2. Группировка событий в статусы

Социальноэкономические события	Демографические события					
	нет детей			1 ребенок		
	одинок	1 партнер	1 брак	одинок	1 партнер	1 брак
Нет события или 1 событие	нет событий					
	отделение					
	работа образование					
Отделение > событие						
Работа > событие						
Образование > событие						
2 события одновременно						
2 события > отделение						
2 события > работа						
2 события > образование						
3 события одновременно						
Цензурирование						

В таблице 2 отображены не только варианты статусов, но и цветовые коды для каждого из них для упрощения графического восприятия последовательностей. Таблица с указанием аббревиатур для каждого статуса размещена в таблице П-1 Приложения. На рисунке 5 представлены хронограммы для мужчин, которые проходили (слева) и не проходили (справа) службу по призыву. Хронограмма представляет собой распределение частоты появления каждого статуса относительно временных отрезков, в которых наблюдались данные последовательности событий.

В выборке представлены респонденты разных возрастов. Самым молодым на момент опроса всего 19 лет, т.е. мы можем построить биографию всего для 4 лет их жизни. Отрезок жизненного пути, о котором мы не имеем представления, обозначен на хронограммах бордовым градиентом. В терминах продвинутого статистического анализа подобное отсутствие информации о событиях, не успевших произойти в диапазоне наблюдения, называется цензурированием.

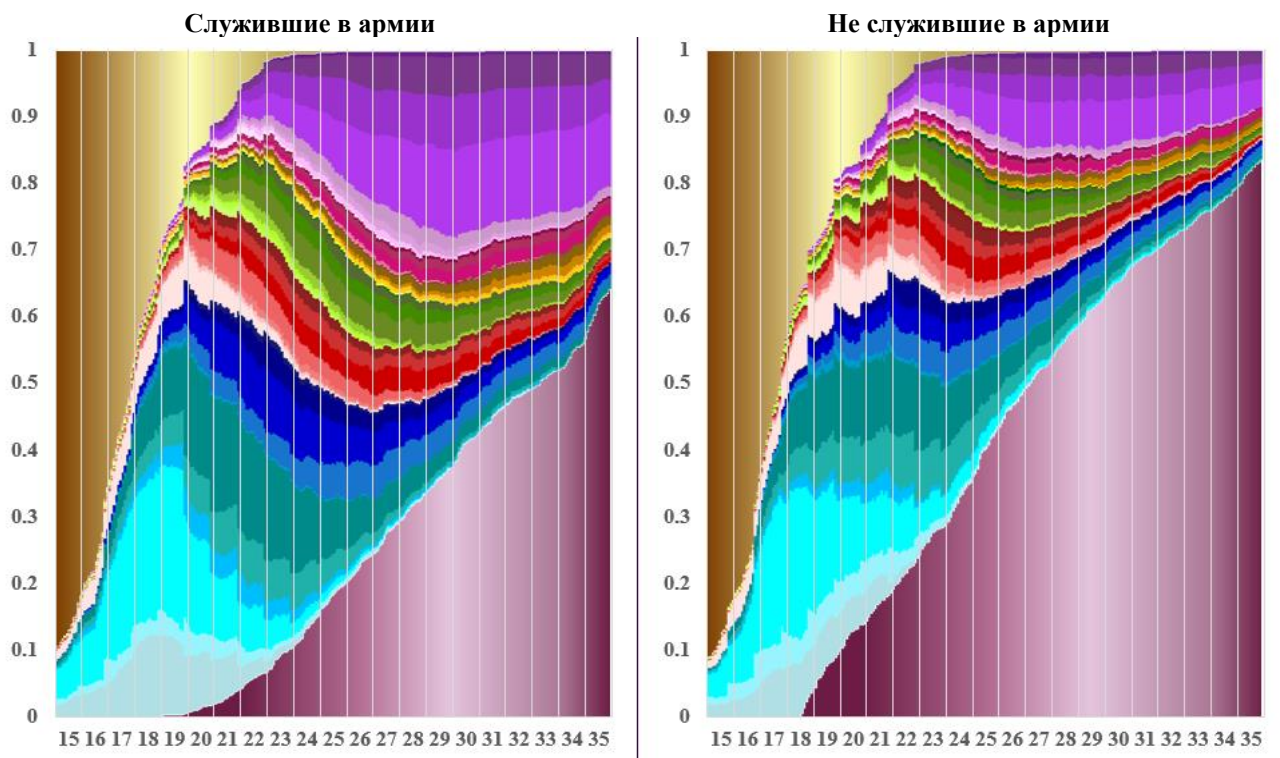

Рисунок 5. Хронограммы наступления стартовых событий для мужчин, служивших и не служивших в армии

Источник: Составлено авторами по данным [ЧСО 2013].

Различия в хронограммах наступления событий показывают особенности жизненного пути в разрезе службы в армии. Если число мужчин, не имеющих социодемографических событий в начале перехода во взрослую жизнь, почти одинаково для обеих категорий, то число цензурированных событий значительно выше у не служивших мужчин. Это говорит о меньшем числе событий, произошедших в их жизни, что может быть обусловлено сравнительной молодостью данной группы мужчин, ведь среди представителей старших поколений доля избежавших срочной службы минимальна, тогда как для молодых людей это становится все более характерным.

На момент начала наблюдения (15 лет) служившие и не служившие мужчины имеют примерно одинаковый набор событий: несколько событий социоэкономического блока (чаще всего отделение от родителей и наличие образования наивысшего уровня) и совсем небольшая доля демографических событий, а именно партнерств. К возрасту 19 лет (когда отслужившие мужчины находились в армии) среди не отслуживших возрастает доля отделившихся от родителей. Это, скорее всего, связано именно с фактом отбытия на службу, который является причиной для покидания родительского дома минимум на 3 месяца. К концу наблюдения (возраст 35 лет) различия между служившими и не служившими мужчинами становятся особенно заметны: доля состоящих в первом браке, имеющих одного ребенка и какие-то события из социоэкономического блока (фиолетовая палитра) среди служивших составляет порядка 23%, тогда как среди не служивших – менее 10%. Остальные комбинации событий, включающих демографические (красная, розовая, зеленая палитры), также представлены в гораздо большем объеме у мужчин, прошедших срочную службу, чем у не прошедших ее.

В таблице 3 (полная версия – в таблице П-2 Приложения) представлены ранжиры статусов от самого длительного (в месяцах) до самого короткого для всех мужчин, для служивших и для не служивших в армии.

Таблица 3. Ранжирование статусов от самого длительного до самого короткого для всех мужчин, для служивших и для не служивших в армии

№ пп	Все		Служившие в армии		Не служившие в армии	
	статус	средняя длительность, мес.	статус	средняя длительность, мес.	статус	средняя длительность, мес.
1	SC00	38,54	SC00	38,07	SC00	39,10
2	SC0E+	14,37	M1C1++L	16,88	SC0E	13,47
3	SC0E	13,43	SC0E+	16,08	SC0E+	12,37
4	M1C1++L	13,32	SC0E	13,40	M1C1++L	9,16
5	M1C1++J	8,05	M1C1++J	10,46	SC0J+	7,57
6	SC0J+	6,87	SC0++J	8,98	SC0++L	5,76
7	SC0++J	6,75	M1C1++E	7,25	M1C1++J	5,23
8	SC0++L	6,39	SC0++L	6,92	P1C01	4,44
9	M1C1++E	5,70	SC0L	6,74	SC0L	4,37
10	SC0L	5,65	SC0J+	6,28	SC0++J	4,14

Дольше всего мужчины обеих категорий пребывают в состоянии отсутствия событий любого типа (38 и 39 мес. - более 3 лет). Следующим по длительности (16,9 мес. - 1,5 года) у мужчин, служивших в армии, идет статус «*в первом браке, с одним ребенком, три социоэкономических события, последнее из которых – отделение от родителей*», а у мужчин, не служивших в армии, это статус «*отсутствие демографических событий, наличие образования наивысшего уровня*» (13,5 мес. - 1 год и 1,5 мес.). Третьим для служивших (16 мес. - 1 год и 4 мес.) и не служивших (12,3 мес. - 1 год) следует статус «*отсутствие демографических событий, два социоэкономических события, последнее из которых – наличие образования наивысшего уровня*». Четвертое наиболее длительное событие для служивших (13,4 мес.- 1 год и 1 мес.) – «*отсутствие демографических событий, наличие образования наивысшего уровня*», для не служивших (9 мес.) – «*в первом браке, с одним ребенком, три события, последнее из которых – отделение от родителей*».

Как видно из этих ранжиров, мужчины, служившие в армии, пребывают во всех статусах дольше, чем не служившие. Это говорит о том, что они раньше открывают свои траектории. Наиболее продолжительным для служивших мужчин является самый насыщенный статус, в котором есть и демографическая, и социоэкономическая составляющие, тогда как для не служивших мужчин характернее всего отсутствие демографических событий и наличие образования. Статусы более высокого ранга очень схожи и различаются в основном позицией в списке и длительностью.

В таблицах 4 и 5 (полные версии – в таблицах П-3 и П-4 Приложения соответственно) представлены самые частые подпоследовательности событий для служивших и не служивших мужчин. В нашей работе под частыми понимаются такие подпоследовательности, уровень поддержки которых (доля мужчин из численности соответствующей категории) превышает 9%. Подпоследовательности могут состоять как из одного статуса, так и из нескольких.

Таблица 4. Ранжирование подпоследовательностей по частоте встречаемости у респондентов, служивших в армии

№	Последовательность	Доля в числе служивших	Чел.
1	(SC00)	0,905	1005
2	(SC00)-(SC00>SC0E)	0,436	484
3	(SC00>SC0E)	0,436	484
4	(SC0E>SC0E+)	0,389	432
5	(SC00)-(SC0E>SC0E+)	0,356	395
6	(SC00)-(SC00>SC0E)-(SC0E>SC0E+)	0,350	389
7	(SC00>SC0E)-(SC0E>SC0E+)	0,350	389
8	(SC00>SC0L)	0,194	216
9	(SC00)-(SC00>SC0L)	0,194	215
10	(SC0L>SC0L+)	0,166	184
11	(SC00)-(SC00>SC0J)	0,163	181
12	(SC00>SC0J)	0,163	181
13	(M1C0++L>M1C1++L)	0,157	174
14	(SC00)-(SC00>SC0L)-(SC0L>SC0L+)	0,150	167
15	(SC00)-(SC0L>SC0L+)	0,150	167
16	(SC00>SC0L)-(SC0L>SC0L+)	0,150	167
17	(SC00)-(M1C0++L>M1C1++L)	0,143	159
18	(SC0J>SC0J+)	0,134	149
19	(SC00)-(SC00>SC0J)-(SC0J>SC0J+)	0,125	139
20	(SC00)-(SC0J>SC0J+)	0,125	139
21	(SC00>SC0J)-(SC0J>SC0J+)	0,125	139
22	(SC0E+>P1C0E+)	0,098	109
23	(SC00>P1C01)	0,096	107
24	(SC0E+>SC0++L)	0,095	105
25	(SC00)-(SC00>P1C01)	0,092	102
26	(SC0E>SC0E+)-(SC0E+>SC0++L)	0,092	102

Примечание: Подпоследовательности, содержащие демографические события, обозначены жирным шрифтом.

Больше всего служивших мужчин состоит в статусе «отсутствие событий»: 1005 из 1111 человека. Это говорит о том, что только 10% мужчин имели какие-то события к моменту начала наблюдения (15-летию). 44% из тех, кто служил, имеют подпоследовательность «отсутствие событий, затем – наличие образования», 35% из них после образования совершили еще одно социоэкономическое событие (трудоустройство

или отделение от родителей). У 19% мужчин первым событием было *отделение от родителей*. 17% из этого числа далее совершили еще одно *социальноэкономическое событие*. У 16% первым событием было *трудоустройство*, в 13% случаев дополненное еще одним *социальноэкономическим событием*. Далее у отслуживших мужчин начинают встречаться подпоследовательности с демографическими событиями. 16% мужчин имеют подпоследовательность «*в первом браке, без детей, три социальноэкономических события, последнее из которых – отделение от родителей, затем – то же, но с одним ребенком*». 10% сначала имеют только *образование* и еще одно *социальноэкономическое событие*, а затем они вступают в первое *партнерство*. Столько же респондентов сначала не имеют *ни одного события*, а затем вступают в *первое партнерство* и совершают *одно, либо ни одного социальноэкономического события*. Все остальные подпоследовательности у данной категории мужчин имеют уровень поддержки менее 100 человек. То есть всего для служивших мужчин найдено 26 подпоследовательностей, встретившихся более чем у 9% подвыборки.

У не служивших мужчин выявлено 22 подпоследовательности, встретившихся более чем у 9% подвыборки (таблица 5).

Таблица 5. Ранжирование подпоследовательностей по частоте встречаемости у респондентов, не служивших в армии

№	Последовательность	Доля в числе не служивших	Чел.
1	(SC00)	0,924	879
2	(SC00>SC0E)	0,441	419
3	(SC00)-(SC00>SC0E)	0,440	418
4	(SC0E>SC0E+)	0,306	291
5	(SC00)-(SC0E>SC0E+)	0,284	270
6	(SC00>SC0E)-(SC0E>SC0E+)	0,279	265
7	(SC00)-(SC00>SC0E)-(SC0E>SC0E+)	0,278	264
8	(SC00)-(SC00>SC0J)	0,205	195
9	(SC00>SC0J)	0,205	195
10	(SC0J>SC0J+)	0,182	173
11	(SC00)-(SC0J>SC0J+)	0,171	163
12	(SC00)-(SC00>SC0J)-(SC0J>SC0J+)	0,170	162
13	(SC00>SC0J)-(SC0J>SC0J+)	0,170	162
14	(SC00)-(SC00>SC0L)	0,135	128
15	(SC00>SC0L)	0,135	128
16	(SC00>P1C01)	0,129	123
17	(SC00)-(SC00>P1C01)	0,127	121
18	(SC0L>SC0L+)	0,111	106
19	(SC00)-(SC0L>SC0L+)	0,102	97
20	(SC00)-(SC00>SC0L)-(SC0L>SC0L+)	0,101	96
21	(SC00>SC0L)-(SC0L>SC0L+)	0,101	96
22	(M1C0++L>M1C1++L)	0,094	89

Примечание: Подпоследовательности, содержащие демографические события, обозначены жирным шрифтом.

Наиболее популярная подпоследовательность также состоит из одного статуса «*отсутствие событий*» (92%; 879 мужчин из 951). Следующая по популярности подпоследовательность тоже совпадает у служивших и не служивших в армии: это «*отсутствие событий, затем – наличие образования*» (44%), к ней в 30% случаев добавляется еще одно *социальноэкономическое событие*. А дальше ситуация меняется: третьим по популярности у не служивших является подпоследовательность «*отсутствие событий,*

затем *трудоустройство*» (20%); для 18% через какое-то время добавляется еще одно *социальноэкономическое событие*. Четвертым по уровню поддержки следует отделение от родителей (13%), в 11% случаев дополненное еще одним *социальноэкономическим событием*. На этом этапе у не служивших мужчин также начинают появляться демографические события, но уровень поддержки значительно меньше и лидирует не брак, а партнерство: у 13% мужчин из подвыборки встречается подпоследовательность *«отсутствие событий, затем – первое партнерство без ребенка»*, у 9,4% – *«первый брак без ребенка, три социальноэкономических события, последнее из которых – отделение от родителей, затем – появление ребенка»*.

Таким образом, каждый девятый мужчина в выборке (вне зависимости от службы в армии) в течение какого-то времени не имел ни одного социодемографического события. 44% мужчин в определенный момент времени завершили получение образования. 19% служивших и 13% не служивших отделились от родителей; 16 и 18% соответственно – трудоустроились; 16 и 9% – женились, завели ребенка и совершили все три статусных перехода в социальноэкономической сфере, последним из которых было отделение от родителей; 10 и 13% – начали жить в партнерстве. В целом последовательности, содержащие разные демографические события, чаще встречаются у мужчин, прошедших армейскую службу.

Рассмотрим далее хронограммы последовательностей событий для каждой когорты в разрезе службы в армии (рисунок б).

Прежде всего стоит обратить внимание на количество служивших и не служивших в армии мужчин: если в самом старшем поколении число служивших более чем в 2 раза превышало число не служивших, то для поколения 1990-1994 г.р. наблюдается диаметрально противоположная ситуация. Однако, несмотря на разную наполненность категорий, цензурированных стабильно больше у тех, кто не проходил срочную службу. То есть армия, какая бы доля поколений в нее не призывалась, способствует более интенсивному наполнению жизненного пути событиями.

Сильнее всего различаются хронограммы для самых старших и самых молодых поколений. Мужчины 1970-1974 г.р., служившие в советское время, раньше завершают получение образования (останавливаясь на более низкой ступени, чем не служившие), раньше отделяются от родителей (что, скорее всего, обусловлено службой в армии). К 17 годам не служившие мужчины чаще служивших состоят в партнерствах без детей. К 35 годам среди тех, кто прошел срочную службу, больше женатых мужчин с детьми (фиолетовая палитра; более 60%), чем среди тех, кто ее не прошел (более 50%). В целом у служивших больше последовательностей, включающих демографические события (все палитры, кроме синей).

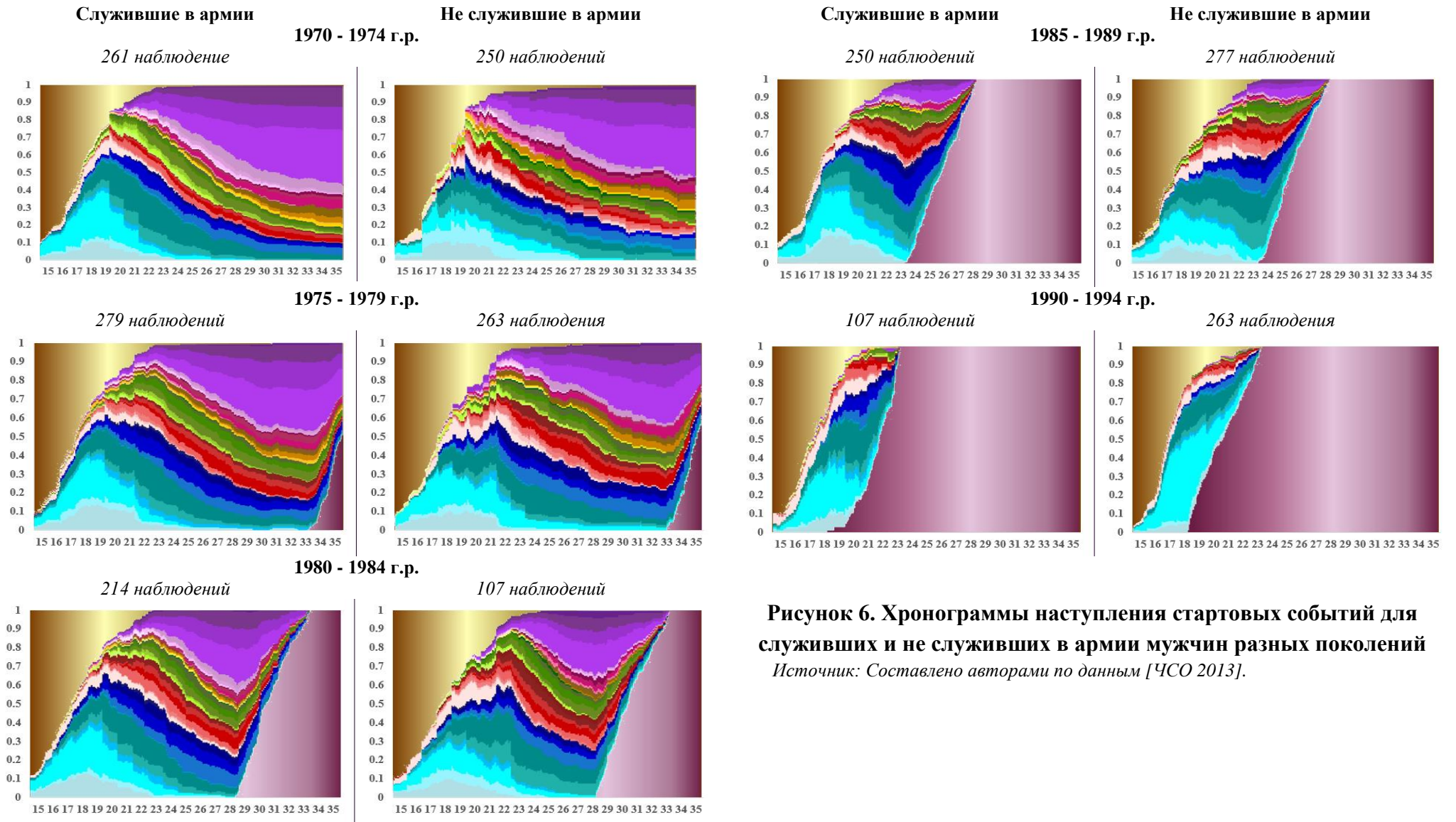

Рисунок 6. Хронограммы наступления стартовых событий для служивших и не служивших в армии мужчин разных поколений
Источник: Составлено авторами по данным [ЧСО 2013].

У мужчин, родившихся после 1990 г., еще очень много цензурированных, так как самым молодым респондентам на момент опроса (2013 г.) всего 19 лет, самым старшим из этого поколения – 23 года. Тем не менее различия между категориями просматриваются довольно четко: у мужчин, служивших в армии, больше и социоэкономических, и демографических событий, нежели у тех, кто не служил. У них больше отделений от родителей, что связано непосредственно со службой в армии. Они быстрее и интенсивнее совершают все социоэкономические события (синие цвета), вступают в партнерства (красная палитра), браки (зеленые цвета) и обзаводятся детьми (желтые, розовые, фиолетовые цвета).

Представленные хронограммы как в разрезе поколений, так и в целом для всех когорт, являются подтверждением Гипотезы 2, что демографические события у тех, кто прошел службу в армии, будут наступать раньше и интенсивнее, чем у тех, кто не служил.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование предоставляет целую серию эмпирических доказательств наличия различий в жизненных путях мужчин, служивших и не служивших в армии.

В советское время на срочную службу призывалось 80-90% 18-летних мужчин (рисунок 1), а в современной России эта доля опускается ниже порога в 50%. Причина превышения доли «белобилетников» над служившими кроется в смене механизма отбора на срочную службу. Построенные социодемографические «портреты» показывают, что для мужчин, служивших в советское время, отсутствовали различия в характеристиках на момент 15-летия и на дату опроса (2013 г.). Единственной переменной, по которой есть незначительные различия, является инвалидность, что подтверждает селективность в советское время исключительно по состоянию здоровья. Характеристики респондентов, служивших в постсоветский период, говорят о том, что возможность избежать службы в армии связана с социальными связями родителей. Мужчины, получившие подобную отсрочку, позднее, чем их отслужившие сверстники, становятся самостоятельными, но больше вкладываются в развитие своих профессиональных навыков.

Анализ последовательностей показал, что мужчины, прошедшие срочную службу, совершают социоэкономические и демографические события раньше и интенсивнее. Сильнее всего различаются хронограммы для самых старших и самых молодых поколений. Мужчины 1970-1974 г.р., служившие в советское время, раньше завершают получение образования (останавливаясь на более низкой ступени, чем не служившие), раньше отделяются от родителей. К 35 годам среди тех, кто прошел срочную службу, больше женатых мужчин с детьми, чем среди тех, кто ее не прошел. У мужчин, родившихся после 1990 г., еще очень много цензурированных, тем не менее они быстрее и интенсивнее совершают все социоэкономические события, вступают в партнерства, браки и обзаводятся детьми.

Принимая во внимание, что служившие мужчины чаще всего являются представителями старших поколений, а не служившие – младших, мы не делаем однозначных выводов о влиянии службы в армии на жизненные события, так как имеем

дело с межпоколенными трансформациями социодемографического поведения и с разной подверженностью поколений цензурированию (у молодых меньше событий в силу более юного возраста). Тем не менее можно сделать однозначный вывод, что имеющие опыт срочной службы формируют свой жизненный путь несколько иначе, чем те, кто не проходил эту «школу жизни». Результатом чего является этот феномен (межпоколенных трансформаций, изменения отношения к армии, селекции при наборе на службу или эффектом самой службы) – вопрос, требующий дополнительного изучения с привлечением продвинутых методов не только анализа, но и сбора информации (когортные, лонгитюдные исследования с тщательно проработанным набором индикаторов).

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонова А.В., Е.С. Митрофанова (2016). Сожительства в России: промежуточное звено или легитимный институт//Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 1: 126—145.
- Бочавер А.А. (2008). Исследования жизненного пути человека в современной зарубежной психологии // Психологический журнал. №5: 54–62.
- Градосельский В.В. (2005). Комплектование Вооруженных Сил СССР в 1970—1980-е годы // Военно-исторический журнал. №.9: 18-21.
- Гурко Т. (2001). Трансформация брачно-семейных отношений // Россия: трансформирующееся общество / Под редакцией В.А. Ядова. М.: КАНОН-пресс-Ц.: 272-283.
- Данилова Н.Ю. (2005). Срочники, пиджаки, профессионалы: разные мужественности участников постсоветских войн // Журнал социологии и социальной антропологии. Т.8. № 2: 110–126.
- Денисенко М.Б., Ж.-П. Далла Зуанна (2001). Сексуальное поведение российской молодежи // Социологические исследования. № 2: 83–87.
- Долгова А.А., Е.С. Митрофанова (2015). Отделение от родительской семьи в России: межпоколенческий аспект // Экономическая социология. Т.16. № 5: 46-76.
- Ежов О.Н. (2005). Парадигма жизненного пути в зарубежной социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. Т.8. № 3: 22-33
- Захаров С.В. (2007). Демографические обследования населения: прошлое, настоящее, будущее // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП: 640.
- Кон И.С. (1999). Социологическая психология. Воронеж: МОДЭК: 254-270.
- Магун В. (2009). Нормативные взгляды на семью у россиян и французов // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. М.: НИСП: 139-162.
- Малева Т.М. и др. (2014). Разработка методологии и проведение первой пилотной волны регулярного общенационального репрезентативного обследования населения по изучению демографического, социального и экономического поведения, включая пенсионное поведение. М.: РАНХиГС.
- Митрофанова Е.С. (2010). Семья и брак, матримониальное, репродуктивное и сексуальное поведение в крестьянской, советской и современной России // Демоскоп Weekly. №

- 423 – 424. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0423/student01.php> (дата обращения: 20.02.2015).
- Михель Д. (2001). Мужчины, мальчики и поле боя // Гендерные исследования. Т.6: 133–149.
- Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик (1940) // Конституции и конституционные акты СССР (1922-1936). Сборник документов / Под ред. И.П. Трайнина. М.
- Попова Д.О. (2009). Трансформация семейных ценностей и второй демографический переход в России: кто в авангарде? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП: 336.
- РБК (2015). 25 апреля. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/553b923f9a79477833fc113b> (дата обращения: 24.02.2015).
- РМЭЗ (2013). Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (22-я волна), проводимый НИУ «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. URL: <http://www.hse.ru/rfms> (дата обращения: 20.02.2015).
- Рождественская Е.Ю. (2012). Биографический метод в социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики: 381.
- Смирнов А.И. (2009). Служба в армии потерянное время // Социологические исследования. Т.12: 100-108.
- Суханова М. (2014). Отношение юношей к службе в армии // Материалы IX международной научно-практической конференции преподавателей и студентов «Человек в XXI веке». Обнинск: 78-79.
- Форбс (2011). 25 октября. URL: <http://www.forbes.ru/news/76858-medvedev-cherez-5-7-let-dolya-prizyvnikov-v-armii-rf-sokratitsya-do-10-20> (дата обращения: 24.02.2015).
- ЧСО (2013). Обследование демографического, социального и экономического поведения населения Российской Федерации «Человек, семья, общество» (1-я волна), проводимое Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС.
- Abbott A. (1995). Sequence Analysis: new methods for old ideas // Annual Review of Sociology. V.21. №1: 93-113.
- Billari F., R. Piccarreta (2005). Analyzing demographic life courses through Sequence Analysis // Mathematical Population Studies. V.12. №2: 81–106.
- Billari F.C. (2001). Sequence Analysis in demographic research // Canadian Studies in Population. V.28. №2: 439–458.
- Britton P., P. Ouimette, R. Bossarte (2012). The effect of depression on the association between military service and life satisfaction // Quality of Life Research. V.21. №10: 1857–1862.
- Elder J.G.H. (1987). War mobilization and the life course: A cohort of World War II veterans // Sociological Forum 2: Kluwer Academic Publishers: 449–472.
- Forrest A. (1989). Conscripts and deserters: The army and French society during the Revolution and Empire. New York: Oxford University Press. First edition: 304.
- Friedman M. (1967). Why not a volunteer army? // New Individualist Review. V.4. №4: 3–6.

- Jennings J.A., A.R. Sullivan, J.D. Hacker (2012). Intergenerational transmission of reproductive behavior during the demographic transition // *Journal of Interdisciplinary History*. V.42. №4: 543–569.
- Lesthaeghe R. (1995). The second demographic transition in Western countries: An interpretation // *Gender and family change in industrialized countries*. Oxford: Clarendon Press: 17–62.
- MacLean A., G.H. Elder (2007). Military service in the life course // *Annual Review of Sociology*. V.33. №1: 175–196.
- Potârcă G., M. Mills, L. Lesnard (2013). Family formation trajectories in Romania, the Russian Federation and France: Towards the second demographic transition? // *European Journal of Population*. V.29. №1: 69–101.
- Ritschard G., M. Oris (2005). Life course data in demography and social sciences: Statistical and data-mining approaches // *Advances in Life Course Research*. V.10: 283–314.
- Sampson R.J., J.H. Laub (1996). Socioeconomic achievement in the life course of disadvantaged men: Military service as a turning point, circa 1940-1965 // *American Sociological Review*. V.61. №3: 347–367.
- Shearer D. (1998). Private armies and military intervention. London: Adelphi Paper: 316.
- Van de Kaa D.J. (1987). Europe's second demographic transition // *Population Bulletin*. V.42: 3–57.
- Van Schellen M., R. Apel, P. Nieuwbeerta (2012). "Because you're mine, I walk the line"? Marriage, spousal criminality, and criminal offending over the life course // *Journal of Quantitative Criminology*. V.28. №4: 701–723

THE SEQUENCE OF LIFE EVENTS OF RUSSIAN MEN SERVING AND NOT SERVING IN THE MILITARY *

EKATERINA MITROFANOVA

Ekaterina Mitrofanova. NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (RUSSIA).

E-MAIL: emitrofanova@hse.ru.

ALYONA ARTAMONOVA

Alyona Artamonova. NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (RUSSIA).

E-mail: aartamonova@hse.ru

DATE RECEIVED: September 2015.

Using two representative Russian surveys - "Person, Family, Society" (used for building research models) and "Russian monitoring of the economic condition and health of the population" (for auxiliary, descriptive analysis) - we analyzed the differences in the life courses of Russian men who served and did not serve in the army. For these two groups of men, we compared the ages and sequences of the most important first events (separation from the parental home, first job, obtaining an education, first cohabitation, first marriage, and first child). We constructed socio-demographic "portraits" for these men at the age of 15 and at the moment of the survey (2013).

Our results revealed that those men who served in the military have more socio-economic and demographic events than those who avoided military service: men with military experience start adult life earlier and more intensively. The mechanism of selecting men for military service has changed since the 1990s. Men who serve are mainly children of parents without higher education and not occupying senior positions in the period of their children's socialization. After completing military service, men often work and live separately, while those who did not serve in the army study and live with their parents.

Key words: army, conscription, serving in the military, demographic behavior, job, education, separation from parental home, marriage, cohabitation, Russia, life course, sequence analysis.

* THIS ARTICLE WAS PREPARED WITHIN THE FRAMEWORK OF THE ACADEMIC FUND PROGRAM AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (HSE) IN 2016 (GRANT № 16-05-0011 "DEVELOPMENT AND TESTING OF DEMOGRAPHIC SEQUENCE ANALYSIS AND MINING TECHNIQUES") AND SUPPORTED WITHIN THE FRAMEWORK OF A SUBSIDY GRANTED TO THE HSE BY THE GOVERNMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR THE IMPLEMENTATION OF THE GLOBAL COMPETITIVENESS PROGRAM.

REFERENCES

- Abbott A. (1995). Sequence Analysis: new methods for old ideas // Annual Review of Sociology. T.21. №1: 93-113.
- Artamonova A., E. Mitrofanova (2016). Sozhitelstva v Rossii: promezhutochnoe zveno ili legitimnyy institut [Cohabitation in Russia: "trial" union or an independent social institution] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnie peremeny [Monitoring of public opinion: economic and social changes]. № 1: 126-145.
- Billari F., R. Piccarreta (2005). Analyzing demographic life courses through Sequence Analysis // Mathematical Population Studies. V.12. №2: 81-106.
- Billari F.C. (2001). Sequence Analysis in demographic research // Canadian Studies in Population. V.28. №2: 439-458.
- Bochaver A. (2008). Issledovaniya zhiznennogo puti cheloveka v sovremennoy zarubezhnoy psikhologii [Investigations of men's life course in contemporary foreign psychology] // Psichologicheskii zhurnal [Psychological journal]. №5: 54-62.

- Britton P., P. Ouimette, R. Bossarte (2012). The effect of depression on the association between military service and life satisfaction // *Quality of Life Research*. V.21. №10: 1857–1862.
- ChSO [MFO] (2013). Obsledovaniye demokraticeskogo, sotsial'nogo i ekonomicheskogo povedeniya naseleniya Rossiyskoy Federatsii «Chelovek, sem'ya, obshchestvo» (1-ya volna), provodimoye Institutom sotsial'nogo analiza i prognozirovaniya RANKhiGS [A survey of the demographic, social and economic behavior of the population of the Russian Federation «Man, family, society» (1st wave), conducted by the Institute for Social Analysis and Forecasting, RANEPА].
- Danilova N. (2005). Srochniki, pidzhaki, professionaly: raznye muzhestvennosti uchastnikov postsovetskikh voyn [Different masculinities of post-Soviet wars participants] // *Zhurnal sociologii i socialnoy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. V.8. №2: 110–126.
- Denisenko M., Zh.-P. Dalla Zuanna (2001). Seksualnoe povedenie rossiyskoy molodezhi [Sexual behavior of Russian youth] // *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. №2: 83–87.
- Dolgova A., E. Mitrofanova (2015). Otdelenie ot roditel'skoy sem'i v Rossii: mezhpokolencheskiy aspekt [[Leaving the parental home in Russia: Intergenerational aspects] // *Economicheskaya sociologiya* [Economic Sociology]. V.16. №5.
- Elder J.G.H. (1987). War mobilization and the life course: A cohort of World War II veterans // *Sociological Forum 2*: Kluwer Academic Publishers: 449–472.
- Ezhov O. (2005). Paradigma zhiznennogo puti v zarubezhnoy sociologii [The paradigm of the life course in the foreign sociology] // *Zhurnal sociologii i social'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. V.8. №3.
- Forbes (2011). October 25. URL: <http://www.forbes.ru/news/76858-medvedev-cherez-5-7-let-dolya-prizyvnikov-v-armii-rf-sokratitsya-do-10-20> (data accessed: 24.02.2015).
- Forrest A. (1989). *Conscripts and deserters: The army and French society during the Revolution and Empire*. New York: Oxford University Press. First edition: 304.
- Friedman M. (1967). Why not a volunteer army? // *New Individualist Review*. V.4. №4: 3–6.
- Gradoselskiy V. (2005). Komplektovanie vooruzhennih sil SSSR v 1970—1980-e gody [Completion of Soviet Union armed forces in 1970-1980] // *Voенно-istoricheskiy zhurnal* [War-historical Journal]. №9: 18-21.
- Gurko T. (2001). Transformatsiya brachno-semeinyh otnosheniy [The transformation of marital and family relationships] // *Russia: transformiruyusheesya obshchestvo* / V. Yadov, ed. Moscow: KANON-press-C: 272-283.
- Jennings J.A., A.R. Sullivan, J.D. Hacker (2012). Intergenerational transmission of reproductive behavior during the demographic transition // *Journal of Interdisciplinary History*. V.42. №4: 543–569.
- Kon I. (1999). *Sociologicheskaya psihologiya* [Sociological psychology] // Voronezh: MODEK: 254-270.
- Lesthaeghe R. (1995). *The second demographic transition in Western countries: An interpretation* // *Gender and family change in industrialized countries*. Oxford: Clarendon Press: 17–62.
- MacLean A., G.H. Elder (2007). Military service in the life course // *Annual Review of Sociology*. V.33. №1: 175–196.

- Magun V. (2009). Normativnye vzglyady na semyu u rossiyan i francusov [Normative views on the family among Russian and French people] // *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshiny v sem'ei obshestve* [Parents and children, men and women in family and society]. M.: NISP.139-162.
- Maleva T. et al. (2014). Razrabotka metodologii i provedeniye pervoy pilotnoy volny regul'yarnogo obshe'nacional'nogo reprezentativnogo obsledovaniya naseleniya po izucheniyu demograficheskogo, social'nogo i ekonomicheskogo povedeniya, vkluchaya pensionnoe povedenie [Development of methodology and holding of the first pilot wave of regular national representative survey of population on the demographic, social and economic behavior, including retirement behavior]. M.: RANEPА.
- Mihel' D. (2001). Muzhchiny, mal'chiki v pole boya [Men, boys on the battlefield] // *Gendernye Issledovaniya* [Gender Studies]. V.6: 133–149.
- Mitrofanova E. (2010). Semya i brak, matrimonial'noe, reproduktivnoe i seksual'noe povedenie v krestyanskoy, sovetskoy i sovremennoy Rossii [Family and marriage, matrimonial, reproductive and sexual behavior in peasant, Soviet, and contemporary Russia] // *Demoscope Weekly*. №423 - 424. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0423/student01.php> (data accessed: 20.02.2015).
- Osnovnoy Zakon (Konstituziya) SSSR (1940) [The Basic Law (Constitution) of the USSR (1940)] // *Konstituzii i konstituzionnye akty SSSR (1922-1936). Sbornik dokumentov* [Constitutions and constitutional acts of the USSR (1922-1936). Collection of documents] / I.P. Traynina, ed. M.
- Popov D. (2009). Transformatsiya semeinykh cennostey i vtoroy demograficheskoy perehod v rossii: kto v avangarde? [Transformation of family values and second demographic transition: who is in vanguard?] // *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshiny v sem'ei i obshestve* [Parents and children, men and women in family and society] / S.Zaharov, T. Maleva, O. Sinyavskaya, eds. M.: NISP: 336.
- Potârca G., M. Mills, L. Lesnard (2013). Family formation trajectories in Romania, the Russian Federation and France: Towards the second demographic transition? // *European Journal of Population*. V.29. №1: 69–101.
- RBK (2015). April 25. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/553b923f9a79477833fc113b> (data accessed: 24.02.2015).
- Ritschard G., M. Oris (2005). Life course data in demography and social sciences: Statistical and data-mining approaches // *Advances in Life Course Research*. V.10: 283–314.
- RMEZ [RLMS] (2013). Rossiyskiy monitoring ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU-VSHE (22-ya volna), provodimyy NIU «Vysshaya shkola ekonomiki» i ZAO «Demoskop» pri uchastii Tsentra narodonaseleniya Universiteta Severnoy Karoliny v Chapel Khille i Instituta sotsiologii RAN [Russian monitoring of the economic situation and public health HSE (22th wave) conducted by NIU "Higher School of Economics" and CJSC "Demoscope" with the participation of the Center at the University of North Carolina at Chapel Hill, the population and the Institute of Sociology]. URL: <http://www.hse.ru/rlms> (date accessed: 20.02.2015).
- Rozhdestvenskaya E. (2012). Biograficheskiy metod v sociologii [Biographical method in sociology] // *Vysshaya Shkola Ekonomiki* [HSE Publishing House]: 381.
- Sampson R.J., J.H. Laub (1996). Socioeconomic achievement in the life course of disadvantaged men: Military service as a turning point, circa 1940-1965 // *American Sociological Review*. V.61. №3: 347–367.

- Shearer D. (1998). Private armies and military intervention. London: Adelphi Paper: 316.
- Smirnov A. (2009). Sluzhba v armii poteryannoe vremya [Military service as waste of time] // Sociologicheskie Issledovaniya [Sociological studies]. V.12: 100-108.
- Suhanova M. (2014). Otnoshenie yunoshey k sluzhbe v armii [Attitude of young men to military services] // Materialy IX mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii prepodavateley i studentov «Chelovek v XXI veke» [Proceedings of the IX International scientific-practical conference of teachers and students "Man in the XXI century man"]. Obninsk: 78-79.
- Van de Kaa D.J. (1987). Europe's second demographic transition // Population Bulletin. V.42: 3-57.
- Van Schellen M., R. Apel, P. Nieuwbeerta (2012). "Because you're mine, I walk the line"? Marriage, spousal criminality, and criminal offending over the life course // Journal of quantitative criminology. V.28. №4: 701-723.
- Zaharov S. (2007). Demograficheskie obsledovaniya naseleniya: proshloe, nastoyashee, budushee [Demographic Surveys: Past, Present, Future] // Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshiny v sem'ei obshestve [Parents and children, men and women in family and society] / T. Maleva, O. Sinyavskaia. M.: NISP: 640.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица П-1. Группировка событий в статусы (с указанием аббревиатур, обозначающих каждый статус)

Социальноэкономические события	Демографические события					
	нет детей			1 ребенок		
	одинок	1 партнер	1 брак	одинок	1 партнер	1 брак
Нет события или 1 событие	SC00					
	SC0L					
	SC0J					
	SC0E	P1C01	M1C01	SC11	P1C11	M1C11
Отделение > событие	SC0L+	P1C0L+	M1C0L+	SC1L+	P1C1L+	M1C1L+
Работа > событие	SC0J+	P1C0J+	M1C0J+	SC1J+	P1C1J+	M1C1J+
Образование > событие	SC0E+	P1C0E+	M1C0E+	SC1E+	P1C1E+	M1C1E+
2 события одновременно	SC02	P1C02	M1C02	SC12	P1C12	M1C12
2 события > отделение	SC0++L	P1C0++L	M1C0++L	SC1++L	P1C1++L	M1C1++L
2 события > работа	SC0++J	P1C0++J	M1C0++J	SC1++J	P1C1++J	M1C1++J
2 события > образование	SC0++E	P1C0++E	M1C0++E	SC1++E	P1C1++E	M1C1++E
3 события одновременно	SC03	P1C03	M1C03	SC13	P1C13	M1C13
Цензурирование						

Таблица П-2. Ранжирование статусов от самого длительного до самого короткого для всех мужчин, для служивших и для не служивших в армии

№ пп	Все		Служившие в армии		Не служившие в армии	
	статус	средняя длительность, мес.	статус	средняя длительность, мес.	статус	средняя длительность, мес.
1	SC00	38,54	SC00	38,07	SC00	39,10
2	SC0E+	14,37	M1C1++L	16,88	SC0E	13,47
3	SC0E	13,43	SC0E+	16,08	SC0E+	12,37
4	M1C1++L	13,32	SC0E	13,40	M1C1++L	9,16
5	M1C1++J	8,05	M1C1++J	10,46	SC0J+	7,57
6	SC0J+	6,87	SC0++J	8,98	SC0++L	5,76
7	SC0++J	6,75	M1C1++E	7,25	M1C1++J	5,23
8	SC0++L	6,39	SC0++L	6,92	P1C01	4,44
9	M1C1++E	5,70	SC0L	6,74	SC0L	4,37
10	SC0L	5,65	SC0J+	6,28	SC0++J	4,14
11	P1C0++L	4,31	M1C0++L	5,26	M1C1++E	3,89
12	P1C01	4,26	P1C0++L	4,71	P1C0++L	3,84
13	M1C0++L	4,09	P1C01	4,11	SC0J	3,83
14	SC0++E	3,58	SC0++E	4,01	SC0++E	3,08
15	SC0J	3,20	P1C0++J	3,58	M1C0++L	2,73
16	P1C0++J	3,00	P1C0E+	3,39	P1C0E+	2,40
17	P1C0E+	2,93	SC0L+	3,27	M1C0++J	2,38
18	M1C0++J	2,83	M1C0++J	3,21	P1C0++E	2,33
19	SC0L+	2,58	M1C1E+	3,07	P1C0++J	2,32
20	P1C1++L	2,44	P1C1++L	2,83	P1C1++L	1,98
21	P1C0++E	2,21	SC0J	2,67	P1C0J+	1,92
22	M1C1E+	2,18	M1C0++E	2,18	SC0L+	1,78
23	M1C0++E	1,91	P1C0++E	2,10	M1C0++E	1,60
24	P1C0J+	1,50	P1C1++J	1,92	SC1++L	1,27
25	SC1++L	1,30	SC1++J	1,63	SC02	1,18
26	SC1++J	1,29	M1C0E+	1,59	M1C1E+	1,15
27	P1C1++J	1,24	M1C1J+	1,44	P1C0L+	0,99
28	M1C1J+	1,16	SC1++L	1,33	M1C13	0,90
29	M1C0E+	1,16	P1C0J+	1,14	SC1++J	0,90
30	M1C13	0,90	SC03	0,98	P1C03	0,89

№ пп	Все		Служившие в армии		Не служившие в армии	
	статус	средняя длительность, мес.	статус	средняя длительность, мес.	статус	средняя длительность, мес.
31	SC02	0,86	M1C1L+	0,96	M1C1J+	0,84
32	SC03	0,76	SC1E+	0,90	P1C1++E	0,79
33	P1C1++E	0,75	M1C13	0,90	M1C0E+	0,66
34	P1C0L+	0,74	M1C01	0,80	SC1++E	0,61
35	SC1++E	0,71	SC1++E	0,80	M1C01	0,56
36	M1C01	0,69	P1C1++E	0,71	M1C03	0,50
37	M1C1L+	0,66	SC02	0,58	SC03	0,49
38	P1C03	0,62	SC1J+	0,57	M1C0L+	0,48
39	SC1E+	0,59	M1C11	0,56	P1C1++J	0,44
40	M1C0L+	0,49	M1C0J+	0,55	P1C1E+	0,37
41	M1C0J+	0,46	P1C0L+	0,53	M1C0J+	0,36
42	SC1J+	0,43	SC11	0,51	M1C1L+	0,32
43	M1C11	0,42	M1C0L+	0,50	SC11	0,29
44	SC11	0,41	P1C03	0,39	SC1J+	0,27
45	P1C1E+	0,35	P1C1E+	0,33	M1C11	0,25
46	M1C03	0,34	P1C11	0,25	SC1E+	0,22
47	P1C11	0,21	M1C03	0,20	P1C1J+	0,21
48	SC13	0,15	SC13	0,19	P1C11	0,16
49	P1C02	0,15	P1C1L+	0,16	P1C02	0,15
50	P1C1J+	0,14	P1C02	0,15	SC1L+	0,14
51	SC1L+	0,13	SC1L+	0,12	SC13	0,10
52	P1C1L+	0,09	P1C1J+	0,07	M1C12	0,04
53	M1C02	0,05	M1C02	0,07	P1C13	0,04
54	M1C12	0,03	M1C12	0,02	M1C02	0,02
55	P1C13	0,02	SC12	0,00	P1C1L+	0,01
56	SC12	0,00	P1C12	0,00	SC12	0,00
57	P1C12	0,00	P1C13	0,00	P1C12	0,00

Таблица П-3. Ранжирование подпоследовательностей по частоте встречаемости у респондентов, служивших в армии

№	Последовательность	Доля в числе служивших	Чел.
1	(SC00)	0,905	1005
2	(SC00)-(SC00>SC0E)	0,436	484
3	(SC00>SC0E)	0,436	484
4	(SC0E>SC0E+)	0,389	432
5	(SC00)-(SC0E>SC0E+)	0,356	395
6	(SC00)-(SC00>SC0E)-(SC0E>SC0E+)	0,350	389
7	(SC00>SC0E)-(SC0E>SC0E+)	0,350	389
8	(SC00>SC0L)	0,194	216
9	(SC00)-(SC00>SC0L)	0,194	215
10	(SC0L>SC0L+)	0,166	184
11	(SC00)-(SC00>SC0J)	0,163	181
12	(SC00>SC0J)	0,163	181
13	(M1C0++L>M1C1++L)	0,157	174
14	(SC00)-(SC00>SC0L)-(SC0L>SC0L+)	0,150	167
15	(SC00)-(SC0L>SC0L+)	0,150	167
16	(SC00>SC0L)-(SC0L>SC0L+)	0,150	167
17	(SC00)-(M1C0++L>M1C1++L)	0,143	159
18	(SC0J>SC0J+)	0,134	149
19	(SC00)-(SC00>SC0J)-(SC0J>SC0J+)	0,125	139
20	(SC00)-(SC0J>SC0J+)	0,125	139
21	(SC00>SC0J)-(SC0J>SC0J+)	0,125	139
22	(SC0E+>P1C0E+)	0,098	109
23	(SC00>P1C01)	0,096	107
24	(SC0E+>SC0++L)	0,095	105

№	Последовательность	Доля в числе служивших	Чел.
25	(SC00)-(SC00>P1C01)	0,092	102
26	(SC0E>SC0E+)-(SC0E+>SC0++L)	0,092	102
27	(SC0E>SC0E+)-(M1C0++L>M1C1++L)	0,087	97
28	(SC0E>SC0E+)-(SC0E+>P1C0E+)	0,086	96
29	(SC00)-(SC00>SC0E)-(M1C0++L>M1C1++L)	0,086	95
30	(SC00)-(SC0E+>P1C0E+)	0,086	95
31	(SC00>SC0E)-(M1C0++L>M1C1++L)	0,086	95
32	(SC00)-(SC0E+>SC0++L)	0,085	94
33	(SC00)-(SC00>SC0E)-(SC0E+>SC0++L)	0,084	93
34	(SC00)-(SC0E>SC0E+)-(M1C0++L>M1C1++L)	0,084	93
35	(SC00)-(SC0E>SC0E+)-(SC0E+>SC0++L)	0,084	93
36	(SC00>SC0E)-(SC0E+>SC0++L)	0,084	93
37	(M1C0++J>M1C1++J)	0,083	92
38	(SC00)-(SC00>SC0E)-(SC0E>SC0E+)-(SC0E+>SC0++L)	0,083	92
39	(SC00>SC0E)-(SC0E>SC0E+)-(SC0E+>SC0++L)	0,083	92
40	(P1C0++L>M1C0++L)	0,080	89
41	(SC00)-(SC00>SC0E)-(SC0E>SC0E+)-(M1C0++L>M1C1++L)	0,080	89
42	(SC00>SC0E)-(SC0E>SC0E+)-(M1C0++L>M1C1++L)	0,080	89
43	(SC00)-(SC00>SC0E)-(SC0E+>P1C0E+)	0,077	86
44	(SC00)-(SC0E>SC0E+)-(SC0E+>P1C0E+)	0,077	86
45	(SC00>SC0E)-(SC0E+>P1C0E+)	0,077	86
46	(SC0L+>SC0++J)	0,076	84
47	(SC00)-(M1C0++J>M1C1++J)	0,075	83
48	(SC00)-(SC00>SC0E)-(SC0E>SC0E+)-(SC0E+>P1C0E+)	0,075	83
49	(SC00>SC0E)-(SC0E>SC0E+)-(SC0E+>P1C0E+)	0,075	83
50	(SC0++L>P1C0++L)	0,074	82

Примечание: Подпоследовательности, содержащие демографические события, обозначены жирным шрифтом.

П-4. Ранжирование подпоследовательностей по частоте встречаемости у респондентов, не служивших в армии

№	Последовательность	Доля в числе не служивших	Чел.
1	(SC00)	0,924	879
2	(SC00>SC0E)	0,441	419
3	(SC00)-(SC00>SC0E)	0,440	418
4	(SC0E>SC0E+)	0,306	291
5	(SC00)-(SC0E>SC0E+)	0,284	270
6	(SC00>SC0E)-(SC0E>SC0E+)	0,279	265
7	(SC00)-(SC00>SC0E)-(SC0E>SC0E+)	0,278	264
8	(SC00)-(SC00>SC0J)	0,205	195
9	(SC00>SC0J)	0,205	195
10	(SC0J>SC0J+)	0,182	173
11	(SC00)-(SC0J>SC0J+)	0,171	163
12	(SC00)-(SC00>SC0J)-(SC0J>SC0J+)	0,170	162
13	(SC00>SC0J)-(SC0J>SC0J+)	0,170	162
14	(SC00)-(SC00>SC0L)	0,135	128
15	(SC00>SC0L)	0,135	128
16	(SC00>P1C01)	0,129	123
17	(SC00)-(SC00>P1C01)	0,127	121
18	(SC0L>SC0L+)	0,111	106
19	(SC00)-(SC0L>SC0L+)	0,102	97
20	(SC00)-(SC00>SC0L)-(SC0L>SC0L+)	0,101	96
21	(SC00>SC0L)-(SC0L>SC0L+)	0,101	96
22	(M1C0++L>M1C1++L)	0,094	89
23	(SC00)-(M1C0++L>M1C1++L)	0,084	80
24	(SC0E+>SC0++L)	0,069	66

№	Последовательность	Доля в числе не служивших	Чел.
25	(P1C0++L>M1C0++L)	0,068	65
26	(SC0E>SC0E+)-(SC0E+>SC0++L)	0,067	64
27	(SC0E+>P1C0E+)	0,066	63
28	(SC00)-(P1C0++L>M1C0++L)	0,064	61
29	(SC0E>SC0E+)-(SC0E+>P1C0E+)	0,063	60
30	(SC00)-(SC0E+>SC0++L)	0,062	59
31	(SC00)-(SC00>SC0E)-(SC0E+>SC0++L)	0,061	58
32	(SC00)-(SC0E+>P1C0E+)	0,061	58
33	(SC00)-(SC0E>SC0E+)-(SC0E+>SC0++L)	0,061	58
34	(SC00>SC0E)-(SC0E+>SC0++L)	0,061	58
35	(SC00)-(SC00>SC0E)-(SC0E>SC0E+)-(SC0E+>SC0++L)	0,060	57
36	(SC00>SC0E)-(SC0E>SC0E+)-(SC0E+>SC0++L)	0,060	57
37	(SC0++L>P1C0++L)	0,059	56
38	(SC00>SC0E)-(SC0E+>P1C0E+)	0,059	56
39	(SC00)-(SC00>SC0E)-(SC0E+>P1C0E+)	0,058	55
40	(SC00)-(SC0E>SC0E+)-(SC0E+>P1C0E+)	0,058	55
41	(SC00>SC0E)-(SC0E>SC0E+)-(SC0E+>P1C0E+)	0,056	53
42	(SC00)-(SC00>SC0E)-(SC0E>SC0E+)-(SC0E+>P1C0E+)	0,055	52
43	(SC00)-(SC0++L>P1C0++L)	0,053	50
44	(SC0L+>SC0++J)	0,050	48
45	(SC0L>SC0L+)-(SC0L+>SC0++J)	0,049	47
46	(P1C01>SC00)	0,048	46
47	(SC00)-(SC0L+>SC0++J)	0,047	45
48	(P1C0++L>M1C0++L)-(M1C0++L>M1C1++L)	0,046	44
49	(P1C01>P1C0L+)	0,046	44
50	(SC00)-(SC00>SC0L)-(SC0L+>SC0++J)	0,046	44

Примечание: Подпоследовательности, содержащие демографические события, обозначены жирным шрифтом.

РОССИЙСКАЯ СМЕРТНОСТЬ В СВЕТЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ

АЛЕКСАНДР НЕМЦОВ

В новейшей истории России было три существенных случая снижения потребления алкоголя, сопровождавшихся снижением смертности. Первое (в связи с антиалкогольной кампанией 1985 г.) продолжалось 3 года, второе - 4 года (1995-1998 гг.). В 2004 г. началось третье снижение потребления, которое часто связывается с антиалкогольными законами 2005 г. Предпосылки этого снижения были заложены в 2000 г. Ее обозначили создание Росспиртпрома (РСП) и антипивная кампания, а с 2009 г. дело РСП продолжило Росалкогольрегулирование (РАР). Главным в деятельности РСП и РАР было банкротство нескольких сотен предприятий алкогольной промышленности. Это и многое другое в деятельности РСП и РАР принесло нестабильность, а иногда и дезорганизацию алкогольного рынка, что сопровождалось ограничением доступности спиртных напитков и могло стать существенной причиной снижения их потребления и смертности в 2004 г. По сути, в 2000 г. началась вторая антиалкогольная кампания. Объектом первой был потребитель, второй – алкогольный рынок. Целью первой кампании было снижение потребления алкоголя и оздоровление экономики. Целью второй было наполнение бюджета с помощью подавления нелегального рынка и перевода потребителей в лоно легального. Методы первой кампании – снижение производства и ограничение торговли, методы второй менялись по ходу кампании. Главным оставалось вытеснение с рынка мелких и средних предпринимателей. Предполагалось, что они являются основными поставщиками нелегальной продукции. К методам второй кампании следует отнести введение Единой государственной автоматизированной системы (ЕГАИС), рост акцизов и минимальной цены на спиртное, а также жесткую, иногда криминальную конкуренцию. Инструментом первой кампании стало административное давление. Главными инструментами второй стали последовательно РСП и РАР.

В результате не произошло ни оздоровления экономики в первую кампанию, ни наполнения бюджета за счет алкоголя во вторую. Снижение потребления и смертности в первую кампанию было непродолжительным, вторая в этом отношении была более эффективной в связи с нарастающим дефицитом бюджета из-за экономического кризиса. И та, и другая кампания вызвали рост потребления нелегального алкоголя.

Ключевые слова: потребление алкоголя, смертность в России, антиалкогольная кампания, нелегальный алкоголь.

ВВЕДЕНИЕ

В России потребление алкоголя играет значительную роль в жизни отдельных людей и всего общества. Эта роль многогранна, многогранны также интересы, связанные с производством и потреблением алкоголя, частные интересы здесь нередко переплетаются с государственными. Вокруг спиртного создается сложный конгломерат взаимосвязей, часто трудных для анализа, для выявления причинно-следственных отношений, в том числе и в проблеме влияния алкоголя на смертность.

АЛЕКСАНДР ВИКЕНТЬЕВИЧ НЕМЦОВ. МОСКОВСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПСИХИАТРИИ (РОССИЯ). E-MAIL: nemtsov33@gmail.com

Статья поступила в редакцию в сентябре 2015 г.

Сложность взаимосвязей порождает мифы вокруг алкоголя или прямолинейные толкования эффектов потребления спиртных напитков. Один из таких мифов - высокая токсичность самогона и другого неучтенного алкоголя. Сейчас неоднократно показано, что токсичность самогона мало отличается от токсичности легально произведенных спиртных напитков [Нужный, Рожанец, Савчук 2011]. Кроме того, в последние два десятилетия произошло изменение в составе нелегального (неучтенного) потребления. В отличие от самогона, который доминировал до середины 1990-х годов и роль которого в последнее время снова усиливается, основу неучтенного потребления составляют дешевые, скрытые от обложения акцизами крепкие напитки удовлетворительного качества, которые производят легальные предприятия [Немцов 2009].

Существенно то, что бедные в России больше остальных потребляют дешевый алкоголь из нелегальных источников (рисунок 1). Соответственно, пока в России существует значительная прослойка бедных, будут существовать и спрос на нелегальный алкоголь, и высокий уровень его потребления. Главная же алкогольная проблема нашей страны как в недалеком прошлом, так и в настоящем, не столько в качестве спиртных напитков, сколько в их непомерном количестве. Это количество определяет четкость зависимости ожидаемой продолжительности жизни от размеров потребления алкоголя (рисунок 2). Если не впадать в статистический ригоризм, то можно утверждать, что рост потребления на 1 литр на человека в год (л/чел/год) в диапазоне 10-18 л «отнимает» у мужчин 1 год, у женщин 4,6 месяца жизни. Линейность соотношений ожидаемой продолжительности жизни или смертности с уровнем потребления алкоголя позволяет рассчитать связанные с алкоголем потери населения страны. Для периода 1980-2001 гг., в среднем, это 426 тыс. человек в год: 272,1 тыс. мужчин и 153,9 тыс. женщин [Немцов, Терехин 2007].

Следует подчеркнуть, что потребление алкоголя выполняет многие социальные функции [Немцов 2009], но главная – персональная. Это временный и, конечно, мнимый уход от повседневного неблагополучия как материального, так и психологического. Благоприятное действие алкоголя эфемерно противостоит житейским трудностям самого разного содержания и масштаба. Трудно представить, что было бы с нашей страной в условиях ее «сухого» существования.

В этом контексте пьянство может быть индикатором общего неблагополучия. Отсюда - наивысшее потребление у людей с наименьшими доходами, как на Западе, так и в нашей стране (рисунок 1).

После этих вводных замечаний можно соотнести потребление алкоголя со смертностью на протяжении последних 60 лет.

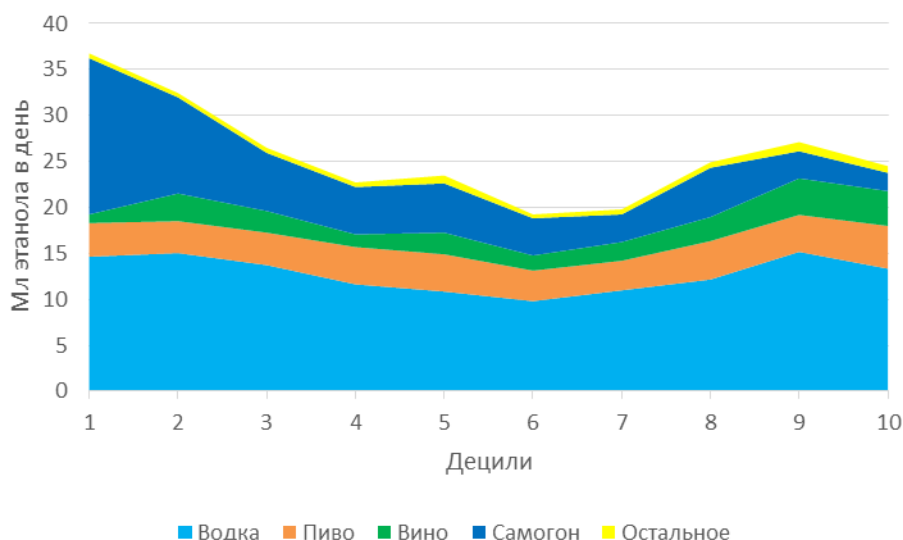

Рисунок 1. Структура потребляемых напитков в зависимости от доходов (RLMS, 11 раунд). Абсцисса – ранжирование потребителей по доходам: 1 – наименьшие, 10 – наибольшие доходы

Источник: [Andrienko, Nemtsov 2006].

ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ И СМЕРТНОСТЬ В РОССИИ В 1956-2003 ГГ.

По сравнению с нынешним уровень потребления алкоголя в РСФСР ко времени окончания Великой Отечественной войны был сравнительно небольшим, но выше довоенного: «наркомовские сто грамм» на фронте и премиальные в тылу [Такала 2002] «раскачали» потребление вместе с активизацией самогонварения. Кроме того, алкоголь оставался существенной статьёй доходов бюджета, его официальное производство с 1960 по 1984 г. удвоилось. И соответственно начался стремительный рост потребления и смертности/снижения ожидаемой продолжительности жизни (рисунок 3). Неоднократные попытки советского руководства переломить ситуацию (1948, 1958, 1960, 1961, 1967, 1972 и 1974 г.) не дали существенного результата главным образом потому, что алкогольная политика была крайне непоследовательной.

Достойно удивления, что в большой и сильно пьющей стране никто не знает точно истинные масштабы потребления алкоголя, а государственные органы даже не пытаются их выяснить, чтобы строить алкогольную политику на научной основе. Более того, можно сказать, что в России нет алкогольной политики как последовательной цепи действенных мероприятий, ведущих к четко определенной цели. Был единственный короткий эпизод, когда в 1980 г. Госкомстат СССР получил от Правительства задание разработать методику и оценить размеры потребления самогона в стране и республиках.

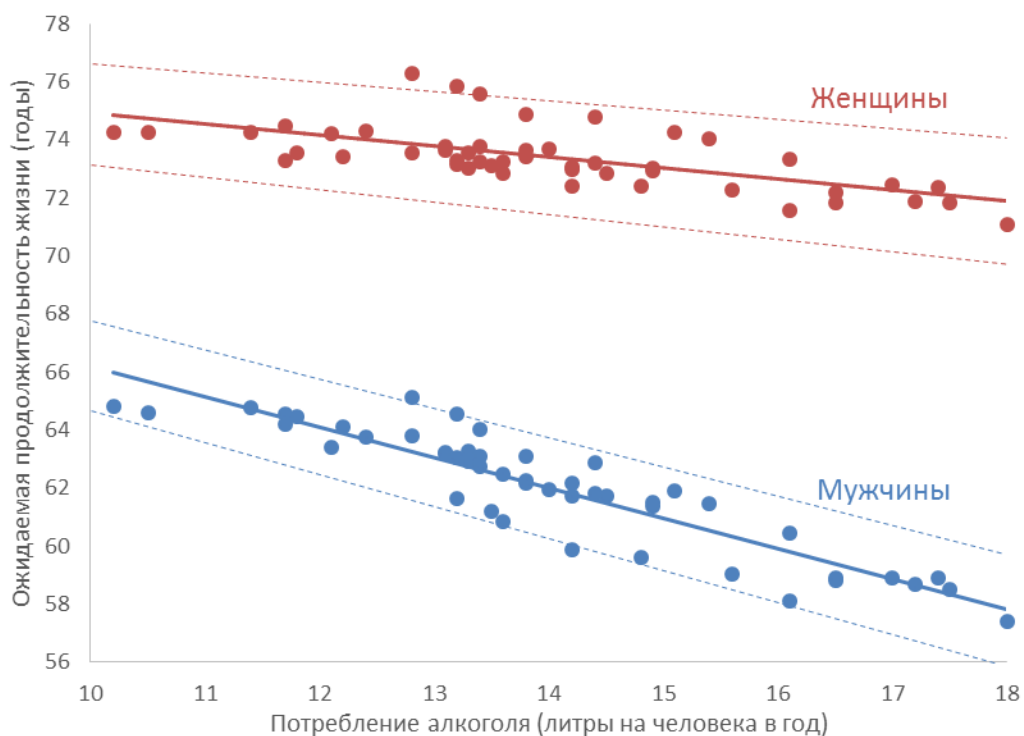

Рисунок 2. Зависимость между ожидаемой продолжительностью жизни и потреблением алкоголя

Примечание: Сплошная прямая – линия регрессии, пунктир – границы 95%-ного доверительного интервала прогноза.

Источник: [Немцов, Шельгин 2014].

Такая методика была разработана, и на ее основе Госкомстат в 1980-1987 гг. оценивал размеры нелегальной продукции, исходя из учета сверхнормативных закупок сахара. Это была первая в советской России динамическая оценка реального потребления алкоголя (самогон + алкоголь госпродажи), хотя и засекреченная. В США (Университет Дюка) с 1960 г. расчетами потребления в СССР и РСФСР занимался экономист Владимир Тремл [Tremł 1982], книга которого хранилась в спецхране. В 1981 г. к этим исследованиям присоединился автор настоящей статьи [Nemtsov 1998; 2002], ничего не ведая о предшественниках.

«Перестройка» раскрыла некоторые засекреченные материалы, в частности данные о потреблении алкоголя. В 1988-1989 гг. выяснилось, что три оценки, сделанные независимо и на совершенно разных основаниях, очень близки: накануне антиалкогольной кампании (1984 г.) общее потребление в РСФСР составляло 14,5 л/чел/год. Более поздняя оценка для 1984 г. - 14,2 л/чел/год [Немцов, Шельгин 2014]¹.

¹Новая оценка потребления алкоголя была рассчитана на основе анализа смертей от отравления алкоголем с 1956 по 2013 г. К расчетным показателям был добавлен алкоголь пива, которое не приводит к смертельным отравлениям и поэтому не отражается в расчетах. Рост его продажи с 1998 по 2007 г. был в переводе на чистый алкоголь почти пятикратным.

В 1985 г. началась очень жесткая антиалкогольная политическая кампания, которая положила начало значительным колебаниям потребления алкоголя и противофазным колебаниям ожидаемой продолжительности жизни (рисунок 3). Тем самым начался новый этап алкогольной и демографической истории страны.

Мировая история знает существенные падения и подъемы потребления алкоголя, например в США [Room 1991] и Великобритании [Spring, Buss 1977]. Но эти и многие другие колебания потребления продолжались десятилетиями (long waves of alcohol consumption [Holder, Edwards 1995]). В отличие от этого в России после 1984 г. сложился новый характер потребления, который можно обозначить как циклический (рисунок 3), состоящий из двух с половиной колебаний (снижение + рост): 1) 1985-1994 гг.; 2) 1995-2003 гг.; 3) 2004-2013 гг.

Причина первого резкого снижения потребления – антиалкогольная кампания 1985 г. Предпосылки и мотивы кампании в целом ясны [Немцов 2009]. Если же говорить о ее результатах, то важно подчеркнуть, что эта кампания не привела к существенному снижению потребления ни по размерам (до 10,2 л/чел/год в 1987 г.), ни по продолжительности (1985-1987, рисунок 4). Население ответило на нее невиданным до того единодушным сопротивлением – мощным производством самогона, несмотря на жестокие судебные и административные преследования. Уже в 1987 г. начался возвратный рост смертности (рисунок 3), а в 1988 г. – рост потребления алкоголя за счет самогонварения и расширения государственной продажи в связи с существенным дефицитом бюджета. В 1992 г. был достигнут исходный (1984 г.) уровень потребления, а с началом рыночных реформ и в связи с невнятной алкогольной политикой нового руководства страны рост потребления алкоголя и смертности приобрел галопирующий темп (рисунок 3). В 1994 г. Россия поставила свой исторический, а в XX веке – мировой рекорд по потреблению алкоголя – 18 л/чел/год [Немцов, Шелыгин 2014]. Оно было выше только в конце XIX века в Германии, точнее в Пруссии (22 л/чел/год), и во Франции в первой половине и середине XX века (19,8 л/чел/год) [Simpura 1995]. Вместе с рекордом по потреблению алкоголя в 1994 г. был поставлен также рекорд по смертности в послевоенную пору.

В 1995 г. началось второе стремительное снижение потребления алкоголя и смертности вплоть до 1998 г., когда к началу дефолта потребление снизилось до 13,5 л/чел/год, т.е. на 4,5 л/чел/год за 3 года – точно так же, как во время антиалкогольной кампании. Скорее всего, решающую роль сыграли два обстоятельства. Первое – вымирание большой когорты основных потребителей алкоголя в 1991-1994(1995) гг. в результате свободного доступа к алкогольным напиткам: известно, что тяжелые пьяницы и алкоголики поглощают около половины алкоголя из общего потребления [Holder, Edwards 1995]. Возможно, в смертности 1995-1998 гг. сошлись две когорты тяжелых потребителей алкоголя: та, которая благодаря кампании пережила ее, не умерев, но реализовала риск алкогольной смертности, начиная с 1991(1992) г. в результате свободного доступа к алкоголю; вторая когорта – новые тяжелые потребители, которые сформировались во время антиалкогольной кампании в связи с относительно высоким уровнем потребления (10,2-13,4 л/чел/год).

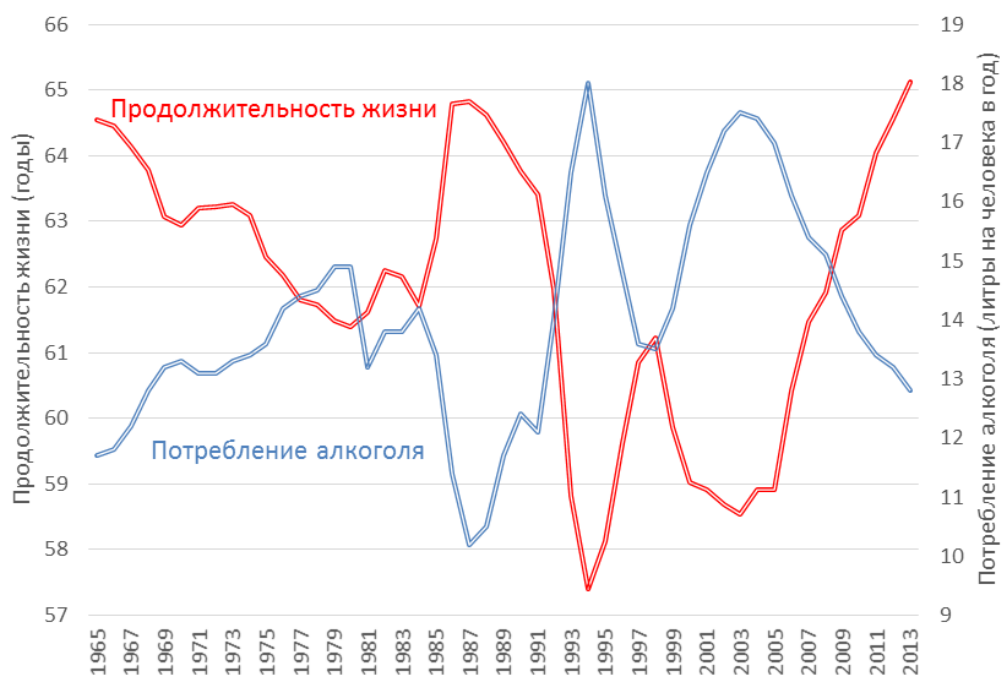

Рисунок 3. Соотношение потребления алкоголя и ожидаемой продолжительности жизни в России в 1965-2013 гг.

Источники: Данные Росстата, [Немцов, Шелыгин 2014].

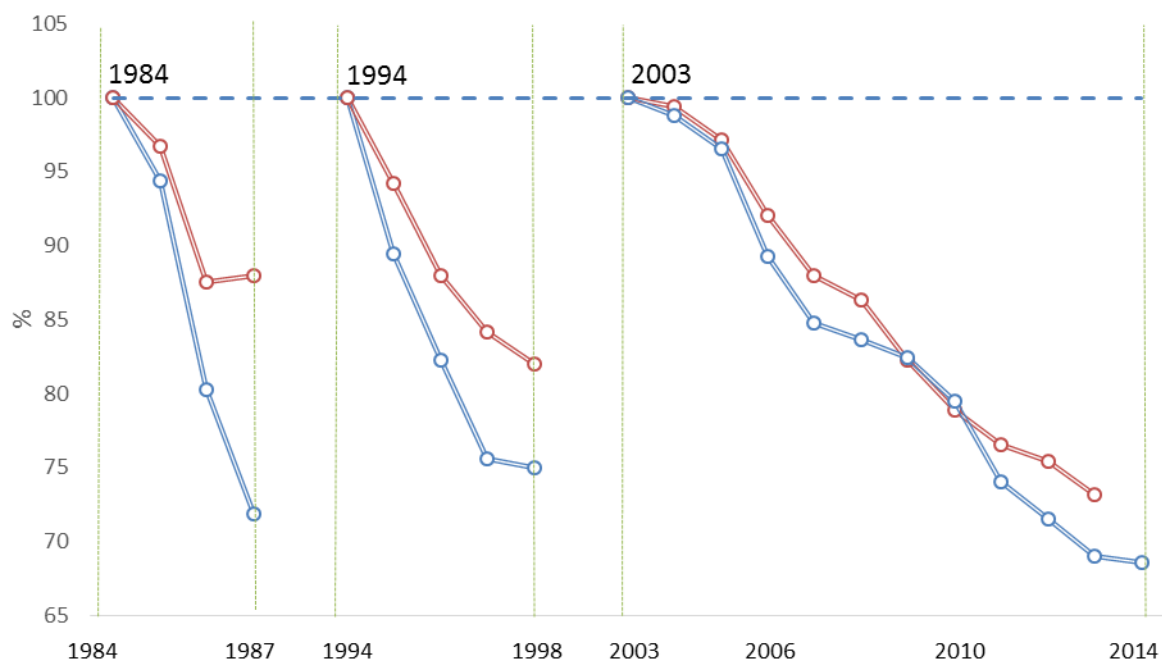

Рисунок 4. Изменения стандартизованного коэффициент смертности мужчин (красные линии) и потребления алкоголя (синие линии) в 1984-1987, 1994-1998 и в 2003-2013 гг. Показатели 1984, 1994 и 2003 гг. приняты за 100%

Источники: Данные Росстата, [Немцов, Шелыгин 2014].

Другое обстоятельство, обусловившее снижения потребления алкоголя и смертности, – резкое обнищание населения в результате рыночных реформ, вызвавших

инфляцию и десятикратный рост цен. К этому прибавились невыплаты зарплат, ставшие массовым явлением. Доходы населения практически сравнялись с расходами, в связи с чем резко снизилась покупательная способность [Немцов 2009]. Можно думать, что это сказалось и на потреблении алкоголя. В связи с финансовыми трудностями и недобором бюджета были также предприняты значительные усилия государства в борьбе с нелегальным алкоголем, особенно ярко проявившиеся на границе с Северной Осетией. Все это и некоторые другие обстоятельства [Немцов 2009] могут объяснить снижение потребления в 1995-1998 гг. Последний год в этом ряду ознаменовался дефолтом, который за счет падения курса рубля и равновесия платежного баланса, оздоровления экономики, роста производства и ВВП вызвал повышение доходов населения и соответственно его покупательной способности. Всего за год после кризиса был восстановлен докризисный уровень жизни и потребления алкоголя. Быстрый рост потребления продолжался до 2003 г. [Немцов, Шельгин 2014] (рисунок 3). К сожалению, возможности, открытые дефолтом и девальвацией, исчерпались к 2003 г., когда власти начали «разбираться» с бизнесом, а цены на нефть выросли и начали пополнять бюджет. Однако бюджетные проблемы были очень далеки от разрешения.

ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ И СМЕРТНОСТЬ ПОСЛЕ 2003 г.

В 2004 г. началось третье по счету снижение алкогольного потребления и смертности (рисунок 4). Однако история этого снижения началась в 2000 г. вместе с приходом нового президента и началом новой алкогольной политики.

Следует сказать, что в результате ошибочной алкогольной политики в 90-е годы алкогольным рынком стали заправлять криминальные структуры, легальная доля этого рынка уменьшилась с 80% в 1992 г. до 15% в 1997 г., доля алкогольных акцизов в ВВП, и без того невысокая, снизилась с 0,72 до 0,30% [Космарская 1998]. Естественно, требовалось переломить эту ситуацию.

Начало новой алкогольной политики обозначило создание Росспиртпрома (РСП) в марте 2000 г., а в декабре того же года – начало антипивной кампании по инициативе Главного санитарного врача России Г. Онищенко. Главным в деятельности РСП было банкротство нескольких сотен предприятий спиртовой и водочной промышленности, а также продажа этих предприятий по заниженной цене владельцам мощных олигополий. Предполагалось, что мелкие предприятия являются источником производства и распространения нелегального алкоголя, а их ликвидация или концентрация в руках немногих монополистов парализует поступление нелегальной продукции на рынок, и вместе с этим произойдет рост продаж легальной продукции и пополнение бюджета. РСП просуществовал до 2009 г., принес государству огромные убытки, алкогольному рынку – крайнюю нестабильность в связи с перераспределением активов и неоправданной жесткостью мер РСП в отношении легальной отрасли.

Банкротство множества предприятий, их ликвидация или переход к другим владельцам нарушают производство и потоки продукции, тем самым дезорганизуют алкогольный рынок и приводят к снижению доступности спиртного и его потребления со

всеми вытекающими из этого последствиями. В результате деятельность РСП парадоксальным образом могла стать причиной начала снижения потребления алкоголя в 2004 г., а следом за этим – и снижения смертности, в первую очередь, непосредственно связанной с алкоголем (рисунок 5). Эти последствия особенно отчетливо проявились в 2006-2007 гг. (см. ниже).

Такая административная активность предшествовала (!) законодательным инициативам руководства страны в виде двух законов 2005 г. Первым, помимо прочего, запрещалось с 1 января 2006 г. использовать прежние акцизные марки, которые требовалось заменить новыми. Однако новые марки были отпечатаны только в конце января - начале февраля 2006 г. и только на полулитровые бутылки водки. Марки на остальные напитки и емкости допечатывались в течение 2006 г. Это стало первым фактором дополнительной дезорганизации алкогольного рынка и, как следствие, снижения потребления алкоголя (рисунок 4) и смертности (рисунок 5).

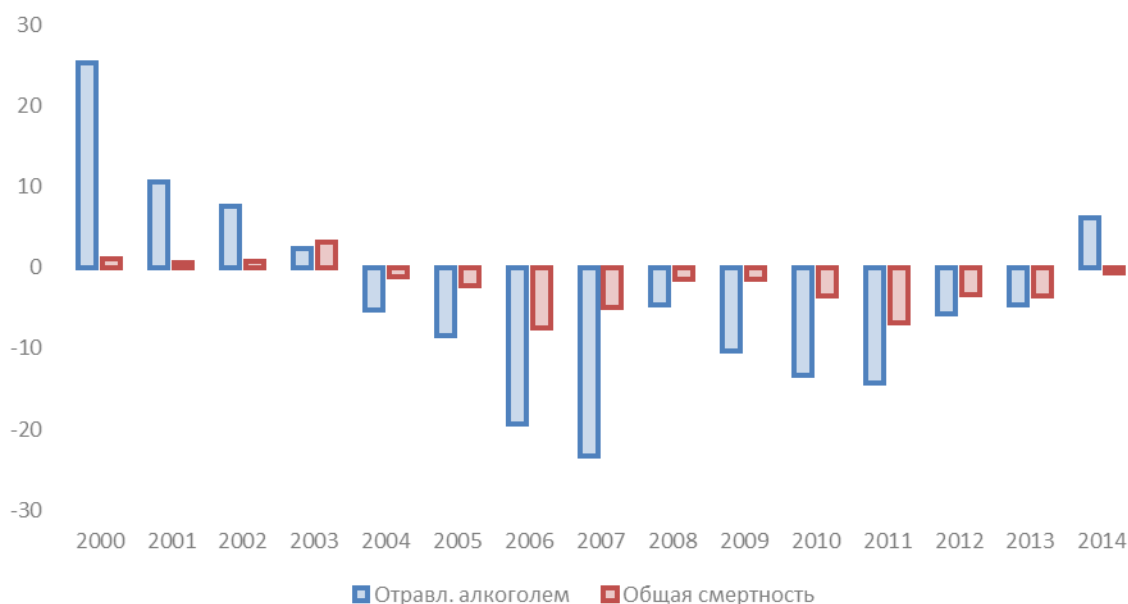

Рисунок 5. Прирост к предыдущему году общей смертности мужчин (красные столбики) и смертности мужчин от отравления алкоголем (синие столбики) в 2000-2014 гг., число смертей на 100000 населения

Источник: Расчет автора на основе данных Росстата.

Второй закон с 1 июля 2006 г. резко повышал уставной капитал производителей и продавцов алкогольной продукции. Эта мера была предпринята для того, чтобы удалить с рынка мелких и средних участников. Благовидным предлогом для этого были трудности их контроля в борьбе с нелегальным алкоголем. Истинная причина, скорее, в дальнейшей расчистке рынка для крупных и крупнейших производителей, которая началась еще в 2000 г. и привела к дезорганизации рынка в результате непоследовательных, а порой и криминальных действий РСП (рейдерские акции, например, в отношении московского завода «Кристалл» [Боярина 2010]). В 2006 г. к этому прибавился хаос в связи с тем, что с 1 января 2006 г. стартовала Единая государственная автоматизированная информационная система (ЕГАИС), которая предназначалась для государственного контроля над объемом

производства и оборота этилового спирта, а также алкогольной и спиртосодержащей продукции. Однако в условиях полной неготовности как бизнеса, так и государства ЕГАИС не начала работать. К 2008 г. ситуация на алкогольном рынке нормализовалась, снижение потребления и смертности резко замедлилось (рисунок 5), оно вернулось к прежним темпам, наметившимся в 2004-2005 гг. [Немцов, Шельгин 2015]. Но, самое главное, законы 2005 г. не выполнили своего назначения: продажи легального крепкого алкоголя продолжали снижаться (рисунок 6), снижались и бюджетные поступления.

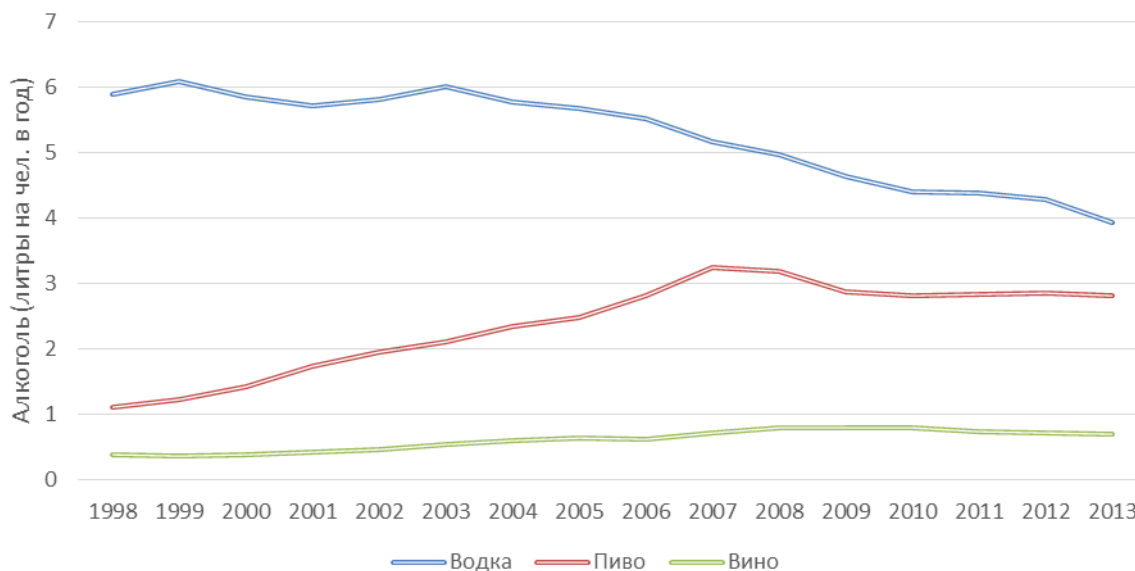

Рисунок 6. Зарегистрированная продажа водки, пива и вина в пересчете на чистый алкоголь

Источник: Расчет автора на основе данных и показателей Росстата.

Вторым законом была введена важная для нашей темы мера: с 1 июля 2006 г. вводились новые денатурирующие добавки, более токсичные и менее чувствительные органолептически. Результатом этого стала «эпидемия» острых гепатитов с последующей смертностью от заболеваний печени, из-за чего на 6-7 лет задержалось снижение этого показателя (рисунок 7 [Немцов, Шельгин 2015]) при снижении потребления, начавшемся в 2004 г.

После 2008 г. снижение потребления алкоголя и, как следствие, смертности, – результат все нарастающего давления на алкогольный рынок (таблица в Приложении). Одним из таких механизмов была ЕГАИС. Начиная с 2006 г. было несколько попыток внедрения ЕГАИС, и каждая начиналась с нового проекта, нового исполнителя, новых бюджетных ассигнований. Так, стоимость очередной разработки ЕГАИС (2011 г.), по разным подсчетам, составила около 600 млн руб. [АЛКОГОЛЬ.РУ]. Важно, что каждая попытка внедрения сопровождалась дестабилизацией рынка. Последняя и окончательная дата полного внедрения ЕГАИС - 1 января 2016 г. Иначе говоря, история внедрения ЕГАИС продолжается уже 10 лет. Пока безрезультатно. Между тем некоторые западные исследователи неоднократно писали, что снижение потребления алкоголя, рост ожидаемой продолжительности жизни и снижение смертности отчасти обусловлены пресловутой ЕГАИС - единственной в мире технической системой регулирования рынка.

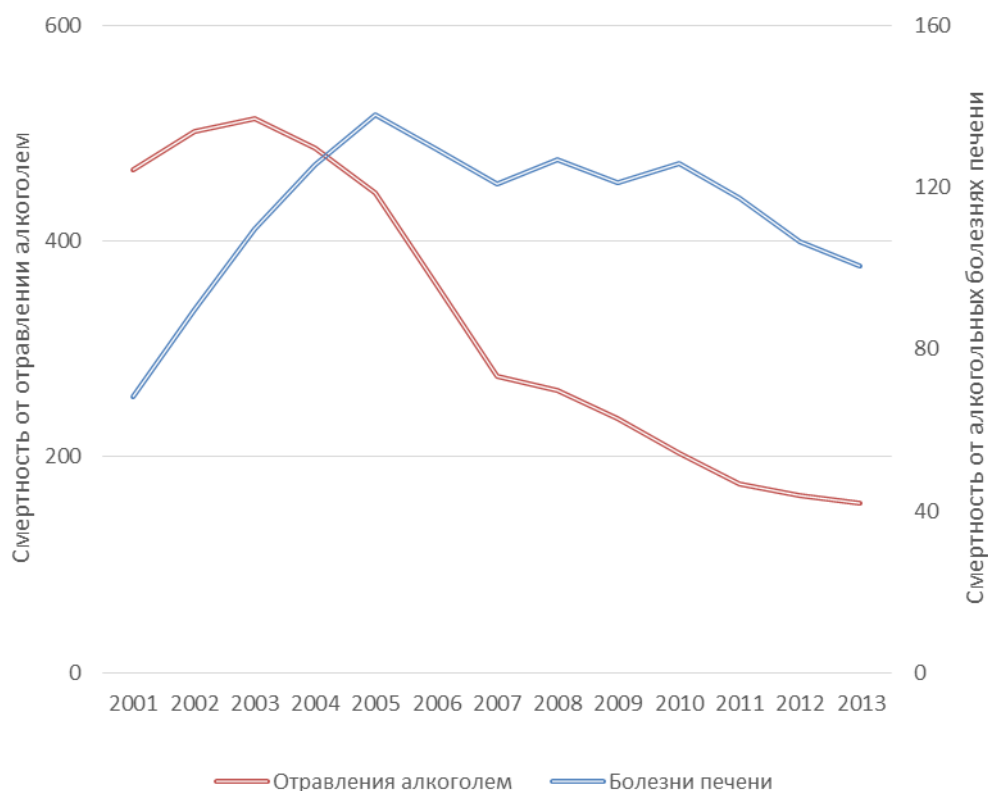

Рисунок 7. Смертность от отравления алкоголем и от болезней печени в 2001-2013 гг., на 1000000

Источник: [Немцов, Шельгин 2015].

В отличие от ЕГАИС более действенным был значительный рост акцизов и повышение минимальной цены на полулитровую бутылку водки (рисунок 8). Но эта мера привела к дальнейшему снижению госпродажи и резкому снижению поступлений в бюджет. Все эти меры затрудняли доступность легальных спиртных напитков и переводили потребителей на нелегальный алкоголь. Например, коэффициент собираемости акциза на крепкий алкоголь в 2007-2011 гг. составлял 46,3-55,9%, тогда как на пиво - 88,2-94,9% [Соколов 2013]. 25 июня 2015 г. председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко заявила на заседании палаты, что «около 290 миллиардов рублей ежегодно недополучает бюджет из-за производства нелегальной продукции» и назвала «бюджетные потери катастрофическими». 26 ноября В.И. Матвиенко вернулась к этой теме и добавила, что «доля легально произведенной алкогольной продукции в текущем году снизилась до рекордных 35% при сохранении общего объема потребления».

Нелегальный рынок алкоголя за последние 6 лет увеличился с 40 до 64%, из них 30% реализуется в легальной лицензионной розничной сети, а оставшиеся 34% - в нелегальных торговых точках. Основные нелегальные производства сосредоточены в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Дагестане и Подмосковье [АЛКОГОЛЬ.РУ]. Большая часть нелегальных производств и торговых точек – это обанкротившиеся предприятия, лишённые лицензий, но именно поэтому неподконтрольные Росалкогольрегулированию (РАР).

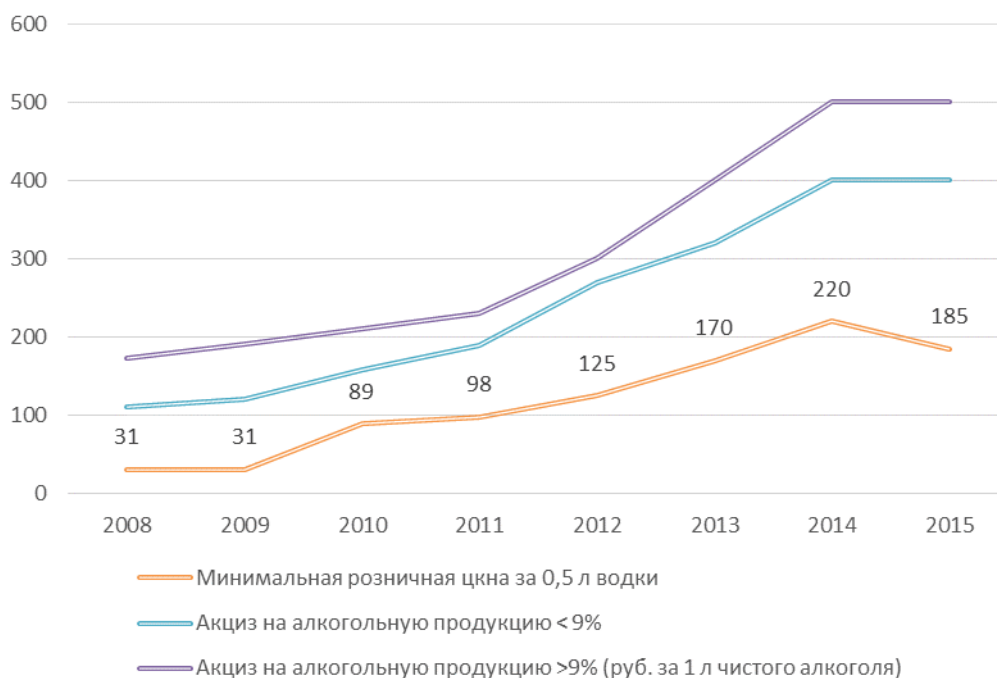

Рисунок 8. Акцизы на 1 л спирта и минимальная цена за 0,5 л водки, руб.

Источник: Данные Росстата.

Разные источники свидетельствуют о нарастании нелегального производства и оценивают его в 60-64%. А это значит, что происходит перемещение все нарастающей части потребителей с официального рынка на нелегальный. Но такая передислокация покупателей-потребителей требует некоторого времени в связи с организацией нового производства и новых потоков продукции. В результате восстановление привычных норм потребления алкоголя происходит с лагом, что, вероятно, способствовало снижению потребления, которое продолжалось 10 лет вплоть до 2013 г. В 2012-2013 гг. уменьшение потребления алкоголя и связанных с ним показателей смертности затормозилось (рисунок 5). А в 2014 г. обнаружился рост смертности мужчин от отравления алкоголем на 6,2% по сравнению с 2013 г. (рисунок 5). Этот вид смертности, как показала антиалкогольная кампания 1985 г., наиболее динамично откликается на изменение потребления алкоголя [Shkolnikov, Nemtsov 1997; Nemtsov 1998; 2002; Shkolnikovetal. 2004]. Можно предположить, пока только предположить, что в 2014 г. произошло завершение снижения потребления алкоголя и начался возвратный рост. С 2003 по 2013 г. снижение потребления алкоголя составило 4,7 л/чел/год [Немцов, Шельгин 2014]. Это близко к темпам снижения во время антиалкогольной кампании - 4,0 л/чел/год с 1984 по 1987 г., правда, за более короткий срок (3 года против 10 лет). Иначе говоря, снижение в последние годы происходило непрерывно, но в 3 раза медленнее: 0,47 л/чел/год против 1,60 в 1985-1987 гг. Так, очень приблизительно, можно оценить различие эффективности антиалкогольных мер во время двух периодов снижения потребления алкоголя. Снижение стандартизованного коэффициента смертности в 2003-2013 гг. составило 31,0% у мужчин и 29,4% у женщин против 12,1 и 7,0% в 1984-1987 гг.

Важная и обнадеживающая тенденция последних 10-15 лет: изменение состава алкогольных напитков в официальной продаже (рисунок 6). Связано это с тем, что в

середине 1990-х в России начали функционировать крупные международные пивные компании, появилось мощное производство сравнительно неплохого пива. С 1998 г. начался рост его потребления – население спонтанно стало выбирать из двух зол (водка или пиво) меньшее: пиво как более слабый напиток приносит меньше вреда здоровью. К 2007 г. потребление пива увеличилось почти в 5 раз (81,3 л/чел/год), хотя это еще далеко до европейских лидеров (Чешская Республика – 156,9, Германия – 115,8 л/чел/год [WHO 2014]).

Рост потребления пива происходил во всем мире. К тому времени, когда в 1982 г. ВОЗ призвала правительства переориентировать население своих стран на слабые алкогольные напитки, вино и пиво, в развитых странах уже происходил процесс смены структуры потребления. Смещение потребления алкоголя на пиво происходило также в «винных» странах. В послевоенную пору это было вызвано изменением стереотипа жизни, нарастанием мобильности, ростом ценности здоровья. Все это мешали крепкие напитки. Увеличение потребления слабых напитков с акцентом на пиво в России происходит потому, что у нас никогда не было винных традиций. Сейчас предпринимаются вполне здравые попытки развивать и стимулировать виноделие, но из-за нашего климата производство вина всегда будет ограничено, а поэтому оно останется дорогим и малодоступным. Если не считать попыток внедрить в потребление энергетики, против которых начинается активная борьба, из слабых алкогольных напитков остается пиво.

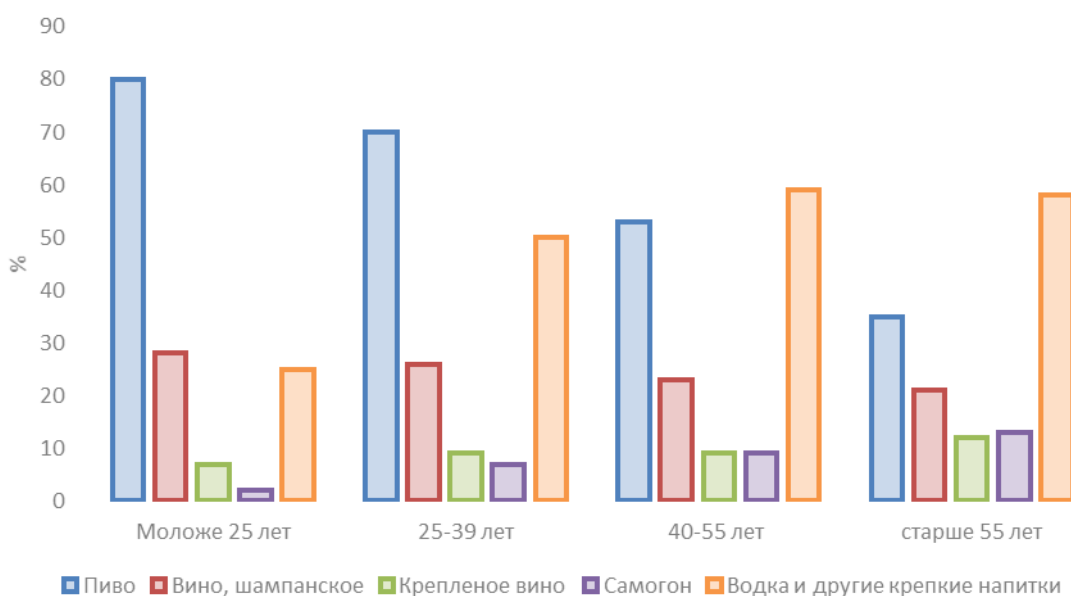

Рисунок 9. Структура потребления спиртных напитков в зависимости от возраста потребителей

Источник: [Denisova, Kartseva 2012].

Структура потребления алкоголя особенно резко изменилась у людей моложе 40 лет [Denisova, Kartseva 2012], у которых в потреблении начало доминировать пиво (рисунок 9), тогда как в старших возрастах продолжает доминировать водка. При этом было показано, как, по мере омоложения потребителей, доля пива нарастает, а доля водки падает [Kueng, Yakovlev 2014]. В исторической перспективе, которую можно выразить сентенцией «пили,

пьют и будут пить», это явление следует считать благом уже потому, что ни одно острое отравление пивом со смертельным исходом не зафиксировано. Параллельно с ростом потребления пива снижаются официальные продажи водки (рисунок 6), и эти два процесса могут быть одной из причин снижения общего потребления алкоголя в 2004-2013 гг. На рисунке 6 видно, что с 2008 г. рост потребления пива был приостановлен в результате законодательных акций и ряда административных мер, часть которых можно отнести за счет деятельности, главным образом, водочного лобби, но также производителей стекла, ратовавших за отмену пластиковых бутылок (ПЭТ) в качестве тары для пива и замены их стеклянной тарой. Жесткая конкурентная активность водочного бизнеса против пивного может задержать переход потребителей с водки на пиво и тем самым сказаться на демографических процессах.

Причины снижения смертности после 2003 г.

Для начала важное замечание: с точки зрения демографических показателей, главная беда, связанная со злоупотреблением алкоголем, это не алкоголизм, как часто говорится и пишется, а бытовое пьянство. Алкоголизм или патологическая зависимость – медицинское явление. На уровне диспансерного учета оно составляет 1,4% населения страны [Основные показатели... 2012], а общее количество больных предположительно не превышает 4-5% населения [Немцов 2009]. Истинных размеров пьянства никто не знает, к тому же провести границу между бытовым потреблением алкоголя и пьянством или же квалифицировать пьянство непросто из-за градуального нарастания потребления алкоголя. Неизвестно также распределение алкогольных проблем в когорте потребителей. Однако немногие исследования свидетельствуют, что пьянство охватывает около 40% мужчин трудоспособного возраста и 15% женщин [Бехтель 1986]. Именно эта часть населения вносит основной вклад в алкогольный урон страны: риск наступления смерти у мужчин, которые выпивают 3 или более полулитровых бутылки водки в неделю, до достижения 55 лет составляет 35% [Zaridze 2014]. Организация экономического сотрудничества и развития (OECD) оценивает связанную с алкоголем смертность в России в 30,5% и считает нашу страну лидером в мире по этому показателю [OECD 2015]. Оценки автора для 1980-2007 гг. - 24% мужских и 15% женских смертей [Немцов, Терехин 2007; Немцов 2009]. Разводовский оценивает потери выше - 41 и 28% соответственно [Razvodovsky 2012], а Леон и соавторы связывают с опасным потреблением алкоголя 51% смертей мужчин 25-54 лет против 13% в контрольной группе [Leon et al. 2007].

При сопоставлении показателей разных авторов надо иметь в виду, что алкогольные показатели, привязанные к определенным периодам времени, отражают состояние проблем именно в эти периоды, так как алкогольная ситуация в России очень динамична. Это выразилось в большой скорости и размахе изменения смертности: у мужчин - 43,3% от среднего значения на протяжении 30 лет (у женщин - 37,2%). Колебания смертности составили 2,5 цикла, практически синхронных с циклами потребления (см. выше; рисунок 3). Третий цикл можно считать незавершенным, так как в течение 10 лет (2004-2013 гг.) снижение смертности, как и рост ожидаемой продолжительности жизни, происходили с переменной скоростью. Однако 2014 г. дал некоторые основания думать о начале

завершения и третьего цикла, хотя один год не указ - подождем следующего, а лучше еще одного, чтобы твердо судить о том, что происходит.

Главная особенность третьего снижения смертности – это его продолжительность: 10-11 лет против 3-4 лет при двух предыдущих. Этот период представляет особый интерес именно из-за причин его продолжительности.

Крупное социальное явление в большой стране трудно связать с одной причиной. Скорее их было несколько. При этом нельзя не вспомнить, что была государственная программа развития здоровья до 2020 г., предполагавшая ассигнование на это 2,04 млрд руб.

Григорьев и Андреев [Grigoriev, Andreev 2015] считают, что вклад мер политики в снижение смертности в России после 2003 г. был небольшим, и связывают это снижение с колебаниями смертности в предшествующие годы. Они делают исключение только для 2006-2007 гг. также, как это делают другие авторы [Neufeld, Rehm 2013], которые, однако, отметили важный факт: новая алкогольная политика стала проводиться с 2000 г. Pridemore и соавторы [Pridemore et al. 2014] связывают действие законов 2005 г. со снижением смертности вплоть до 2010 г. (конец периода исследования). Еще дальше пошли Халтурина и Коротаев [Khalturina, Korotaev 2015]. Эти авторы довели свой анализ до 2013 г. и сочли, что эффект законов 2005 г., введенных в 2006 г., продолжался во все последующие годы.

Анализ причин смерти и ожидаемой продолжительности жизни между 2003 и 2012 г. привел Школьникова и соавторов [Школьников и др. 2014] к выводу, что наибольший вклад в рост продолжительности жизни внесло снижение смертности взрослых от болезней системы кровообращения и внешних причин, наиболее тесно связанных с потреблением алкоголя. Тут следует вспомнить, что снижение смертности от болезней системы кровообращения, особенно ишемической болезни сердца, наблюдалось также во время антиалкогольной кампании 1985 г. [Shkolnikov et al. 2004]. Тогда снизились и другие основные виды смертности (рисунок 10, [Nemtsov 1999]). Существенно, что в тот период почти единственной причиной снижения смертности было сокращение потребления алкоголя; многие декларативные заявления о вкладе в этот процесс духовного подъема и надежд, вызванных перестройкой, нельзя считать доказанными. Снижение потребления алкоголя в 2000-х годах, которое произошло, как считает Радаев, еще до первого политического вмешательства в 2006-2007 гг., он более реалистично связывает с ростом ВВП и реального дохода населения, а перерыв снижения в 2011-2013 гг. – с кризисом 2008-2009 гг. [Radaev 2015]. При этом он совершенно справедливо считает, что трудно определить точную роль политических интервенций. Это следует отнести и к последующим выкладкам этой статьи.

Объяснение, предложенное Григорьевым и Андреевым [Grigoriev, Andreev 2015], кажется заманчивым, особенно при взгляде на рисунок 3. Можно думать, что продолжается инерция колебательного процесса, заведенного антиалкогольной кампанией 1985 г. Но при этом объяснение авторов хорошо бы дополнить раскрытием механизма, который поддерживает колебательный процесс после 2003 г. Гипотетически таким механизмом могла бы быть разная скорость как вымирания основных потребителей алкоголя (пьяниц и алкоголиков), так и восстановления этой когорты. Иначе говоря, можно допустить, что при

росте потребления вымирание происходит быстрее в сравнении с увеличением когорты новых пьяниц и алкоголиков. К сожалению, проверка этой гипотезы крайне затруднительна из-за разрушения в 1990-е годы наркологической службы в той ее части, которая обеспечивала ежемесячный учет состоящих на учете больных алкоголизмом и пьяниц из группы риска. Кроме того, предположению о колебательном процессе мешает затянувшееся на 10 лет снижение смертности после 2003 г.

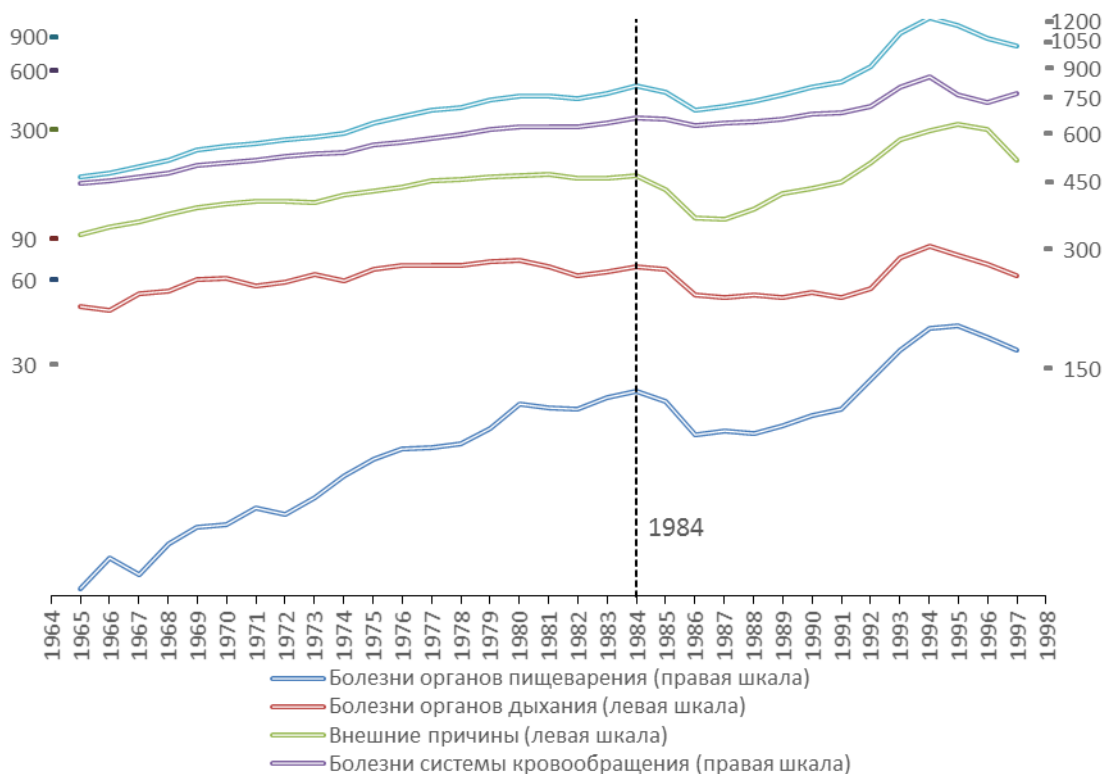

Рисунок 10. Число мужчин, умерших в 1965-1995 гг. от некоторых классов причин смерти, тысяч

Источник: [Nemtsov 2002].

Трудно согласиться с Pridemore и соавторами [Pridemore et al. 2014], что действие законов 2005 г. обусловило длительное снижение смертности и задержало восстановительный период: снижению смертности в 2006 г. и позже предшествовало снижение в 2004-2005 гг. Введение законов действительно ускорило снижение, но продолжалось оно 2 года [Немцов, Шельгин 2014], а позже вернулось к исходным темпам 2004-2005 гг. с последующим и постепенным замедлением. Это особенно отчетливо проявилось в отношении смертей от отравления алкоголем (рисунок 11), число которых после длительного снижения впервые выросло в 2014 г. по сравнению с 2013 г. (на 6,2% у мужчин и на 1,7% у женщин).

Тем не менее затянувшееся снижение смертности в 2004-2014 гг. - непреложный факт, и он требует объяснения.

Удивительно, что обсуждение алкогольной политики в связи со снижением смертности обычно начинается с 2006-2007 гг., тогда как РАР, часто обозначаемое как регулятор рынка, было создано в 2000 г., а снижение смертности началось в 2004 г. По сути,

перечисленные и некоторые другие авторы в своих объяснениях феномена смертности после 2003 г. опираются на детализированные демографические показатели и общие соображения об их связи со снижением потребления алкоголя, хотя эта связь оценивается по-разному. Важно отметить, что потребление алкоголя, а проще говоря, выпивка, является водоразделом между множественными причинами, приводящими к выпивке [Немцов 2009], и последствиями этого занятия. Среди следствий самой тяжелой и наиболее наглядной является смерть в результате злоупотребления. Поэтому основная часть исследований выполнена по одну сторону водораздела - на поле изучения связей между потреблением алкоголя и смертностью. Другая сторона от этого водораздела, поле связей между причинами злоупотребления и выпивкой часто остается непаханным. В результате причинно-следственная цепочка оказывается незамкнутой. Или в роли причин выступают случайные факторы, как это было с законами 2005 г.

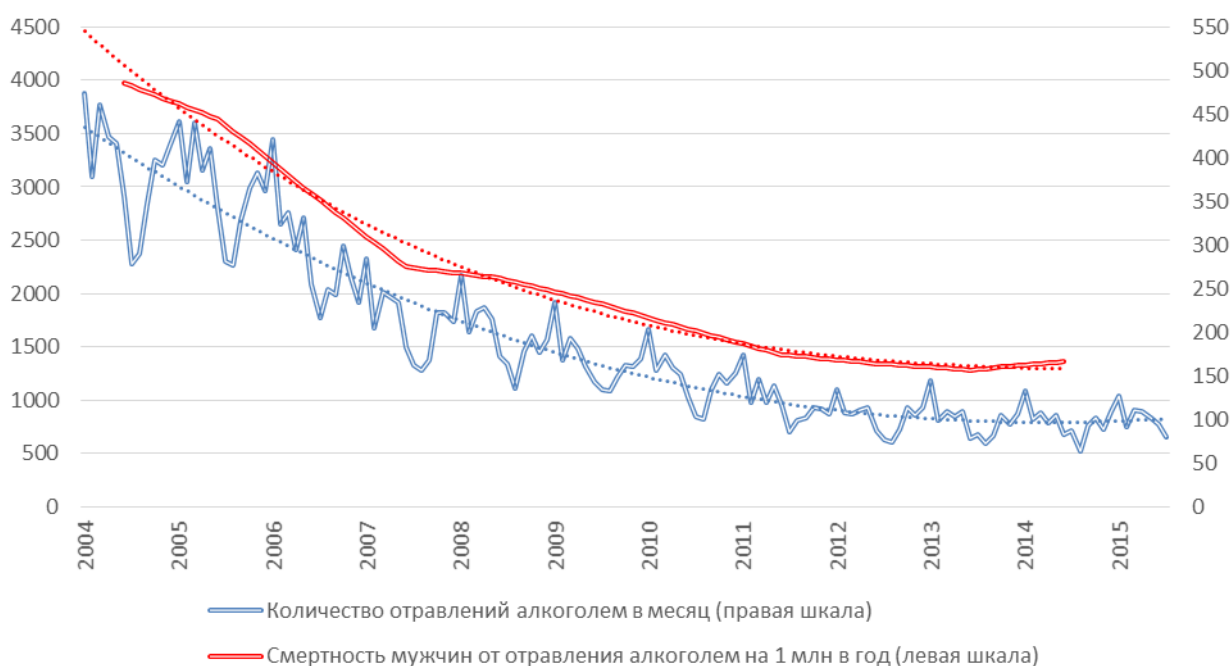

Рисунок 11. Смертность мужчин от отравления алкоголем в 2004-2015 гг.

Примечание: Синяя линия – месячные данные (Росстат); красная – годовичные показатели; пунктир – полином третьей степени.

Повторюсь в который раз, что снижение смертности началось за 2 года до введения этих законов, а это значит, что были причины смены роста на снижение. Если оставить в стороне трудноуловимые психологические или некоторые другие факторы, подводящие к выпивке и ее следствиям, представляется, что причины снижения смертности, начавшегося в 2004 г., отражены в таблице (см. Приложение): никогда в новейшей истории России [Немцов 2009], включая антиалкогольную кампанию 1985 г., политический напор не был столь продолжительным, хотя и непоследовательным. На этот раз давление оказывалось на алкогольный рынок с целью подавления нелегального производства и пополнения бюджета.

Одной из возможных причин снижения смертности в связи со снижением потребления алкоголя в последние годы иногда называют изменение состава потребляемых

алкогольных напитков (см. выше). Однако это пока маловероятно в силу того, что доминирование пива у части потребителей началось сравнительно недавно, около 15 лет назад (рисунок 10), и касалось преимущественно молодых людей, которые еще не скоро реализуют свой низкий риск умереть алкогольной смертью в связи с переходом на пиво.

В газетных публикациях и выступлениях чиновников в качестве другой причины называются меры прямого действия: ограничения продажи спиртного по возрасту (18+), месту (школы и т.д.) и времени (ночной запрет). Эффективность этих мер исследовалась только однажды в связи с ночным ограничением [Колосницyna и др. 2015]. Авторы сочли, что ограничение времени продаж привело к их снижению. Но это было показано на примере одного года (2010 г. по отношению к 2009 г.) без учета того, что снижение в этот период происходило на фоне снижения, начавшегося в 2004 г. (рисунок 6), а график не обнаруживает изменения тренда продаж в 2010 г. и позже. Так что эффективность этой меры пока нельзя считать доказанной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 2000 г. началась *вторая антиалкогольная кампания*, необъявленная, в отличие от первой. Связанные с ней действия не были рациональными и последовательными. Более того, алкогольная политика в России не имеет под собой *никакого* научного обоснования. Несмотря на существенное снижение потребления алкоголя и смертности, эту кампанию нельзя признать направленной на оздоровление населения.

Объектом первой кампании был потребитель, второй – алкогольный рынок, а в нем в первую очередь – производитель.

Целью первой кампании было снижение потребления, а с помощью этого – оздоровление хиреющей экономики наряду с другими столь же наивными экономическими мерами. Главной целью второй кампании было наполнение бюджета, сильно похудевшего на исходе советской власти и в «лихие 1990-е», с помощью подавления нелегального рынка и перевода потребителей вместе с их денежными средствами в лоно рынка легального.

Методы первой кампании: снижение производства и ограничение торговли. Методы второй были более разнообразными, они менялись по ходу кампании. Главным оставалось вытеснение с рынка мелких и средних производителей крепких напитков. Они, как предполагалось, являются основными поставщиками нелегальной продукции. При этом происходило интенсивное перераспределение активов в пользу крупных их держателей, которые, как считалось, смогут монополизировать рынок и навести там порядок. К методам второй кампании следует отнести ЕГАИС, многие другие затруднения для участников алкогольного рынка, рост акцизов и минимальной цены на спиртное. Среди методов была жесткая, порой криминальная конкуренция, которая иногда влияла на законодательные решения, как это было с законодательным ущемлением пивной отрасли, конкурирующей с производителями водки за потребителя.

Инструментом первой кампании стало административное давление, осуществляемое через местные органы КПСС. Главными инструментами второй стали последовательно РСР и РАР со все расширяющимися фискальными полномочиями.

В результате не произошло ни оздоровления экономики в первую кампанию, ни пополнения бюджета за счет алкоголя во вторую. Благотворное снижение потребления алкоголя и смертности в первую кампанию было непродолжительным. Вторая кампания в этом отношении была более эффективной в связи с надвигающимся, а позже надвинувшимся экономическим кризисом и дефицитом бюджета, а снижение потребления алкоголя и смертности было побочным продуктом поиска бюджетных средств в сфере алкогольного рынка. И та, и другая кампания вызвали рост потребления нелегального алкоголя.

Причина неудачи как первой, так и второй кампании – неквалифицированное руководство, отсутствие научной разработки алкогольной политики, бедность населения, недоучет того, что алкоголь входит в сферу потребностей большей части населения. Вторая кампания отличалась от первой более мощной коррупционной составляющей - нельзя навести порядок в локальном секторе экономики при том, что в стране коррупция стала системообразующим фактором.

Провал первой кампании обозначил возврат госпродажи спиртного в 1988 г. Конец второй кампании, точнее конец ее первого этапа, был отмечен «планом мероприятий ("дорожная карта") по стабилизации ситуации и развитию конкуренции на алкогольном рынке», утвержденным 26 ноября 2015 г. «Карта» обнаружила, что 15-летняя кампания не дала желаемых результатов и нужны новые усилия для достижения целей, поставленных в 2000 г. Но этим дело не ограничилось: 15 января 2016 г. Президент подписал Указ о подчинении РАР Министерству финансов и передаче министерству функций по выработке и реализации алкогольной политики. Тем самым были окончательно обнаружены истинные цели второй антиалкогольной кампании и обозначено начало ее *второго* этапа.

ЛИТЕРАТУРА

- АЛКОГОЛЬ.РУ. Нереализованная концепция 6-летней работы РАР. URL: <http://alkohole.ru/news/alko-news/poryadok-v-otrasli> (дата обращения: 24.10.2015).
- Бехтель Э.Е. (1986). Донозологические формы злоупотребления алкоголем. М.: «Медицина».
- Боярина Е. (2001). "Росспиртпром" лезет в бутылку // Совершенно секретно (09.07.2001).
- Колосницына М., Х. Доржиев, Н. Хоркина, М. Ситдилов (2015). Меры антиалкогольной политики – работают ли в России? // Демоскоп Weekly. № 665-666. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0665/index.php> (дата обращения: 24.10.2015).
- Космарская Т. (1998). Проблемы государственного регулирования рынка алкогольной продукции // Вопросы экономики. №5: 139-145.
- Немцов А.В. (2009). Алкогольная история России. Новейший период. М.: URSS.
- Немцов А.В., А. Терехин (2007). Размеры и диагностический состав алкогольной смертности в России // Наркология. №12: 29-36.

- Немцов А.В., К.В. Шельгин (2014). Потребление алкоголя в России: 1956-2012 гг. // Вопросы наркологии. №5: 3-12.
- Немцов А.В., К.В. Шельгин (2015). Антиалкогольные законы 2005 г. и снижение потребления алкоголя в России // Вопросы наркологии. №1: 83-93.
- Нужный В.П., В.В. Рожанец, С.А. Савчук (2011). Химия и токсикология этилового спирта и напитков, изготовленных на его основе: Токсикология. М.: ЛИБРОКОМ.
- Основные показатели деятельности наркологической службы в Российской Федерации в 2010-2011 годах (2012). Статистический сборник. М.
- Соколов И.А. (2013). Исследование акцизной нагрузки на отдельные категории алкогольных продуктов (вино, пиво, крепкий алкоголь) в разных странах мира. Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара. Препринт. URL: <http://www.iep.ru/ru/issledovanie-akciznoi-nagruzki-na-otdelnye-kategorii-alkogolnyh-produktov-vino-pivo-krepkii-alkogol-v-razny-strana-mira.html> (дата обращения: 24.10.2015).
- Такала И.Р. (2002). Веселие Руси. История алкогольной проблемы в России. СПб.: Журнал "Нева".
- Школьников В., Е. Андреев, М. Макки, Д. Леон (2014). Рост продолжительности жизни в России 2000-х годов // Демографическое обозрение. Т.1. №2: 5-37.
- Andrienko Y., A. Nemtsov (2006). Estimation of individual demand for alcohol. Economics Education and Research Consortium. Working Paper Series. №05/10. URL: <http://www.cefir.ru/index.php?l=eng&id=35&yf=2006> (data accessed: 24.10.2015).
- Denisova I., M. Kartseva (2012). Alcoholism and the Russian mortality crisis // Public Health – Methodology, Environmental and Systems Issues / J. Maddock, ed.: 367-386.
- Grigoriev P, E.M. Andreev (2015). The huge reduction in adult male mortality in Belarus and Russia: Is it attributable to anti-alcohol measures? // PLoSONE. 10(9). URL: <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0138021> (data accessed: 24.10.2015).
- Holder H.D., G. Edwards (eds.) (1995). Alcohol and public policy: Evidence and issues. Oxford-New York-Toronto-Tokyo: Oxford University Press.
- Khalturina D, A. Korotaev (2015). Effects of specific alcohol control policy measures on alcohol-related mortality in Russia from 1998 to 2013 // Alcohol and Alcoholism: 1-14.
- Kueng L., E. Yakovlev (2014). How persistent are consumption habits? Micro-evidence from Russia // NBER Working Paper. №20298. URL: <http://www.nber.org/papers/w20298> (data accessed: 24.10.2015).
- Leon D. et al. (2007). Hazardous alcohol drinking and premature mortality in Russia: a population based case-control study // Lancet. 369: 2001-2009.
- Nemtsov A. (1998). Alcohol-related harm and alcohol consumption in Moscow before, during and after a major anti-alcohol campaign // Addiction. 93. №10: 1501-1510.
- Nemtsov A. (1999). Alcohol consumption, alcohol-related consequences and alcohol policy in Russia (1945-1996) // Alcologia. 11: 57-61.
- Nemtsov A. (2002). Alcohol-related harm losses in Russia in the 1980s and 1990s // Addiction. 97: 1413-1425.

- Neufeld M., J. Rehm (2013). Alcohol consumption and mortality in Russia since 2000: are there any changes following the alcohol policy changes starting in 2006? // *Alcohol and Alcoholism*. 48(2): 222-230.
- OECD (2015). *Tackling harmful alcohol use. Economics and public health policy* / Franco Sassi, ed. OEDS Publishing.
- Pridemore W.A., M.B. Chamlin, M.T. Kaylen, E. Andreev (2014). The effects of the 2006 Russian alcohol policy on alcohol-related mortality: An interrupted time series analysis // *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*. 38(1): 257–266.
- Radaev V. (2015). Impact of a new alcohol policy on homemade alcohol consumption and sales in Russia // *Alcohol and Alcoholism*. 25: 1-8.
- Razvodovsky Y.E. (2012). Estimation of alcohol attributable fraction of mortality in Russia // *Adicciones*. 24(3): 247-52.
- Room R. (1991). Cultural changes in drinking and trends in alcohol problems indicators: recent US experience // W.G. Clark and M.E. Hikton, eds. *Alcohol in America*. Albany N.Y. SUNT Press: 149-162.
- Shkolnikov V., A. Nemtsov (1997). The anti-alcohol campaign and variations in Russian mortality // J.L. Bobadilla, C.A. Costello, F. Mitchell, eds. *Premature Death in the New Independent State*. Washington DC: National Academy Press.
- Shkolnikov V.M, E.M. Andreev, D.A. Leon, M. McKee, F. Meslé, J. Vallin (2004). Mortality reversal in Russia: the story so far // *Hygiea Internationalis*. 4(4): 29–80.
- Simpura J. (1995). Alcohol use and associated risk of harm // H.D Holder, G. Edwards, eds. *Alcohol and Public Policy: Evidence and Issues*. Oxford University Press: 7-37.
- Spring J.A., D.H. Buss (1977). Three centuries of alcohol in Britain // *Nature*. 270: 567-572.
- Treml V. (1982). *Alcohol in the USSR. Statistical study*. Durham, N.C.: Duke Press Policy Studies.
- WHO (2014). *Global status report on alcohol and health*.
- Zaridze D. (2014). Alcohol and mortality in Russia: prospective observational study of 151 000 adults// *Lancet*. 9927. №383: 1465–1473.

MORTALITY IN RUSSIA IN LIGHT OF THE IN ALCOHOL CONSUMPTION

ALEXANDER NEMTSOV

ALEXANDER NEMTSOV. MOSCOW RESEARCH INSTITUTE OF PSYCHIATRY (RUSSIA). E-MAIL: nemtsov33@gmail.com.

DATE RECEIVED: September 2015.

In the contemporary history of Russia, there have been three significant reductions in alcohol consumption associated with a decrease in mortality. The first, resulting from the anti-alcohol campaign of 1985, lasted 3 years, and the second, resulting from the impoverishment of the population and death of a large part of heavy drinkers, 4 years (1995-1998).

In 2004 began the third decrease in consumption, often inexplicably linked with the anti-alcohol laws of 2005. However, the history of this decline goes back to the year 2000. It started with the creation of Rosspirtprom (RSP) and the anti-beer campaign, with Rosalkogolregulirovanie (RAR) taking over in 2009. The main activities of RSP and RAR involved the bankruptcy of several hundred enterprises of the alcohol industry. This and many other actions of the RSP and the RAR resulted in the instability, sometimes disruption, of the alcohol market. This could be a significant cause of the decrease in consumption and mortality in 2004. In fact, in 2000 the second anti-alcohol campaign started. The object of the first one had been the consumer, of the second, the alcohol market. The aim of the first campaign was to decrease consumption and improve the economy. The aim of the second was to fill the budget by suppressing the illegal market and moving consumers into the legal market. The methods of the first campaign were a reduction of production and trade restrictions; the methods of the second one changed in the course of the campaign. The main goal was to squeeze small and medium-sized players out of the market, on the assumption that they were the principal suppliers of illegal products. The methods of the second campaign included the introduction of a Unified State Automated System, the growth of excise taxes and a minimum price for alcohol, as well as tough, sometimes criminal competition. The tool of the first campaign was administrative pressure. The main instruments of the second one were RSP and then RAR.

As a result, there was neither an economic recovery in the first campaign, nor a filling of the budget thanks to alcohol in the second. The decrease in consumption and mortality in the first campaign was short-lived. The second campaign was in this regard more effective, due to the economic crisis and the growing budget deficit. Both campaigns led to increased consumption of illegal alcohol.

Key words: alcohol consumption, mortality in Russia, anti-alcohol campaign, illegal alcohol.

REFERENCES

- ALKOGOL'.RU. Nerealizovannaya kontseptsiya 6-letney raboty RAR [Unrealized concept of the six year work of PAP]. URL: <http://alkohole.ru/news/alko-news/poryadok-v-otrasli> (data accessed: 24.10.2015).
- Andrienko Y., A. Nemtsov (2006). Estimation of individual demand for alcohol. Economics Education and Research Consortium. Working Paper Series. №05/10. URL: <http://www.cefir.ru/index.php?l=eng&id=35&yf=2006> (data accessed: 24.10.2015).
- Bekhtel' E.Ye. (1986). Donozologicheskiye formy zloupotrebleniya alkogolem [Prenosological forms of alcohol abuse]. M.: Meditsina [Medicine].
- Boyarina Ye. (2001). "Rosspirtprom" lezet v butylku ["Rosspirtprom" goes into the bottle] // Sovershenno sekretno [Top Secret]. (09.07.2001).
- Denisova I., M. Kartseva (2012). Alcoholism and the Russian mortality crisis // Public Health – Methodology, Environmental and Systems Issues / J. Maddock, ed.: 367-386.

- Grigoriev P, E.M. Andreev (2015). The huge reduction in adult male mortality in Belarus and Russia: Is it attributable to anti-alcohol measures? // PLoSONE. 10(9). URL: <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0138021> (data accessed: 24.10.2015).
- Holder H.D., G. Edwards (eds.) (1995). Alcohol and public policy: Evidence and issues. Oxford-New York-Toronto-Tokyo: Oxford University Press.
- Khalturina D, A. Korotaev (2015). Effects of specific alcohol control policy measures on alcohol-related mortality in Russia from 1998 to 2013 // Alcohol and Alcoholism: 1-14.
- Kolosnitsyna M., KH. Dorzhiyev, N. Khorkina, M. Sitdikov (2015). Mery antialkogol'noy politiki – rabotayut li v Rossii? [Measures of anti-alcohol policy – do the work in Russia?] // Demoscope Weekly. № 665-666. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0665/index.php> (data accessed: 24.10.2015)
- Kosmarskaya T. (1998). Problemy gosudarstvennogo regulirovaniya rynka alkogol'noy produktzii [Problems of state regulation of the alcohol market] // Voprosy ekonomiki [Economic Questions]. №5: 139-145.
- Kueng L., E. Yakovlev (2014). How persistent are consumption habits? Micro-evidence from Russia // NBER Working Paper. №20298. URL: <http://www.nber.org/papers/w20298> (data accessed: 24.10.2015).
- Leon D. et al. (2007). Hazardous alcohol drinking and premature mortality in Russia: a population based case-control study // Lancet. 369: 2001-2009.
- Nemtsov A. (1998). Alcohol-related harm and alcohol consumption in Moscow before, during and after a major anti-alcohol campaign // Addiction. 93. №10: 1501-1510.
- Nemtsov A. (1999). Alcohol consumption, alcohol-related consequences and alcohol policy in Russia (1945-1996) // Alcologia. 11: 57-61.
- Nemtsov A. (2002). Alcohol-related harm losses in Russia in the 1980s and 1990s // Addiction. 97: 1413-1425.
- Nemtsov A.V. (2009). Alkogol'naya istoriya Rossii. Noveyshiy period [Alcohol history of Russia. The latest period]. M.: URSS.
- Nemtsov A.V., A. Terekhin (2007). Razmery i diagnosticheskiy sostav alkogol'noy smertnosti v Rossii [The size and diagnostic structure of the alcohol mortality in Russia] // Narkologiya [Narcology]. №12: 29-36.
- Nemtsov A.V., K.V. Shelygin (2014). Potrebleniye alkogolya v Rossii: 1956-2012 gg. [Alcohol consumption in Russia: 1956-2012] // Voprosy narkologii [Questions of Narcology]. №5: 3-12.
- Nemtsov A.V., K.V. Shelygin (2015). Antialkogol'nyye zakony 2005 g. i snizheniye potrebleniya alkogolya v Rossii [Anti-alcohol laws in 2005 and the reduction of alcohol consumption in Russia] // Voprosy narkologii [Questions of Narcology]. №1: 83-93.
- Neufeld M., J. Rehm (2013). Alcohol consumption and mortality in Russia since 2000: are there any changes following the alcohol policy changes starting in 2006? // Alcohol and Alcoholism. 48(2): 222-230.
- Nuzhnyy V.P., V.V. Rozhanets, S.A. Savchuk (2011). Khimiya i toksikologiya etilovogo spirta i napitkov, izgotovlennykh na yego osnove: Toksikologiya [Chemistry and Toxicology of the ethyl alcohol and beverages produced on its basis: Toxicology]. M.: LIBROKOM.
- OECD (2015). Tackling harmful alcohol use. Economics and public health policy / Franco Sassi, ed. OEDS Publishing.

- Osnovnyye pokazateli deyatelnosti narkologicheskoy sluzhby v Rossiyskoy Federatsii v 2010-2011 godakh [Main indicators of the drug abuse service performance in the Russian Federation in 2010-2011] (2012). Statisticheskiy sbornik [Statistical Book]. Moscow.
- Pridemore W.A., M.B. Chamlin, M.T. Kaylen, E. Andreev (2014). The effects of the 2006 Russian alcohol policy on alcohol-related mortality: An interrupted time series analysis // *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*. 38(1): 257–266.
- Radaev V. (2015). Impact of a new alcohol policy on homemade alcohol consumption and sales in Russia // *Alcohol and Alcoholism*. 25: 1-8.
- Razvodovsky Y.E. (2012). Estimation of alcohol attributable fraction of mortality in Russia // *Adicciones*. 24(3): 247-52.
- Room R. (1991). Cultural changes in drinking and trends in alcohol problems indicators: recent US experience // W.G. Clark and M.E. Hikton, eds. *Alcohol in America*. Albany N.Y. SUNT Press: 149-162.
- Shkolnikov V., A. Nemtsov (1997). The anti-alcohol campaign and variations in Russian mortality // J.L. Bobadilla, C.A. Costello, F. Mitchell, eds. *Premature Death in the New Independent State*. Washington DC: National Academy Press.
- Shkol'nikov V., Ye. Andreyev, M. Makki, D. Leon (2014). Rost prodolzhitel'nosti zhizni v Rossii 2000-kh godov [The increase in life expectancy in Russia of the 2000s] // *Demograficheskoye obozreniye [Demographic Review]*. V.1. №2: 5-37.
- Shkolnikov V.M., E.M. Andreev, D.A. Leon, M. McKee, F. Meslé, J. Vallin (2004). Mortality reversal in Russia: the story so far // *Hygiea Internationalis*. 4(4): 29–80.
- Simpura J. (1995). Alcohol use and associated risk of harm // H.D Holder and G. Edwards (eds.) *Alcohol and Public Policy: Evidence and Issues*. Oxford University Press: 7-37.
- Sokolov I.A. (2013). Issledovaniye aktsiznoy nagruzki na otdel'nyye kategorii alkogol'nykh produktov (vino, pivo, krepkiy alkogol') v raznykh stranakh mira [Research of excise burden on certain categories of alcoholic products (wine, beer, spirits) around the world]. Institut ekonomicheskoy politiki im. Ye.T. Gaydara [Gaydar Institute of Economic Policy]. Preprint.URL: <http://www.iep.ru/ru/issledovanie-akciznoi-nagruzki-na-otdelnye-kategorii-alkogolny-produktov-vino-pivo-krepkii-alkogol-v-razny-strana-mira.html> (data accessed: 24.10.2015).
- Spring J.A., D.H. Buss (1977). Three centuries of alcohol in Britain // *Nature*. 270: 567-572.
- Takala I.R. (2002). Veseliye Rusi. Istoriya alkogol'noy problemy v Rossii [Merrymaking in Russia. History of alcohol problems in Russia]. St. Petersburg: Zhurnal "Neva" [Journal "Neva"]].
- Treml V. (1982). *Alcohol in the USSR. Statistical study*. Durham, N.C.: Duke Press Policy Studies.
- WHO (2014). *Global status report on alcohol and health*.
- Zaridze D. (2014). Alcohol and mortality in Russia: prospective observational study of 151 000 adults // *Lancet*. 9927. №383: 1465–1473.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Хронология государственных мероприятий в сфере алкогольной политики

Год	Мероприятия
2000	<p>Постановление Правительства о создании ФГУП Росспиртпрома (6 мая) с подчинением ему более 200 спиртовых и ликероводочных заводов.</p> <p>Договор с Минсельхозом РФ о передаче ФГУП Росспиртпрому права распределять ежегодные квоты на спирт</p> <p>Постановление Первого заместителя Министра здравоохранения и Главного государственного санитарного врача РФ Г.Г.Онищенко "Об усилении Госсанэпиднадзора за пивоваренной продукцией".</p>
2001	Арбитражный суд Москвы признал недействительным соглашение Минсельхоза РФ и Росспиртпрома о квотах на спирт.
2002	Смена руководства ФГУП Росспиртпрома.
2003	Перевод клиентских счетов заводов, принадлежащих Росспиртпрому в два банка: «Северный морской путь» и «Международный банк торгового сотрудничества» (братья А. и Б. Ротенберги).
2004	<p>Новая редакция закона 186-ФЗ: увеличение налога на этиловый спирт из пищевого сырья на 50% (вступил в силу с 01.01.2005).</p> <p>Введение новых акцизных марок для алкогольной продукции.</p>
2005	<p>Закон «Об ограничениях розничной продажи и потребления (распития) пива и напитков, изготавливаемых на его основе» (март - № 11-ФЗ)</p> <p>Закон 102-ФЗ помимо прочего вводил новые федеральные (акцизные) марки на алкогольную продукцию с 1 января 2006. С этого же времени запрещалось использовать прежние марки (июль)</p> <p>Закон 209-ФЗ существенно увеличивал уставной капитал акторов алкогольного рынка с 1 июля 2006. Этот закон кроме того вводил новые и более токсичные денатурирующие добавки с 1 июля 2006 (бензин, керосин, кротональдегид и другие) - декабрь</p>
2006	<p>Начало действия законов 2005 г. (102-ФЗ с 1 января и 209-ФЗ с 1 июля).</p> <p>Первая попытка внедрения Единой государственной автоматизированной информационной системы (ЕГАИС) с 1 января 2006 г.</p> <p>Региональные власти получили право вводить ограничения времени розничной продажи алкоголя для алкогольных напитков с содержанием этанола >15% и определять уставной капитал для розничных продавцов.</p>
2007	Запрет продажи парфюмерии без ее денатурации.
2008-2009	Создание Росалкогольрегулирования с правом разработки государственной политики в сфере производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции, а также правом контролем за реализацией алкогольной политики.
2009	<p>Концепция гос. политики по сокращению связанного с алкоголем вреда и профилактике алкоголизма на период 2010-2020 гг.</p> <p>Комиссия по регулированию алкогольного рынка (руководитель Первый заместитель председателя правительства В.Зубков)</p>
2010	Первое введение минимальных цен на водку (89 руб. за полулитровую бутылку) и другую алкогольную продукцию.
2011	<p>Требование к спиртовым заводам закупки специальной и дорогостоящего оборудования для переработки отходов производства в корма для скота. Предприятия, не выполнившие это требование, лишались возобновления своих лицензий.</p> <p>Повышение минимальной цены на водку (98 руб. за полулитровую бутылку).</p> <p>Новая редакция закона 171-ФЗ Это относится к 2011 г.</p>
2012	<p>Повышение налога на спирт в реальном выражении на 22%.</p> <p>Свероссийский запрет на продажу всех видов алкогольных напитков с 23 до 8 часов утра следующего дня. Запрет на розничную продажу алкогольной продукции в детских, образовательных, медицинских организациях, на объектах спорта и прилегающих к ним территориях.</p> <p>Увеличение уставного капитала для производителей алкогольной продукции на 40%;</p> <p>Расширение перечня мест, где запрещалась продажа алкогольных напитков. Незначительное увеличение штрафов за эти нарушения.</p> <p>Продление запрета продажи алкогольных напитков в киосках и расширение запрета на все виды напитков (с 1995 г. – только на крепкие напитки).</p> <p>Регионам предоставлялось право самим устанавливать ограничения для мест и условий</p>

Год	Мероприятия
2013	<p>розничной продажи алкогольных напитков. Лицензирование перевозки этилового спирта. Запрет рекламы пива и вина (из отечественного винограда) на телевидении. Повышение минимальной цены на водку (125 руб.) Запрет продажи пива в нестационарных торговых объектах. Увеличение налога на алкогольные напитки на 27%.</p>
2014	<p>Повышение минимальной цены на водку (170 руб.). Повышение минимальной цены на водку (220 руб.). Комиссия по регулированию алкогольного рынка (руководитель вице-премьер А. Хлопонин)</p>
2015	<p>Разрешение рекламы пива и вина (из отечественного винограда) на телевидении. Очередное и окончательное распоряжение РАР о внедрении ЕГАИС с 01.01.2016. РАР предложила концепцию антиалкогольной кампании стоимостью в 2,3 млрд. рублей Снижение минимальной цены на водку до 185 руб. План мероприятий ("дорожная карта") по стабилизации ситуации и развитию конкуренции на алкогольном рынке, утвержденный 26.11.2015 г.</p>
2016	<p>Подчинение РАР Минфину с передачей министерству функций по выработке и реализации алкогольной политики.</p>

ИНТЕГРАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОТЕРЬ ОТ СМЕРТНОСТИ И ТРАВМАТИЗМА В РЕЗУЛЬТАТЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ В РОССИИ *

АЛЕКСАНДР РАМОНОВ

В работе выполнен анализ динамики и структуры смертности и травматизма от дорожно-транспортных происшествий (ДТП) в России с 2006 по 2011 г., основанный на использовании интегральных показателей потерянных лет жизни. Показано, что максимальное число лет жизни, потерянных в результате смертности и травматизма (или выигранных в результате их устранения), среди мужчин приходится на возрастные группы от 40 до 65 лет, среди женщин – на промежутки от 55 до 75 лет.

Применен новый метод оценки тяжести повреждений, наступивших в результате ДТП и других внешних причин.

***Ключевые слова:** внешние причины смерти, интегральные показатели здоровья, дорожно-транспортные происшествия.*

Эпидемиология внешних причин смерти (The epidemiology of accident traumas and resulting disabilities) – направление эмпирических исследований, посвященное изучению совокупности средовых и поведенческих факторов и последствий внешних причин в виде смертности и травматизма на основе инструментария и показателей, разработанных в рамках эпидемиологии и демографии. Одно из первых его упоминаний связано с публикацией отчета регионального европейского бюро ВОЗ в 1981 г. [WHO... 1981], посвященного изучению последствий травматизма (в первую очередь в результате транспортных несчастных случаев) в европейских странах. Там же разработана классификация системы факторов (средовых и индивидуальных), увеличивающих риск попасть в происшествие (или оказаться его инициатором). Специфика данного направления по сравнению с классической эпидемиологией заключается в том, что «возбудитель» и «носитель» априори неразделимы и воплощены в действующих участниках, помещенных в материальное и социальное окружение. Условными «носителями» также могут оказаться сами предметы материального окружения (например, в случае неисправности транспортных средств в дорожно-транспортных происшествиях - ДТП). Это требует особой внимательности от политиков и экспертов при разработке комплексных решений, направленных на снижение смертности и травматизма в результате этих причин.

Александр Владимирович Рамонов. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ» (РОССИЯ). E-mail: aramonov@hse.ru

Статья поступила в редакцию в октябре 2015 г.

* Статья подготовлена по результатам исследования 15-01-0032, выполненного в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015 г. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Оценка интегральных потерь (выигрыша от устранения) в результате воздействия внешних причин является относительно новым витком исследований в рамках этого направления, толчок которому дало проведение первого международного исследования «Глобальное бремя болезней» (ГББ) в 1990 г. Интегральные показатели потерь населения или выигрыша в результате устранения, все шире используемые в практике социально-демографического анализа, позволили произвести комплексную оценку демографических потерь: потерь лет жизни в результате смертности и лет здоровой жизни в результате нарушений здоровья, связанных с полученными травмами. В плане оценки демографических последствий *внешних причин* смерти примечательна попытка оценить демографические потери в результате транспортных несчастных случаев (Глобальное бремя транспортного травматизма), предпринятая Всемирным банком по результатам международного исследования ГББ-2010, инициированного Всемирной организацией здравоохранения [The World Bank 2014]. По сделанным оценкам, транспортные несчастные случаи в 2010 г. (единственная причина из класса «Внешние причины смерти», которая вошла в ТОП-10 ведущих причин потерь) занимали восьмое место в мире по количеству лет жизни, потерянных в результате смертности (1,3 млн), и лет здоровой жизни, потерянных в результате травматизма (74,2 млн) – индекс DALYs (Disability Adjusted Life Years).

Учитывая масштабы самого феномена травматизма в результате воздействия внешних причин, оценка их демографических последствий представляет актуальную задачу. К сожалению, решение этой задачи наталкивается на серьезные информационные и методологические трудности.

Новизна данной работы состоит в том, что обоснованы применимость и выбор данных о регистрируемом травматизме для оценки его масштабов в результате ДТП и усовершенствована методология их расчета.

ИСТОЧНИКИ ДАННЫХ О ТРАВМАТИЗМЕ

Для оценки демографических потерь от смертности и травматизма в исследовании Глобального бремени транспортного травматизма в 2010 г. была применена многоступенчатая методология, основанная на комбинированном использовании показателей из нескольких источников данных. Распространенность транспортных происшествий оценивалась на основе выборочных обследований населения (микро-данные), последствия от полученных травм для здоровья и жизнедеятельности – на основе данных медицинских учреждений, средняя длительность пребывания в состояниях нездоровья – на основе выборочных обследований пациентов.

К сожалению, далеко не все страны располагают дифференцированными по возрасту показателями, необходимыми для оценки транспортной смертности и травматизма, – оценки, сделанные в докладе, основаны на модельных построениях для регионов мира. Россия в соответствии с классификацией ГББ не относится к странам с достоверной дифференцированной по возрасту статистикой смертности и травматизма для исчисления надежных показателей потерь. Тем не менее в России имеются некоторые источники

данных, позволяющих оценить интегральные потери в результате воздействия ряда внешних причин. Это как информация о регистрируемых случаях травматизма, так и данные, полученные со слов респондентов из выборочных обследований.

Регистрируемые случаи травматизма как причины потерь здоровья находят отражение в нескольких формах статистической отчетности:

- форма №16-ВН – заболеваемость с временной утратой трудоспособности (подотчетное ведомство - Минздрав);
- форма №7-собес – первичная инвалидность (подотчетные ведомства – Минздрав, бюро МСЭ);
- форма №57 – по данным об обращаемости в амбулаторно-поликлинические учреждения и по итогам стационарного лечения (подотчетное ведомство – Минздрав).

Показатели, полученные на основе *формы №16-ВН* «О причинах временной нетрудоспособности», содержат информацию о случаях утраты трудоспособности по полу и возрасту (по 5-летним группам в интервале от 15 до 39 лет) по классам причин и характеру полученных травм (коды групп причин S и T по МКБ-10). Согласно методике сбора данных, предусмотренной формой, единицей наблюдения является «круглогодовой рабочий» (работающий на предприятии не менее года).

Форма №7-собес содержит результаты первичных освидетельствований в бюро МСЭ, на основе которых устанавливаются причины первичной инвалидности (по МКБ-10). В ней эти показатели даны в разбивке по укрупненным интервалам: дети до 18 лет, трудоспособное население, население старше трудоспособного.

Форма №57 - единственная из вышеперечисленных имеет специализированный характер, поскольку по ней регистрируются случаи оказания медицинской помощи *только при указании в качестве причины одной из группы «внешние причины смерти»*. Форма также содержит информацию о регионе, месте происшествия и характере полученных травм и ранений (более подробно ее структура дана ниже).

Информацию о распространенности травматизма по самооценке дают выборочные обследования. Наиболее крупные из них, содержащие вопросы о последствиях травм: World Health Survey (проведено в России в 2003 г.) и WHO SAGE (первая волна в России проведена в 2007-2010 гг.). Они позволяют оценить распространенность травматизма за год, предшествующий наблюдению, со слов респондентов на основании соответствующих вопросов анкеты. Однако в выборках соответствующих обследований крайне незначительно представлены те, кто получил нарушения здоровья в результате воздействия внешних факторов¹. Это затрудняет дальнейший подробный анализ по полу и возрасту. Поэтому этот источник данных представляет небольшую ценность в рамках настоящего исследования.

¹ По данным WHO SAGE наиболее распространенными среди причин получения травм и ранений в 2007-2010 гг. были указаны: случайные падения – в 119 случаях, ДТП – в 98 случаях при общем объеме выборки 3418 респондентов.

Для оценки распространенности травматизма использована форма регистрируемых случаев травматизма № 57, поскольку она единственная из представленных покрывает все население России, а не только его трудоспособную (форма №16-ВН) или обратившуюся в органы социальной защиты (№7-собес) группы. Также она единственная содержит указание не только на характер полученной травмы, но и на место и обстоятельство происшествия, в частности, позволяет выделить «Транспортный несчастный случай» и «ДТП» как причины полученной травмы, что представляет ценную информацию при расчете интегральных потерь от этих причин.

В распоряжении имелись данные о травматизме, полученные и агрегированные по форме №57 в России в целом за период наблюдения с 2006 по 2011 г.

Форма содержит сведения о случаях полученных травм и ранений в результате воздействия внешних причин и оказания впоследствии медицинской помощи. Она составляется всеми медицинскими организациями и подразделениями, оказывающими медицинскую помощь пострадавшим от травм, отравлений и других последствий воздействия внешних причин, на основе двух первичных учетных форм:

- талона амбулаторного пациента;
- статистической карты выбывшего из стационара.

Форма №57 состоит из таблиц, включающих сведения о травмах, отравлениях и внешних причинах у детского (до 14 лет) и взрослого (15+) населения. Общее количество травм получено как сумма травм среди взрослых старше 15 лет (связанных и не связанных с производством) и детей (0-14 лет).

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ И СТРУКТУРА ТРАВМАТИЗМА В РОССИИ

В России ежегодно общее количество полученных мужчинами и женщинами травм в результате воздействия внешних причин составляет порядка 13 млн, примерно 60% из них приходится на мужчин (рисунок 1). С 2006 по 2011 г. общее количество травм у мужчин осталось примерно на одном уровне, у женщин выросло на 9%.

Рисунок 1. Общее число полученных травм, 2006-2011, млн

Источник: Данные Минздрава, полученные по форме статистического наблюдения №57.

Далее при изучении структуры травматизма рассмотрены его усредненные показатели, рассчитанные на основе данных 2006-2011 гг., которые дают наглядное представление о структуре полученных травм по возрасту и их локализации.

Основное количество травм пришлось на население старше 18 лет – порядка 9,3 млн из общего количества 12,9 млн.

Таблица 1 и рисунок 2 дают представление об объеме и структуре травматизма в России.

Таблица 1. Количество травм, полученных мужчинами и женщинами с 2006 по 2011 г., в среднем за год в России по видам полученных травм, тыс. случаев

Вид травм	Мужчины	Женщины
Поверхностные травмы	2373,4	1775,9
Открытые раны, травмы кровеносных сосудов	1532,9	862,3
Вывихи, травмы мышц и сухожилий	845,1	703,2
Переломы костей верхней конечности	784,2	638,9
Переломы костей нижней конечности	555,0	404,3
Внутричерепные травмы	321,4	198,5
Переломы позвоночника, костей туловища	202,9	103,8
Термические и химические ожоги	201,9	149,8
Травмы глаза и глазницы	136,1	57,4
Последствия травм, отравлений, других воздействий внешних причин	132,2	70,8
Переломы черепа и лицевых костей	113,1	42,4
Другие	496,8	242,3
Всего	7695,1	5250,0

Рисунок 2. Распределение общего количества травм, полученных мужчинами и женщинами с 2006 по 2011 г. в России, в среднем за год, %

Источник: Данные Минздрава, полученные по форме статистического наблюдения №57.

Поверхностные раны и травмы кровеносных сосудов, как правило, имеют незначительные последствия для организма и функционирования его отдельных систем в отличие от переломов костей и травм внутренних органов.

ТРАВМАТИЗМ В РЕЗУЛЬТАТЕ ДТП

Согласно информации по форме статистического наблюдения №57 с 2006 по 2011 г. в среднем было зафиксировано 180,5 тыс. травм, наступивших в результате ДТП, 87% которых пришлось на взрослое население (15+). 61% общего количества полученных в результате ДТП травм пришелся на мужчин.

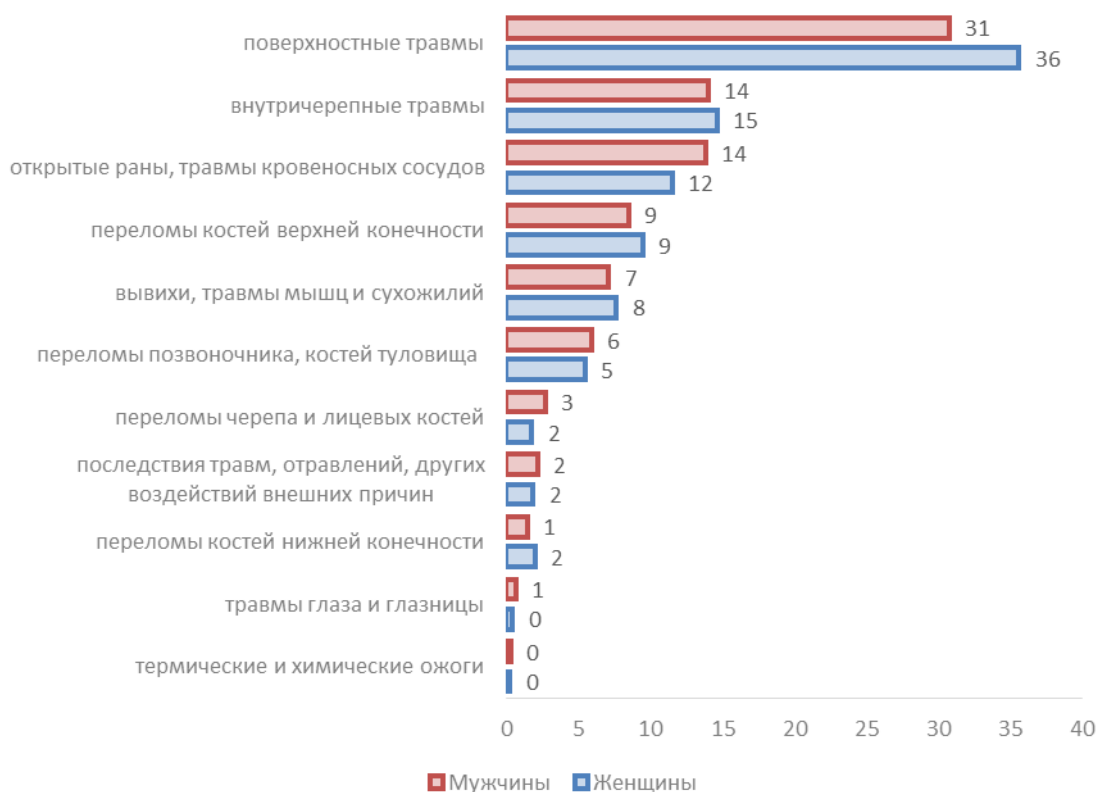

Рисунок 3. Доля травм отдельных локализаций в общем объеме травматизма в результате ДТП с 2006 по 2011 гг., в среднем за год, %

Источник: Данные Минздрава, полученные по форме статистического наблюдения №57.

По сравнению со структурой общего травматизма (рисунок 2) в структуре дорожно-транспортного травматизма можно наблюдать более высокие значения распространенности внутричерепных травм (рисунок 3).

Для оценки демографических потерь использованы данные о взрослом населении (от 15 лет), поскольку именно в этих группах сосредоточены основные объемы смертности и травматизма как у мужчин, так и у женщин. Всего среди взрослого населения 15+ было получено в результате ДТП 96,2 тыс. травм мужчинами и 60,2 тыс. травм женщинами.

Таблица 2. Числа смертей и травм в результате ДТП среди населения в возрасте 15 лет и старше, распределенные по пятилетним возрастным группам, 2006-2011, в среднем за год

Возраст, лет	Травмы		Смерти	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
15-19	5753	4793	1387	658
20-24	13740	6363	3311	873
25-29	13335	5370	3214	737
30-34	11108	4510	2677	619
35-39	9118	4156	2198	570
40-44	8701	4008	2097	550
45-49	9303	4887	2242	671
50-54	8174	4903	1970	673
55-59	5948	4083	1434	560
60-64	3155	2749	760	377
65-69	2758	3519	665	483
70-74	2445	4071	589	559
75-79	1634	3647	394	501
80-84	809	2301	195	316
85+	250	810	60	111
Всего	96232	60170	23192	8258

Прежде чем использовать эти данные наравне со статистикой смертности для оценки выигранных лет жизни с помощью таблиц смертности, необходимо оценить их возрастные распределения. Одним из возможных вариантов их построения является использование возрастного распределения чисел умерших для соответствующей группировки общего числа полученных травм среди населения 15+². Результаты подобной группировки представлены в таблице 2 и на рисунке 4.

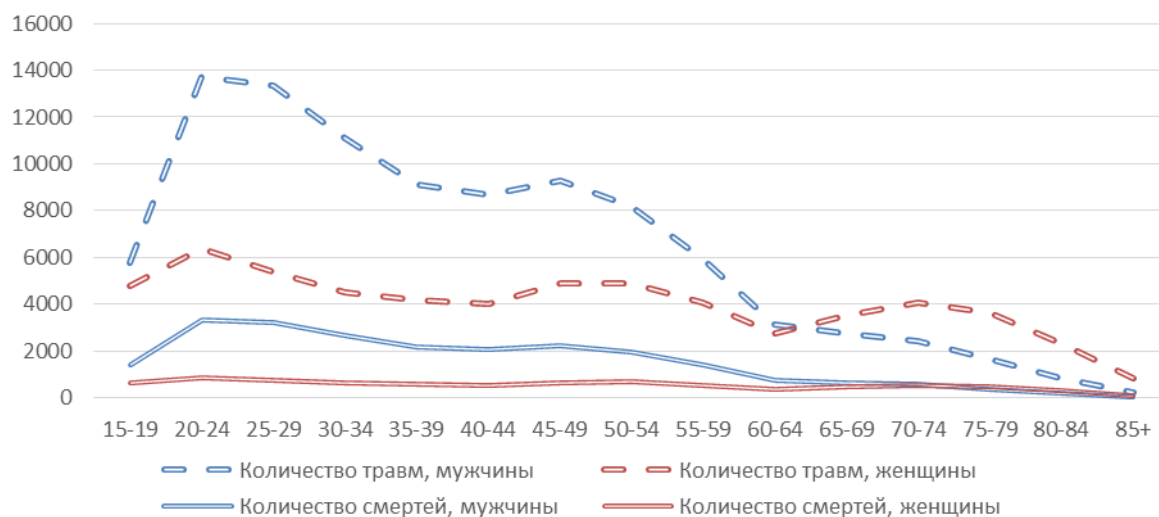

Рисунок 4. Числа смертей и травм в результате ДТП в России, распределенные по пятилетним возрастным группам, 2006-2011, в среднем за год

Источник: Расчеты автора на основе данных Минздрава, полученных по форме статистического наблюдения №57 и данных о регистрации смертей, Росстат.

² Подобное распределение предполагает, что летальность ДТП (соотношение смертей и травм) в исходных данных с возрастом не меняется.

ВЫИГРЫШ ЛЕТ ЖИЗНИ И ЗДОРОВОЙ ЖИЗНИ В РЕЗУЛЬТАТЕ УСТРАНЕНИЯ ДТП В РОССИИ

Выигрыш лет жизни в результате устранения смертности

При расчете потерянных лет жизни в результате смертности от определенных причин (или выигранных лет в результате устранения) в качестве базы для сравнения принято использовать определенный стандарт - обычно это страна или модельный образец страны с низкой смертностью [Murray, Lopez 1997]. Здесь применен альтернативный подход, в рамках которого выигрыш лет жизни рассчитывается по сравнению с гипотетической ситуацией полного устранения смертности от этой причины. В отношении ДТП такое предположение является достаточно правдоподобным.

Для расчета показателей по этому методу необходимо отнять от возрастных показателей общей смертности $m(x)$ аналогичные показатели смертности вследствие ДТП $m(x)_t$ и рассчитать новые вероятности умереть и другие функции таблицы смертности. Перерасчет вероятности умереть для таблицы смертности при устранении ДТП осуществлен следующим способом:

$$g(x)_{t-} = \frac{2n(m(x) - m(x)_t)}{2 + n(m(x) - m(x)_t)}$$

где n – длина возрастного интервала (в данном случае равна 5),

$m(x)$ - возрастные коэффициенты общей смертности,

$m(x)_t$ - возрастные коэффициенты смертности в результате ДТП.

Таблица 3. Некоторые показатели таблицы смертности в целом и при устранении смертности в ДТП для женщин в России, 2006-2011, в среднем за год

Россия, женщины, 2006-2011 гг., в среднем	Общая смертность				Смертность при устранении ДТП				Выигрыш $T(x)_t - T(x)$
	$m(x)$	$q(x)$	$L(x)$	$T(x)$	$m(x)_t$	$q(x)_t$	$L(x)_t$	$T(x)_t$	
x									
15-19	0,001	0,003	499228	6003839	0,000	0,002	499399	6027629	23790
20-24	0,001	0,004	497389	5504611	0,001	0,004	497908	5528230	23619
25-29	0,001	0,007	494599	5007222	0,001	0,006	495447	5030322	23100
30-34	0,002	0,010	490455	4512623	0,002	0,009	491592	4534875	22253
35-39	0,003	0,012	484993	4022168	0,002	0,012	486397	4043283	21115
40-44	0,003	0,016	478004	3537175	0,003	0,016	479655	3556886	19711
45-49	0,005	0,022	468747	3059171	0,004	0,022	470622	3077230	18059
50-54	0,006	0,032	456048	2590425	0,006	0,031	458125	2606609	16184
55-59	0,010	0,048	437875	2134377	0,010	0,048	440107	2148484	14107
60-64	0,013	0,065	413173	1696502	0,013	0,065	415505	1708377	11875
65-69	0,021	0,102	378891	1283329	0,021	0,101	381258	1292872	9542
70-74	0,034	0,157	330378	904438	0,034	0,156	332674	911613	7175
75-79	0,061	0,264	262402	574060	0,061	0,263	264439	578939	4879
80-84	0,101	0,405	177542	311659	0,101	0,404	179072	314500	2842
85+	0,198	1	134117	134117	0,197	1	135428	135428	1311

Далее на основе моделирования дожития условной когорты оценивается количество человеко-лет, прожитых населением в каждой возрастной группе, которое рассчитывается по стандартным, принятым в демографии формулам расчета числа живущих отдельно для

реальной ($L(x)$) и гипотетической ситуации при устранении смертности в ДТП - $L(x)_t$ (начальная численность условной когорты принята за 100000).

$T(x)$ и $T(x)_t$ представляют сумму этих показателей от возраста x и далее.

Пример расчета совокупного выигрыша женщин продемонстрирован в таблице 3.

Распределенные по возрасту числа выигранных человеко-лет представлены на рисунке 5.

Совокупный выигрыш мужчин с 2006 по 2011 г. в среднем составил 56353 человеко-лет, женщин – 23790 человеко-лет.

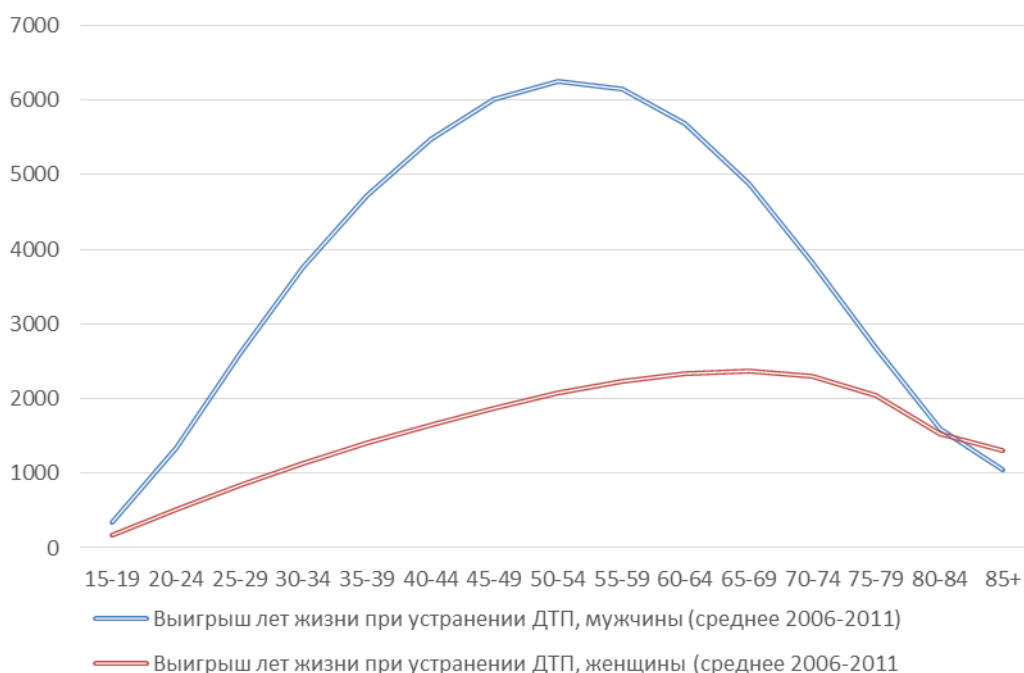

Рисунок 5. Годы предстоящей жизни, выигранные в результате устранения смертности от ДТП в России с 2006 по 2011 г., в среднем за год, население 15 лет и старше

Источник: Расчеты автора на основе данных Минздрава, полученных по форме статистического наблюдения №57 и данных о регистрации смертей, Росстат.

Как видно из рисунка 5, наибольшие потери предстоящих лет жизни у мужчин достигаются в старших трудоспособных возрастах, тогда как у женщин – в пожилых, в которых максимум достигается только в возрастах 65-69 лет.

Выигрыш времени здоровой жизни в результате устранения травматизма

Для расчета выигрыша, выраженного в годах здоровой жизни, необходимо сначала соотнести возрастные числа травм из таблицы 2 с усредненной за соответствующие годы (2006-2011 гг.) численностью населения – тем самым получить значения распространенности травматизма или коэффициенты травматизма $\pi(x)$.

В рамках модели множественного выбытия (*multistate life table*), показатели которой для случая ДТП представлены в таблице 4, предполагается, что из общего числа человеко-лет таблицы смертности определенное число выбывает в результате смертности в ДТП. Оставшиеся представители населения $(L(x))'$ - общее число лет, прожитых ими в интервале x подвержены риску получить ранения в результате ДТП и/или умереть от других причин смерти. $LH(x)'$ - число человеко-лет, прожитых при наличии травм среди тех, кто не умер в результате ДТП в данном возрастном интервале (рисунок 6).

Таблица 4. Некоторые показатели мультистатусной таблицы смертности женщин в России, 2006-2011, в среднем за год

x	$\pi(x)$, на 100000 человек населения	$L(x)'$	$LH(x)'$
15-19	100	499228	1075
20-24	104	497389	3258
25-29	92	494599	5330
30-34	84	490455	7151
35-39	84	484993	8830
40-44	79	478004	10382
45-49	80	468747	11788
50-54	81	456048	13055
55-59	77	437875	14035
60-64	82	413173	14663
65-69	94	378891	14881
70-74	112	330378	14434
75-79	130	262402	12807
80-84	118	177542	9621
85+	87	134117	8243

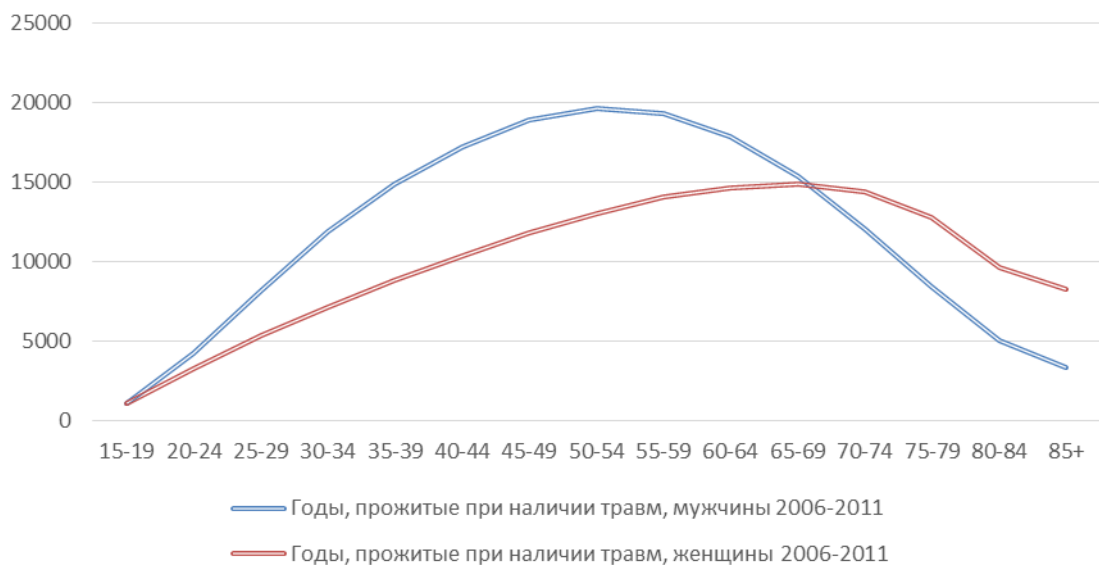

Рисунок 6. Годы нездоровой жизни, прожитые при наличии травм (или годы здоровой жизни, выигранные от устранения травм), полученных в результате ДТП в России с 2006 по 2011 г., в среднем за год, население 15 лет и старше

Источник: Расчеты автора на основе данных Минздрава, полученных по форме статистического наблюдения №57 и данных о регистрации смертей, Росстат.

В продемонстрированной методологии расчета потерь в результате ДТП сделано два допущения.

1. Год жизни, потерянный в результате травматизма, приравнивается к потерянному году жизни в результате смертности в рамках таблиц смертности для населения в целом. Как было показано ранее, последствия травматизма могут быть различными, во многих случаях вообще не приводят к ограничениям в жизнедеятельности. Ввиду этого необходима дальнейшая корректировка полученных значений на степень тяжести ограничений³.
2. По умолчанию принимается, что длительность периода нетрудоспособности, наступившего в результате травмы, равна половине длительности возрастного интервала – 2,5 года. Для более достоверной оценки необходимо иметь представление о периоде жизни, проживаемом с ограничениями среди представителей различных половозрастных групп.

Далее решена первая задача на основе информации, которой располагают исследователи в рамках формы №57. Решение второй задачи на данном этапе представляется невозможным ввиду отсутствия статистических данных.

Корректировка на степень тяжести полученных травм

Не все полученные травмы приводят к серьезным функциональным нарушениям. Для более достоверной оценки необходимо определить виды травм, которые влияют на трудоспособность. Далее произведена попытка решить эту задачу с помощью введения функции весов тяжести последствий полученных травм (Disability weights или *Dw*), используя для ее построения данные о локализации травм по XIX классу МКБ-10.

В качестве локализаций травм, связанных с тяжелыми ограничениями и длительной утратой трудоспособности, определены травмы, связанные с переломами костей и нарушением функционирования внутренних органов:

- внутричерепные травмы;
- переломы костей нижней конечности;
- переломы костей верхней конечности;
- вывихи, растяжения и перенапряжения капсульно-связочного аппарата суставов, травмы мышц и сухожилий;
- переломы позвоночника, костей туловища, других и неуточненных областей тела;
- переломы черепа и лицевых костей;
- последствия травм, отравлений, других воздействий внешних причин;
- травмы внутренних органов грудной и брюшной областей, таза;
- разможнения (раздавливание), травматические ампутации;
- травмы глаза и глазницы;
- травмы нервов и спинного мозга;
- термические и химические ожоги.

³ В рамках исследования ГББ это сделано с помощью специально разработанной системы весов для каждой причины, оцениваемых методом экспертных оценок.

Доля травм этих видов в общем количестве автодорожных травм мужчин 15+ в 2006-2011 гг. в среднем составила 43%, у женщин – 44%.

Скорректировав общее количество лет жизни, прожитых при наличии травм, на их тяжесть, можно рассчитать общее количество лет, потерянное только в связи с тяжелыми травмами (или выигранное от их устранения), которое у мужчин составило 76316 человеко-лет, у женщин - 65803 человеко-лет.

Сводная картина полученных показателей в России с 2006 по 2011 г. в среднем в разбивке по полу представлена на рисунке 7. Интересно, что среди женщин вклад травматизма в общий объем потерянных лет в результате ДТП оказался значимо выше, чем среди мужчин (73% против 58%).

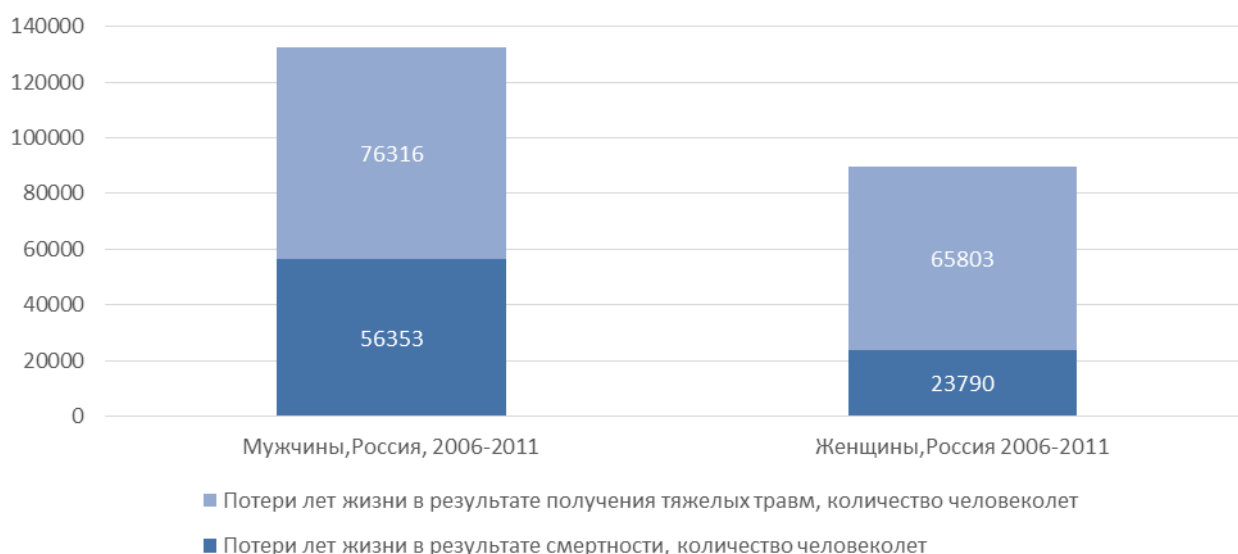

Рисунок 7. Годы жизни, потерянные в результате ДТП в России с 2006 по 2011 г., в среднем за год, население 15 лет и старше

Источник: Расчеты автора на основе данных Минздрава, полученных по форме статистического наблюдения №57 и данных о регистрации смертей, Росстат.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное исследование вносит вклад в существующий задел методологических разработок, посвященных оценке потерь от транспортного травматизма, поскольку в рамках него:

- 1) предложен метод оценки потерь, связанных со смертностью (без использования внешней информации и модельных стандартов);
- 2) изучена возможность определения тяжести полученных травм с использованием информации об их локализации по МКБ-10.

Для более точной оценки требуется подробная детализация статистической информации, в частности показателей травматизма в ДТП в рамках формы №57 по возрасту, как и разработка статистических показателей по другим формам травматизма (в результате самоубийств, падений и др.).

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность Евгению Михайловичу Андрееву за консультирование и помощь при подготовке статьи.

ЛИТЕРАТУРА

Murray C.J.L., A.D. Lopez (1997). Global mortality, disability, and the contribution of risk factors: Global Burden of Disease Study // *The Lancet*. 349, 9063: 1436–1442.

WHO, Regional office for Europe (1981). The epidemiology of accident traumas and resulting disabilities. Report on WHO Symposium: 45.

The World Bank (2014). Global Road Safety Facility, Transport for Health: The Global Burden of Disease from Motorized Road Transport. Washington, DC.

INTEGRAL INDICATORS OF DEMOGRAPHIC LOSSES FROM DEATHS AND INJURIES DUE TO ROAD ACCIDENTS IN RUSSIA *

ALEKSANDR RAMONOV

ALEKSANDR RAMONOV. NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (RUSSIA).

E-MAIL: aramonov@hse.ru.

DATE RECEIVED: October 2015.

The article analyzes the dynamics and structure of deaths and injuries from road traffic accidents in Russia during 2006 to 2011. The analysis is based on the use of integrated indicators of years of life lost. It is shown that the maximum number of years of life lost due to excess mortality and disability (or gained from their elimination) is observed for men in the age group from 40 to 65 years, and for women between 55 and 75 years. New metrics of disability weights are developed.

Key words: external causes of death, health summary measures, road traffic accidents.

* THE ARTICLE WAS PREPARED WITHIN THE FRAMEWORK OF THE ACADEMIC FUND PROGRAM AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (HSE) IN 2015 (GRANT № 15-01-0032) AND SUPPORTED WITHIN THE FRAMEWORK OF A SUBSIDY GRANTED TO THE HSE BY THE GOVERNMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR THE IMPLEMENTATION OF THE GLOBAL COMPETITIVENESS PROGRAM.

REFERENCES

- Murray C.J.L., A.D. Lopez (1997). Global mortality, disability, and the contribution of risk factors: Global Burden of Disease Study // *The Lancet*. 349, 9063: 1436–1442.
- WHO, Regional office for Europe (1981). The epidemiology of accident traumas and resulting disabilities. Report on WHO Symposium: 45.
- The World Bank (2014). Global Road Safety Facility, Transport for Health: The Global Burden of Disease from Motorized Road Transport. Washington, DC.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ

Илья Кашницкий

- Sanderson W.C., S. Scherbov. *Faster increases in human life expectancy could lead to slower population aging*
- Dukhovnov D., E. Zagheni. *Who takes care of whom in the United States? Time transfers by age and sex*
- Wahrendorf M. *Previous employment histories and quality of life in older ages: sequence analyses using SHARELIFE*
- Norberg K., J. Pantano. *Cesarean sections and subsequent fertility*
- Fox J., M. Myrskylä. *Urban fertility responses to local government programs: Evidence from the 1923-1932 U.S.*
- Herr J.L. *Measuring the effect of the timing of first birth on wages*
- Myrskylä M., R. Margolis. *Happiness: Before and after the kids*
- Switek M. *Internal migration and life satisfaction: Well-being paths of young adult migrants*
- Van Mol C., H.A.G. de Valk. *Relationship satisfaction of European binational couples in the Netherlands*
- Klüsener S., J.R. Goldstein. *A long-standing demographic East–West divide in Germany*
- Barclay K., M. Kolk. *Birth order and mortality: A Population-based cohort study*

FASTER INCREASES IN HUMAN LIFE EXPECTANCY COULD LEAD TO SLOWER POPULATION AGING

[Sanderson W.C., S. Scherbov (2015). Faster increases in human life expectancy could lead to slower population aging // PLoS ONE. 10(4): e0121922]

Уорен Сандерсон и Сергей Щербов опубликовали очередную статью, наглядно демонстрирующую преимущества разработанного ими подхода к оценке старения населения — проспективного старения (Prospective Aging). Как часто бывает у данных авторов, название статьи емко характеризует главный результат. А результат звучит довольно парадоксально: ускорение прироста ожидаемой продолжительности жизни может привести к замедлению старения населения. Вроде бы алармистские заголовки газет (да и многих научных статей) утверждают ровно противоположное. В чем же хитрость?

* **Илья Савельевич Кашницкий**. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ» (РОССИЯ). PhD кандидат УНИВЕРСИТЕТА ГРОНИНГЕНА (RUG) и НИДЕРЛАНДСКОГО МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА (NIDI).

E-mail: ikashnitsky@hse.ru

Все дело в понимании старения. На протяжении последнего десятилетия авторы активно призывают пересмотреть наши взгляды на то, что собой представляет старение населения^{1,2,3}. Главная идея их революционного подхода заключается в попытке объективного определения границы старости в современных обществах. Прогресс в снижении смертности во всех возрастах позволяет все большей части населения доживать до все более преклонных лет. Граница пенсионного возраста, наиболее отчетливая социальная граница старости, неизбежно отодвигается (как любая реакция на социальное изменение - с некоторым запозданием) в развитых странах. Если совсем упрощать, сегодняшние 80-летние — это 65-летние несколько десятилетий назад. В условиях продолжающегося снижения смертности Сандерсон и Щербов предлагают проводить границу старости, основываясь на таблицах смертности (по показателю остаточной продолжительности жизни). Тут, конечно, возникает вопрос: насколько продолжительный остаток жизни стоит считать старостью. Проанализировав исторические данные развитых стран, авторы предлагают считать старой ту часть населения, которой осталось прожить 15 лет. Подобный подход радикально меняет картину старения. К примеру, в соответствии с проспективным определением границы старости женщины Франции должны были бы считаться пожилыми в возрасте 58,4 года в 1900 г., 64,8 года в 1956 г. и 74,6 года в 2012 г.

Для иллюстрации метода в статье авторы предлагают рассмотреть три прогнозных (когортно-компонентный демографический прогноз) сценария развития демографической структуры населения Европы с 2013 по 2050 г. Первый сценарий предполагает отсутствие роста ожидаемой продолжительности жизни при рождении, т.е. неизменный уровень смертности 2013 г. во всех возрастах на протяжении всего периода прогноза. Для второго и третьего сценария использованы прогнозные данные изменения смертности из подготовленного Венским институтом демографии European Demographic Data Sheet (EDDS) 2014⁴. Второй сценарий предполагает половину изменения (снижения) возрастных коэффициентов смертности, третий — снижение в соответствии с прогнозом EDDS.

Пересмотр определения границы старости кардинально меняет взгляды на демографическое будущее Европы. Рост доли пожилого населения не будет ускоряться (рисунок 1), а медианный возраст населения (рисунок 2), согласно третьему сценарию, и вовсе может сократиться.

¹ Sanderson W.C., S. Scherbov (2005). Average remaining lifetimes can increase as human populations age // *Nature*. 435(7043): 811–813.

² Sanderson W.C., S. Scherbov (2007). A new perspective on population aging // *Demographic Research*. 16(2): 27–58.

³ Sanderson W.C., S. Scherbov (2010). Remeasuring Aging // *Science*. 329(5997): 1287–1288. URL: <http://doi.org/10.1126/science.1193647>

⁴ VID. European Demographic Data Sheet 2014 [Internet] (2014). Vienna, Austria: Vienna Institute of Demography. URL: http://www.iiasa.ac.at/web/home/research/researchPrograms/WorldPopulation/PublicationsMediaCoverage/ModelsData/EU_data_sheet_2014.pdf

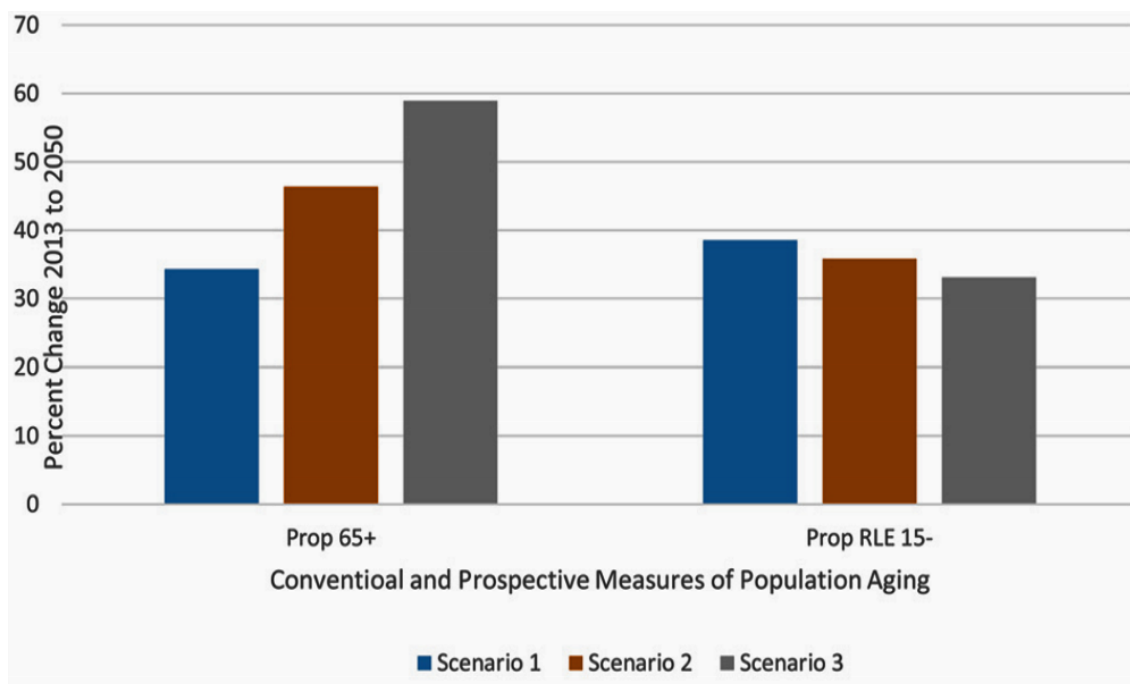

Рисунок 1. Изменение доли пожилого населения Европы с 2013 по 2050 г. при разном определении границы старости и различных сценариях изменения возрастных коэффициентов смертности

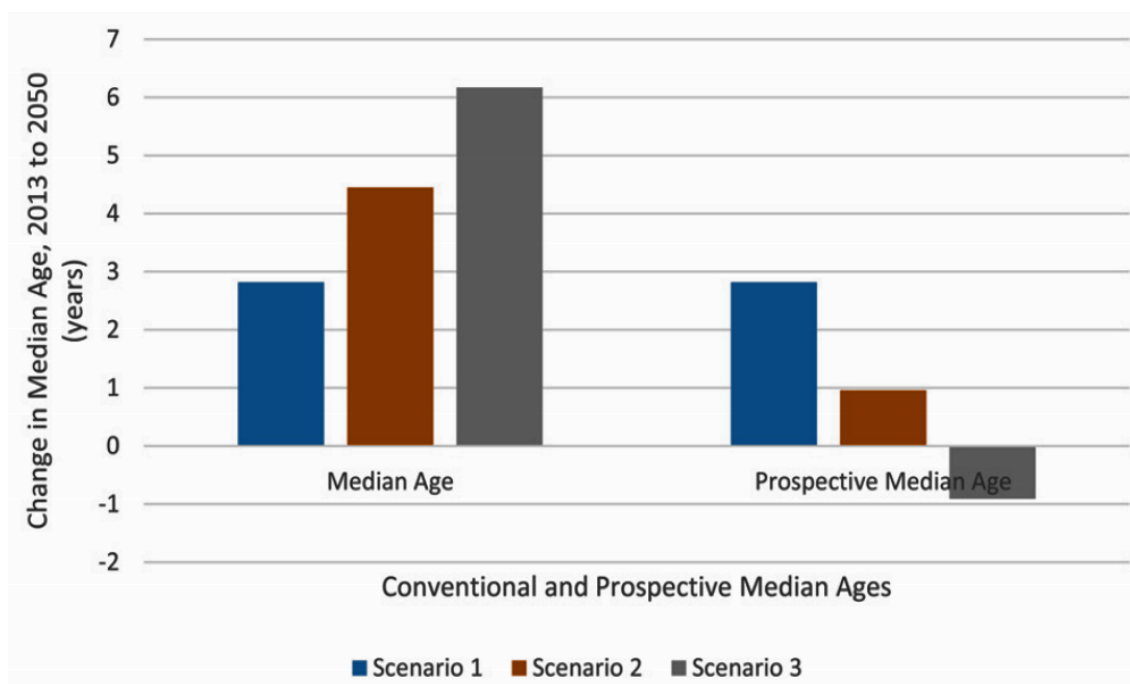

Рисунок 2. Изменение медианного возраста населения Европы с 2013 по 2050 г. при разном определении границы старости и различных сценариях изменения возрастных коэффициентов смертности

В обсуждении авторы отмечают, что выводы анализа не меняются, если принимать за традиционную границу старости возраста 60, 65 или 70 лет, а перспективную границу

старости устанавливать на уровне 10, 15 или 20 лет остаточной продолжительности жизни. В приложении к статье все результаты приведены с разбивкой по странам.

WHO TAKES CARE OF WHOM IN THE UNITED STATES? TIME TRANSFERS BY AGE AND SEX

[Dukhovnov D., E. Zagheni (2015). Who takes care of whom in the United States? Time transfers by age and sex // Population and Development Review. 41(2): 183-206]

Кто за кем ухаживает? Дэнис Духовнов и Эмилио Зажени изучили взаимосвязи поколений в США в контексте оказания неформальной помощи. Под неформальной помощью принято понимать не денежную и не институционализированную помощь. Как правило, она оказывается в семье. Неформальная помощь трудно поддается учету. При этом пренебрежение ею приводит к сильно искаженной картине межпоколенных трансфертов. По экспертным оценкам, в 2012 г. в США неформальной помощи суммарно было оказано в объеме более 1 млрд трудовых часов в неделю, что эквивалентно работе 30,5 млн профессиональных социальных работников при их полной занятости.

Авторы использовали данные Американского исследования использования времени (American Time Use Survey, ATUS) за 2011-2013 гг., с помощью которых рассчитали временные трансферты по полу и пятилетним возрастным группам. В целом наиболее активными потребителями неформальной помощи остаются дети (рисунок 3).

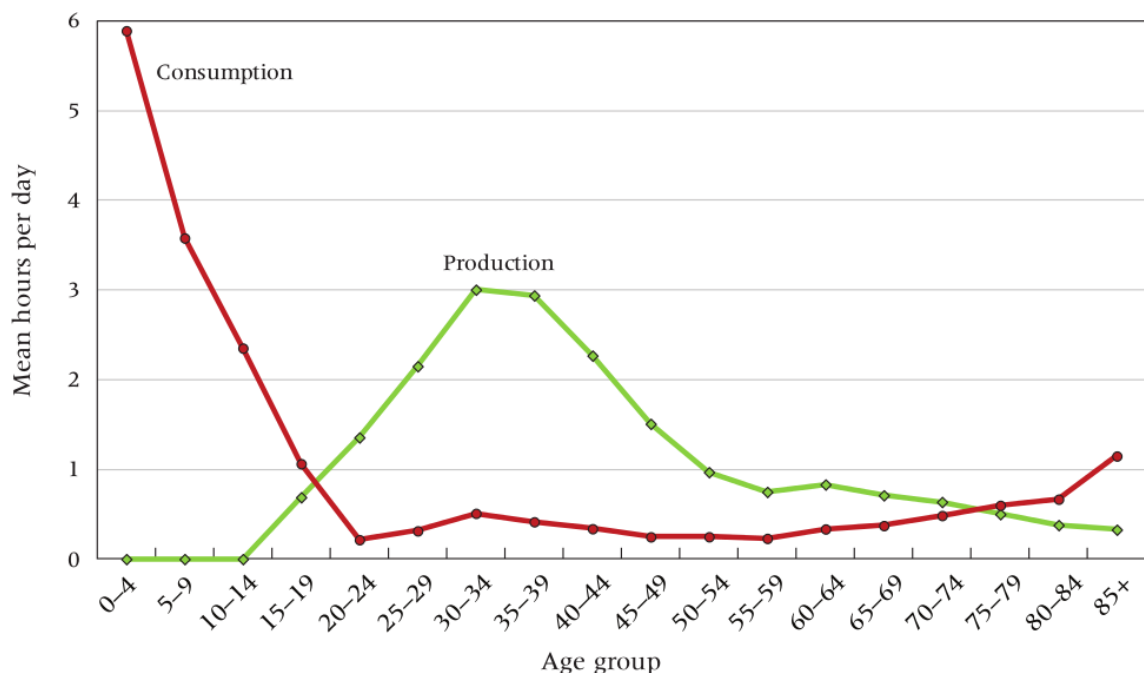

Рисунок 3. Возрастные профили производства (зеленая линия) и потребления (красная линия) неформальной помощи в США, 2011-2013

Особое внимание в работе уделено так называемому сэндвич-поколению: это люди средних лет, вынужденные оказывать поддержку одновременно и детям, и пожилым. Определение данного поколения варьируется в различных исследованиях. Духовнов и

Зажени на основании данных ATUS отнесли к нему исключительно тех респондентов, которые ежедневно оказывают помощь как минимум одному ребенку и одному пожилому. Таких оказалось не более 3% от всех опрошенных (всего же до трети американцев вовлечены в оказание регулярной неформальной помощи). Представителям сэндвич-поколения вполне ожидаемо приходится жертвовать существенно большим временем (рисунок 4).

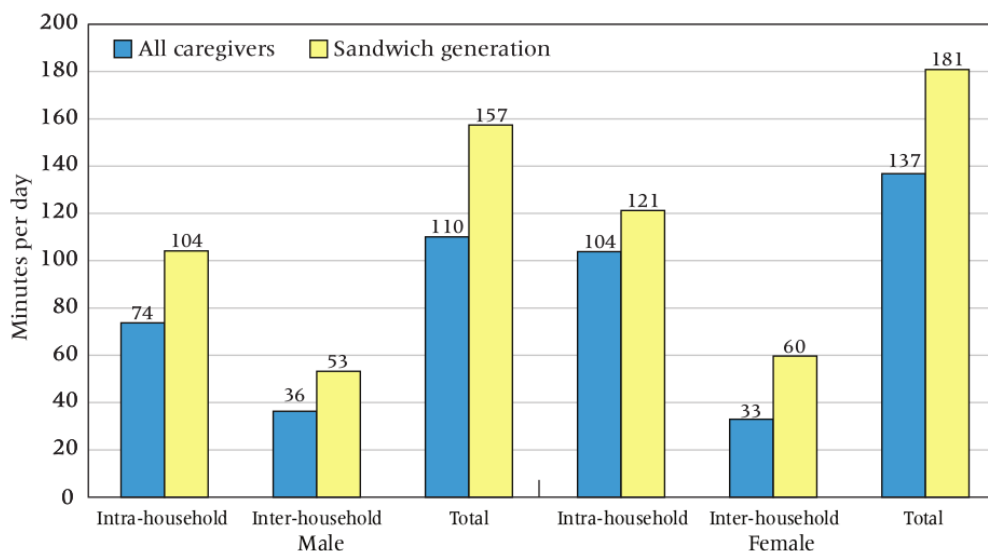

Рисунок 4. Средняя продолжительность оказания ежедневной неформальной помощи: сэндвич-поколение (желтый) на фоне всех прочих

Поскольку данные обследования репрезентативны для США, авторы производят оценку соотношения предоставляющих и получающих неформальную помощь и рассчитывают дефицит неформальной помощи, развитие показателей прогнозируется до 2050 г. (рисунок 5).

Любопытно, что наибольшая нехватка неформальной помощи наблюдалась в 1960-х и 1970-х годах и была связана с бэби-бумом.

В целом, отмечают авторы, неформальная помощь в основном направлена от старших поколений к младшим. Неожиданным результатом стала существенная интенсивность помощи внутри пятилетних возрастных групп, которая, очевидно, связана с оказанием помощи своим супругам или партнерам.

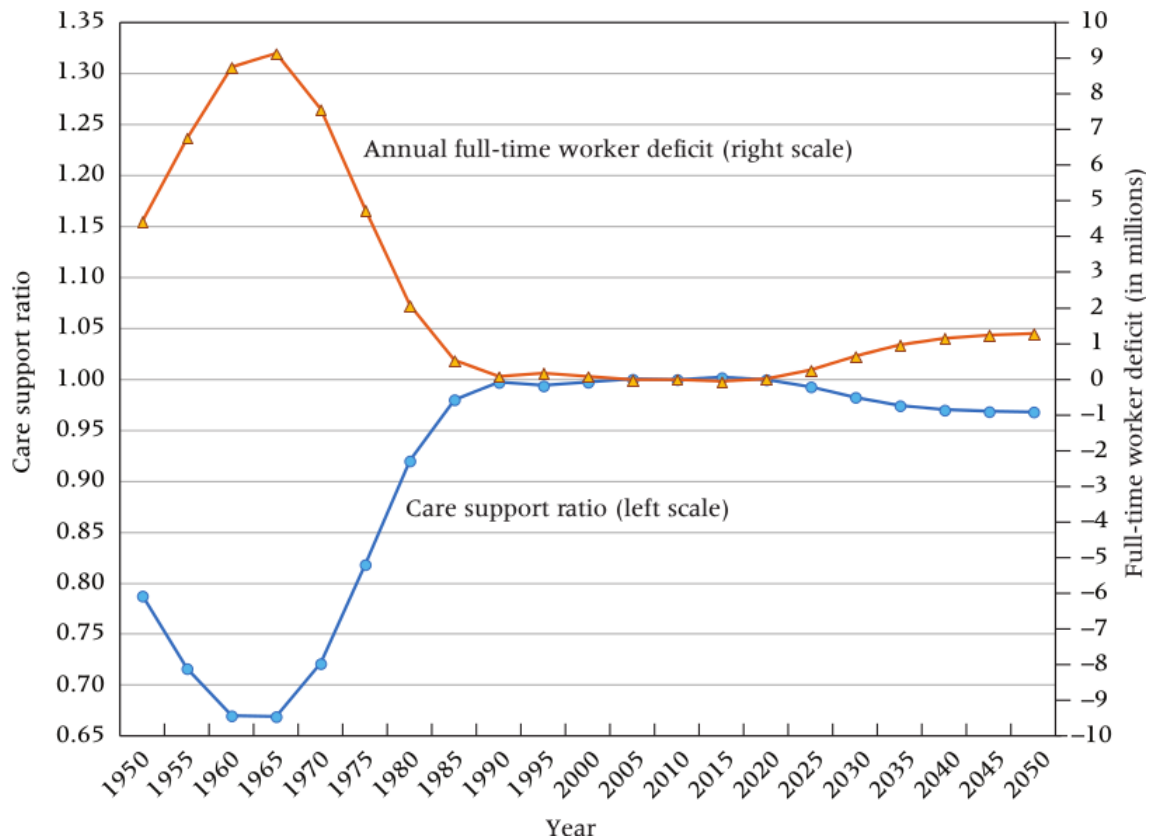

Рисунок 5. Соотношение предоставляющих и получающих неформальную помощь (синяя линия, левая шкала) и дефицит неформальной помощи (оранжевая линия, правая шкала), выраженный в эквиваленте социальных работников на полной занятости, США, 1950-2050

Примечание: При прогнозе до 2050 г. временные трансферты приняты неизменными на уровне 2011-2013 гг.

PREVIOUS EMPLOYMENT HISTORIES AND QUALITY OF LIFE IN OLDER AGES: SEQUENCE ANALYSES USING SHARELIFE

[Wahrendorf M. (2015). Previous employment histories and quality of life in older ages: sequence analyses using SHARELIFE // Ageing & Society. 35(09): 1928-1959]

Мортен Варендорф исследовал зависимость качества жизни на старости лет от истории трудоустройства на протяжении жизни. Для этого он применил анализ последовательностей к индивидуальным данным Обследования здоровья, старения и выхода на пенсию в Европе (Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe, SHARE). Были проанализированы завершённые карьерные траектории (с 30 до 65 лет) 4808 мужчин и 4907 женщин из 13 стран Евросоюза в возрасте от 65 лет на момент обследования.

Все многообразие индивидуальных карьерных траекторий с помощью анализа последовательностей было сгруппировано в 10 кластеров отдельно для мужчин (рисунок 6) и женщин (рисунок 7). Суммарная статистика по кластерам - в таблице 1, по состояниям - в таблице 2.

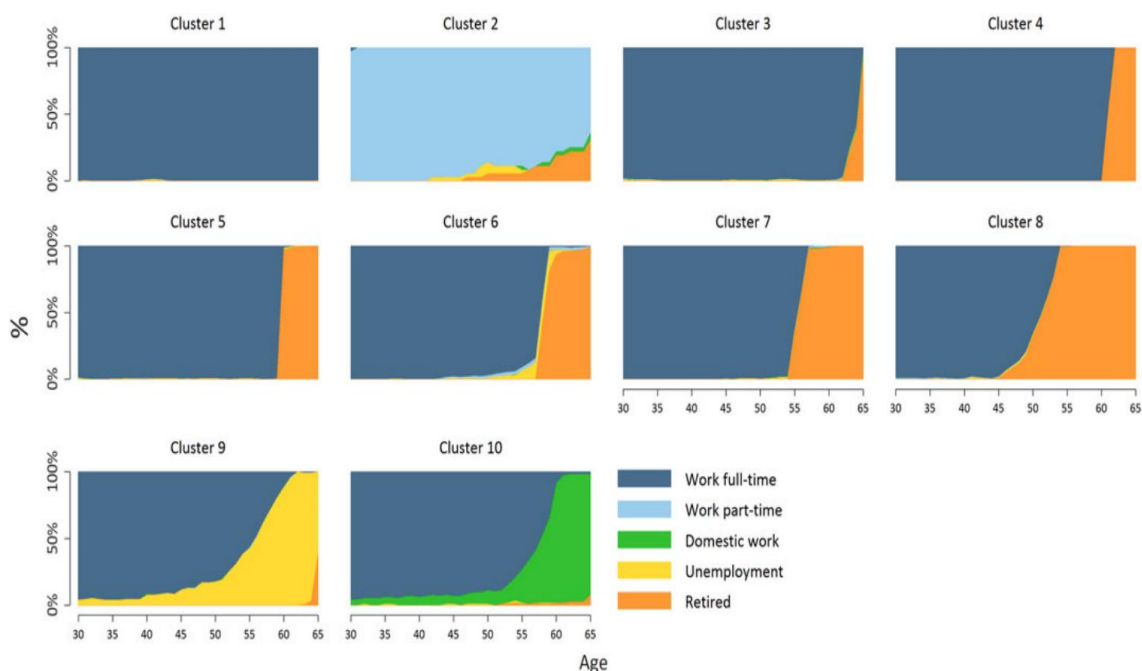

Рисунок 6. Трудоустройство мужчин по возрасту и кластерам (N=4808)

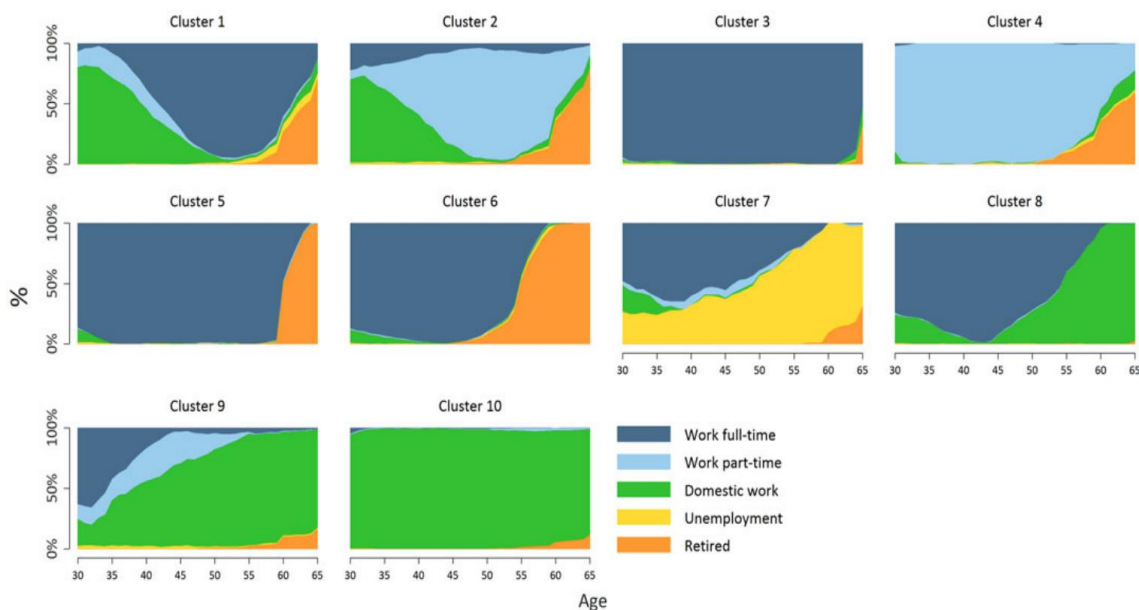

Рисунок 7. Трудоустройство женщин по возрасту и кластерам (N=4907)

Женщины вполне ожидаемо обладают гораздо более турбулентной карьерной историей. Доминантным состоянием для мужчин, безусловно, является работа на полную занятость, тогда как для женщин наряду с официальным трудоустройством не меньшее значение имеет неформальная занятость дома. Кроме того, женщины существенно большую часть карьеры проводят, работая при частичной занятости.

Далее с помощью регрессионного анализа проверялась зависимость между определенным типом истории трудоустройства и уровнем благополучия на старости лет.

Дабы отсеять возможность обратной зависимости (когда слабое здоровье мешает нормальному развитию карьеры), все индивидуумы с проблемами здоровья на протяжении трудоспособного возраста были исключены из рассмотрения.

Таблица 1. Суммарная статистика по кластерам

Кластер	Мужчины			Женщины		
	число наблюдений	%	индекс однородности	число наблюдений	%	индекс однородности
1	640	13,31	0,004	350	7,13	0,381
2	36	0,75	0,141	382	7,78	0,422
3	1208	25,12	0,040	385	7,85	0,045
4	564	11,73	0,013	175	3,57	0,169
5	779	16,20	0,010	518	10,56	0,070
6	500	10,40	0,074	903	18,40	0,142
7	519	10,79	0,035	108	2,20	0,454
8	317	6,59	0,084	338	6,89	0,243
9	130	2,70	0,203	284	5,79	0,400
10	115	2,39	0,184	1464	29,83	0,062
Всего	4808			4907		
Псевдо R ²	0,744			0,721		

Все сравнения производились с кластерами первого типа, классическими карьерными историями работы на полную занятость на протяжении большей части трудовой жизни. Этот тип карьерной истории характерен для 95% мужчин и лишь для 40% женщин. Для мужчин ранний выход на пенсию (до 55 лет) однозначно ассоциировался с более низким уровнем жизни на старости лет. У женщин низкий уровень жизни в пожилом возрасте связан с преобладанием домашней занятости или безработицы на протяжении карьеры. И мужчины, и женщины живут хуже в старости, если их карьера закончилась безработным состоянием до 65 лет. Любопытно, что женщины не испытывают худших условий жизни, если их преимущественно трудоустроенная карьера заканчивалась домашним трудом на зрелом этапе карьеры. В целом менее хаотичные трудовые карьеры ассоциируются с большим достатком на старости лет, особенно это характерно для мужчин. Эта закономерность лишь отчасти может быть объяснена более высокими текущими доходами пенсионеров с успешными карьерами в прошлом.

Таблица 2. Суммарная статистика карьерных траекторий

	Мужчины		Женщины	
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение
Число наблюдений	4808		4907	
Средняя продолжительность (годы):				
работа на полную занятость	30,23	5,36	14,22	13,41
работа на частичную занятость	0,34	3,02	3,22	8,00
работа дома	0,26	1,72	14,41	15,16
без работы	0,51	2,36	0,65	3,42
на пенсии	4,68	4,22	3,40	4,51
Среднее число изменений состояния	1,99	0,62	2,20	1,12
Энтропия Шэннона	0,53	0,33	0,64	0,52

CESAREAN SECTIONS AND SUBSEQUENT FERTILITY

[Norberg K., J. Pantano (2016). Cesarean sections and subsequent fertility // Journal of Population Economics. 29(1): 5-37]

Кэрин Норберг и Хуан Пантано изучают, как кесарево сечение отражается на последующей репродуктивной деятельности женщин. В самом начале статьи они отмечают, что кесарево сечение становится все более распространенной практикой родовспоможения и в скором времени можно ожидать, что большая часть родов будет проходить при активном хирургическом вмешательстве. В США доля таких родов выросла с 4-6% в 1940 г. до 32,9% в 2009 г. При этом многочисленные исследования с тревогой фиксируют сильное сокращение рождаемости у женщин, прошедших через кесарево сечение. До сих пор объяснительные модели этого сокращения базировались в основном на анализе физиологических последствий сложных родов. Норберг и Пантано предлагают взглянуть на проблему под новым, демографическим, углом. Изучив данные нескольких крупных обследований (NSFG, NLSY79, DHS), они пришли к выводу, что значительная доля снижения рождаемости после кесарева сечения может быть объяснена сознательным отказом женщин от дальнейших родов, т.е. изменением взглядов на дальнейшее планирование семьи. После кесарева сечения резко возрастает склонность женщин использовать активные методы контрацепции.

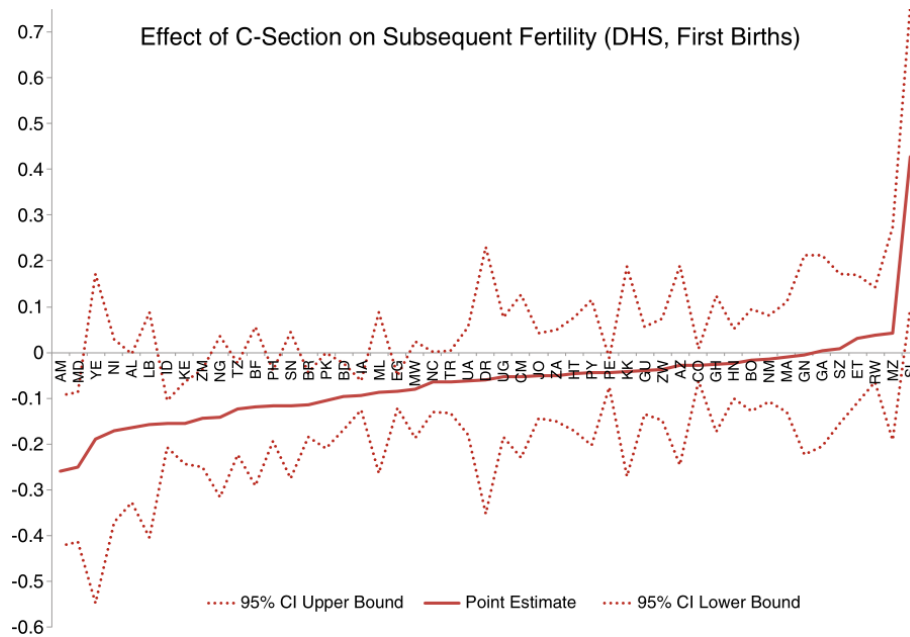
Результаты моделирования показывают, что статистически значимое снижение рождаемости наблюдается для всех женщин, переживших кесарево сечение, вне зависимости от очередности рождения, при котором понадобилось хирургическое вмешательство, или данных, использованных для анализа. При этом во всех регрессионных моделях осуществлялся контроль уровня образования, расы и возраста матери при родах, а также пола ребенка, при рождении которого применялось кесарево сечение. Примечательно, что снижение рождаемости сильнее для женщин, для которых роды с кесаревым сечением оказались не первыми родами в жизни (рисунок 8).

Но снижение рождаемости - вполне ожидаемый результат, который лишь подтверждает многочисленные предыдущие исследования. Авторы статьи идут дальше и анализируют взаимную зависимость родов с кесаревым сечением и последующего использования активной контрацепции женщинами и находят сильную положительную корреляцию. При подобном моделировании также обнаруживается усиление эффекта в зависимости от очередности рождения: женщины, которым делали кесарево сечение во время первых родов, менее склонны к последующему отказу от деторождения. И тут исследователи задаются красивым вопросом: а не может ли быть так, что вероятность кесарева сечения выше у женщин, завершающих свою репродуктивную "карьеру"? Моделирование показывает, что статистически значимой взаимосвязи нет.

Еще более любопытный дополнительный вопрос, который тестируют авторы статьи, затрагивает изменение представлений об идеальном размере семьи после кесарева сечения. С помощью панельных данных (NLSY79) авторы корректно отвечают на это вопрос. Во всех случаях наблюдается снижение желаемого числа детей после кесарева сечения.

В завершение своего многогранного анализа авторы предлагают будущим исследователям вопроса постараться выработать квазиэкспериментальный подход к исследованию, чтобы можно было с полной уверенностью говорить о влиянии кесарева сечения на последующую рождаемость, а не только фиксировать наличие сильной и статистически значимой корреляции.

А.

Б.

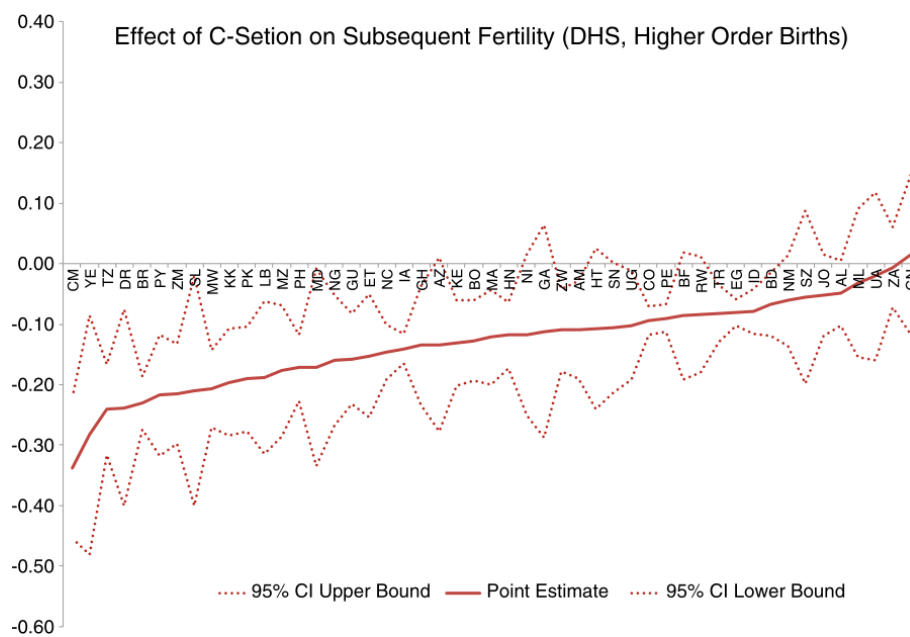

Рисунок 8. Влияние кесарева сечения на вероятность последующих родов: А - кесарево сечение при первых родах; Б - при последующих родах

URBAN FERTILITY RESPONSES TO LOCAL GOVERNMENT PROGRAMS: EVIDENCE FROM THE 1923-1932 U.S.

[Fox J., M. Myrskylä (2015). *Urban fertility responses to local government programs: Evidence from the 1923-1932 U.S.* // *Demographic Research*. 32: 487-532]

Джонатан Фокс и Микко Мюрскюла оценили, насколько значимый эффект оказывали на рождаемость меры финансовой поддержки, осуществляемой на местах, в США в 1923-1932 гг. Именно в эти годы в большинстве городов США рождаемость опустилась ниже уровня простого воспроизводства (рисунок 9).

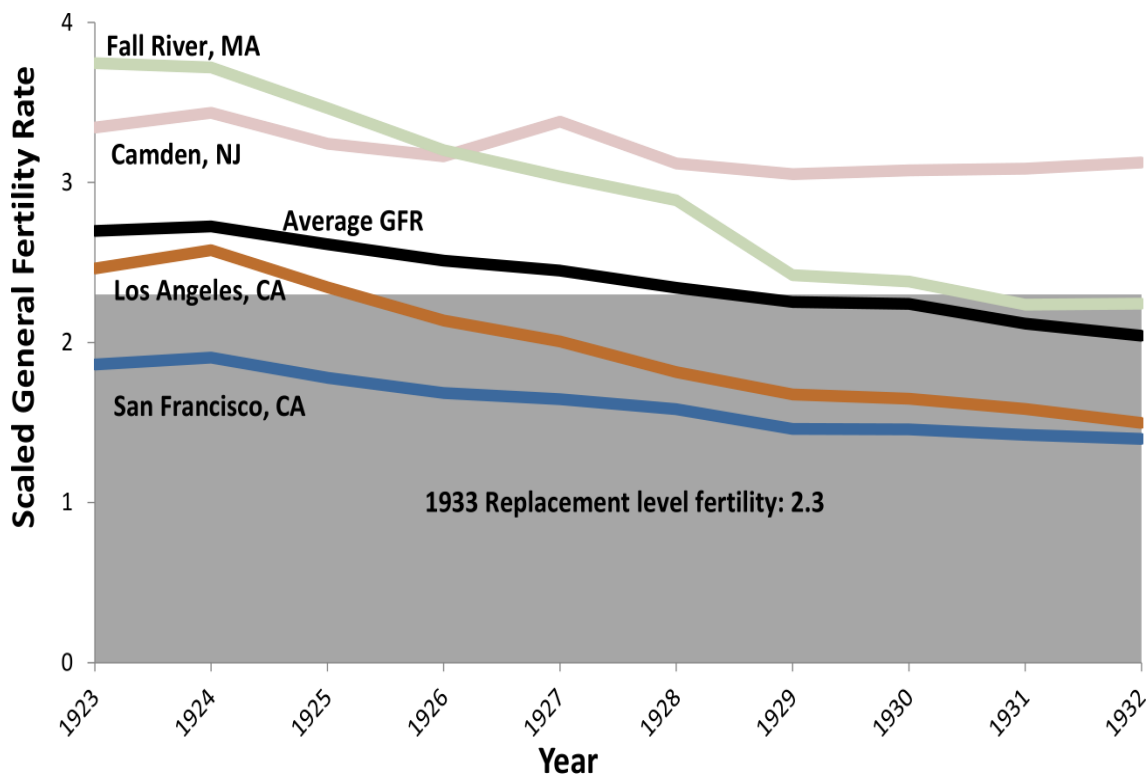

Рисунок 9. Тренды рождаемости в городах США с 1923 по 1932 г.

Примечание: Отображенный показатель - нормированный коэффициент рождаемости (число рожденных в данном году детей на одну женщину в возрасте 15-44 года в указанном городе, умноженное на 30 для сопоставимости с коэффициентом суммарной рождаемости). Уровень простого воспроизводства для данного периода (2,3) рассчитан с учетом соотношения полов при рождении и младенческой смертности.

Авторы отмечают, что за исключением достаточно хорошо изученных локальных подъемов рождаемости в 1940-50-х и 1970-х годах, начиная с середины XIX века в США наблюдается снижение рождаемости. В разные временные отрезки и в разных частях страны непосредственные факторы, способствовавшие снижению рождаемости, сильно варьировались. В изучаемый период в США активно развивались муниципальные программы по поддержке здоровья и благосостояния. И хотя их прямой целью не было заявлено ускорение снижения рождаемости, проведенный анализ показывает, что в тех городах, где программы привлекали большее финансирование, рождаемость снижалась существенно быстрее. Среди муниципальных программ авторы фокусируют внимание на

трех направлениях: сохранение жизни младенцев, благотворительность в пользу матерей и детей, уход за малоимущими.

Регрессионная модель, учитывающая максимальное количество контрольных переменных, показывает, что наибольший косвенный эффект на снижение рождаемости оказывали меры по сохранению жизни младенцев. Эта мера, изначально направленная на снижение смертности, ответственна за 10% снижения уровня рождаемости за исследуемый период. Авторы отдельно отмечают, что ни в каких исторических документах, относящихся к внедрению программ, не нашли упоминаний о целенаправленном воздействии на рождаемость.

MEASURING THE EFFECT OF THE TIMING OF FIRST BIRTH ON WAGES

[Herr J.L. (2015). Measuring the effect of the timing of first birth on wages // Journal of Population Economics. 29(1): 39-72]

Джейн Лебер Хер исследовала зависимость между откладыванием женщинами первого рождения и их последующими заработками. Многочисленные предшествующие работы показывают, что наличие детей негативно сказывается на уровне заработка женщин. При этом величина потери в доходах зависит от возраста, когда женщина решается стать матерью. Большинство эмпирических исследований свидетельствуют, что откладывание первого рождения на поздние детородные возраста положительно сказывается на кривой прироста зарплаты женщины. Взаимосвязь не линейная. Так, одно из исследований показывает, что при откладывании рождения первого ребенка как минимум до возраста 30 лет исчезает разрыв между последующим доходом женщины и доходом бездетных женщин.

Автор справедливо замечает, что при подобном исследовании уместно говорить не об абсолютном возрасте женщины при наступлении демографических событий, а о разнице во времени выхода на рынок труда и рождения первенца. Предполагается, что негативное влияние рождения ребенка на уровень дохода зависит от того, на какой стадии карьеры женщине приходится брать довольно продолжительный отпуск. В молодом возрасте, на ранних стадиях карьеры, прирост дохода происходит значительно быстрее, чем в более зрелом возрасте. Поэтому потеря именно первых лет трудоустройства наиболее сильно урезает уровень дохода.

Однако возможна и более сложная взаимосвязь, когда женщина сначала рождает ребенка, и лишь затем впервые выходит на рынок труда. Проведение данного разграничения и комплексный анализ взаимосвязи тайминга выхода на рынок труда и рождения первого ребенка - главный вклад статьи, по мнению автора. На удивление, значительна доля женщин в современных США, в жизни которых рождение первого ребенка происходит раньше трудоустройства на полную занятость (рисунок 10).

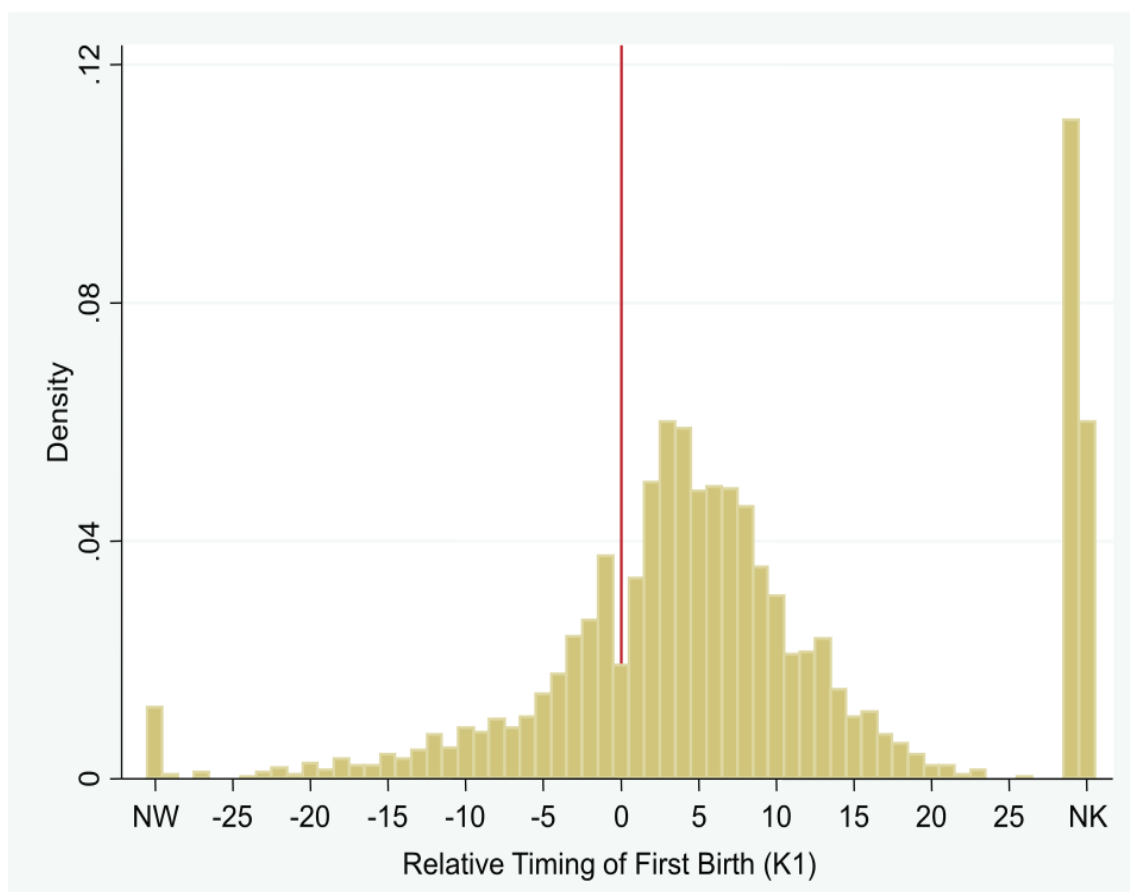

Рисунок 10. Распределение относительного времени рождения первого ребенка по сравнению со временем начала карьеры (показатель: календарный год рождения первого ребенка минус календарный год начала карьеры)

Примечание: NW - никогда не работавшие женщины; NK - бездетные женщины. Примечательно, что сравнительно малая доля женщин выходят на работу и рожают первенца в один год (0 на графике).

Результаты анализа показывают, что ранее установленная положительная линейная взаимосвязь между откладыванием рождения первого ребенка и уровнем последующего дохода справедлива лишь для женщин, вынужденных прерывать карьеру ради деторождения. Для женщин, сначала родивших первого ребенка, а затем вышедших на работу, подобная взаимосвязь не прослеживается (рисунок 11). Т.е. для уровня дохода женщины не важно, сколько лет пройдет между рождением первенца и выходом на работу, если рождение происходит до начала карьеры.

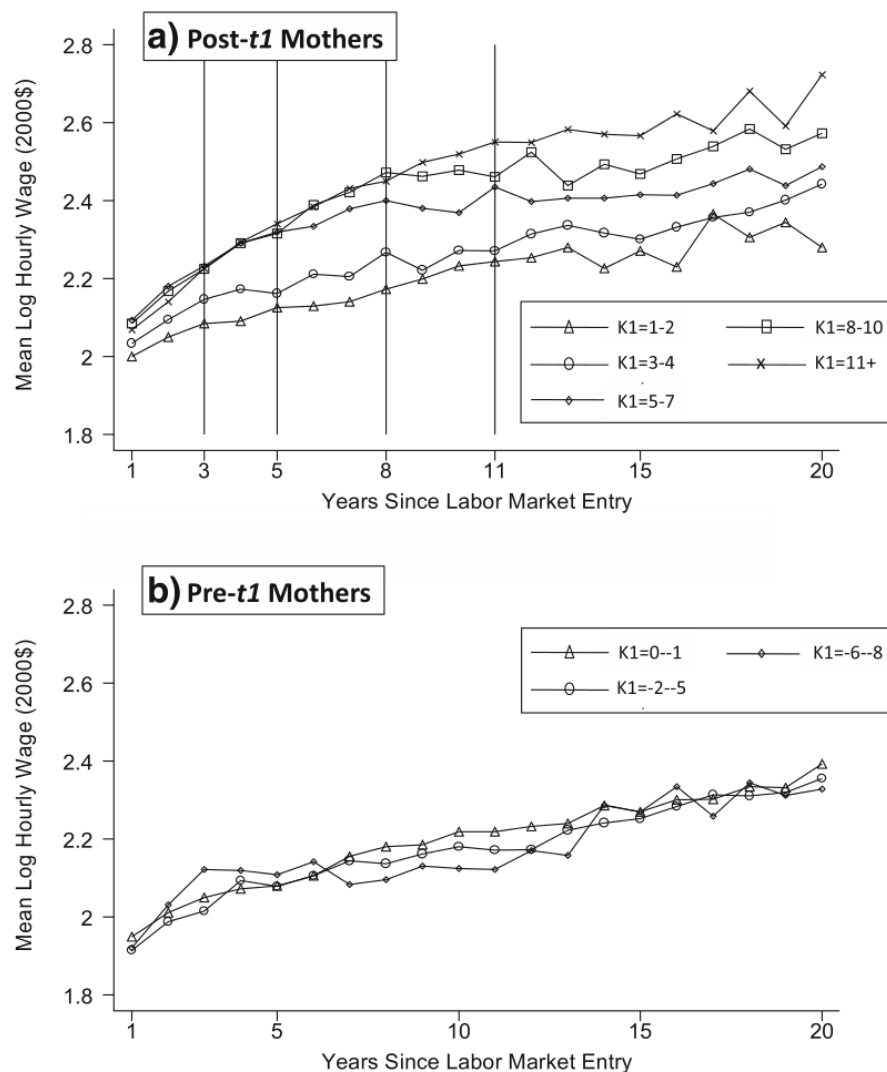

Рисунок 11. Рост дохода на протяжении карьеры в зависимости от относительного тайминга рождения ребенка по сравнению с выходом на рынок труда для: а) тех женщин, которые сначала начали работать; б) тех женщин, которые сначала родили первого ребенка

HAPPINESS: BEFORE AND AFTER THE KIDS

[Myrskylä M., R. Margolis (2014). *Happiness: Before and after the kids* // *Demography*. 51(5): 1843–1866]

Микко Мюрскюла и Рэйчел Марголис изучают, какое воздействие оказывает появление первого ребенка на субъективное ощущение удовлетворенности родителей. Авторы отмечают, что данная взаимосвязь, до сих пор крайне редко использовавшаяся в качестве объясняющей модели репродуктивного поведения, обладает значительным потенциалом.

Многочисленные предыдущие исследования показывали, что родители подвергаются большему стрессу, чем бездетные. Однако такое сравнение не вполне корректно, поскольку решение заводить детей или нет может скрывать прочие неучтенные различия. Авторы статьи отмечают, что необходимо исследовать изменение уровня счастья

на индивидуальном уровне до и после рождения ребенка. Для этого они используют данные двух панельных обследований в Германии (German Socio-Economic Panel, SOEP) и Великобритании (British Household Panel Survey, BHPS).

Результаты анализа показывают, что рождение ребенка связано с непродолжительным всплеском уровня счастья, который, как правило, завершается через год после появления ребенка. Впрочем, есть значительные различия в зависимости от личностных и социально-экономических характеристик родителей.

Все последующие графики отражают коэффициенты регрессионных моделей при советующих переменных.

Женщины испытывают больший эмоциональный подъем в связи с рождением первого ребенка, чем мужчины (рисунок 12). При этом после периода эйфории их уровень счастья быстрее возвращается на исходные или даже низшие позиции.

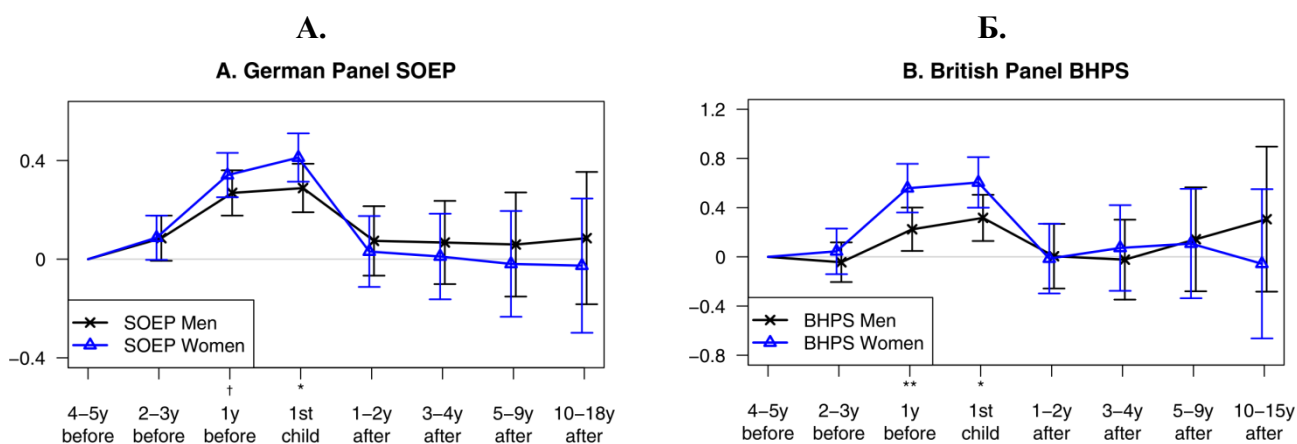

Рисунок 12. Изменение уровня счастья до и после рождения первого ребенка в зависимости от пола родителя: А – в Германии; Б – в Великобритании

Любопытны различия по возрасту родителей (рисунок 13). Тут наблюдается отчетливая положительная взаимосвязь между откладыванием рождения первого ребенка и силой положительного эмоционального переживания. Для очень молодых родителей (18-22 лет), видимо, уровень стресса, связанный с рождением первенца, заглушает эффект эмоционального подъема. Наибольшие эмоциональные дивиденды получают люди, ставшие родителями после 35 лет. Примечательно также, что у них уровень удовлетворенности не опускается до изначальных значений вскоре после родов.

Официально зарегистрированный союз родителей положительно отражается на уровне счастья незадолго до и после рождения первого ребенка (рисунок 14). Наблюдаются существенные различия между Германией и Великобританией. Регистрация союза имеет значительно большее влияние в Великобритании.

Уровень образования родителей нетривиально влияет на изменение субъективной удовлетворенности: положительный для мужчин и отрицательный для женщин (рисунок 15). Результаты настолько похожи для Германии и Великобритании, что авторы публикуют их только для большей выборки - Германии.

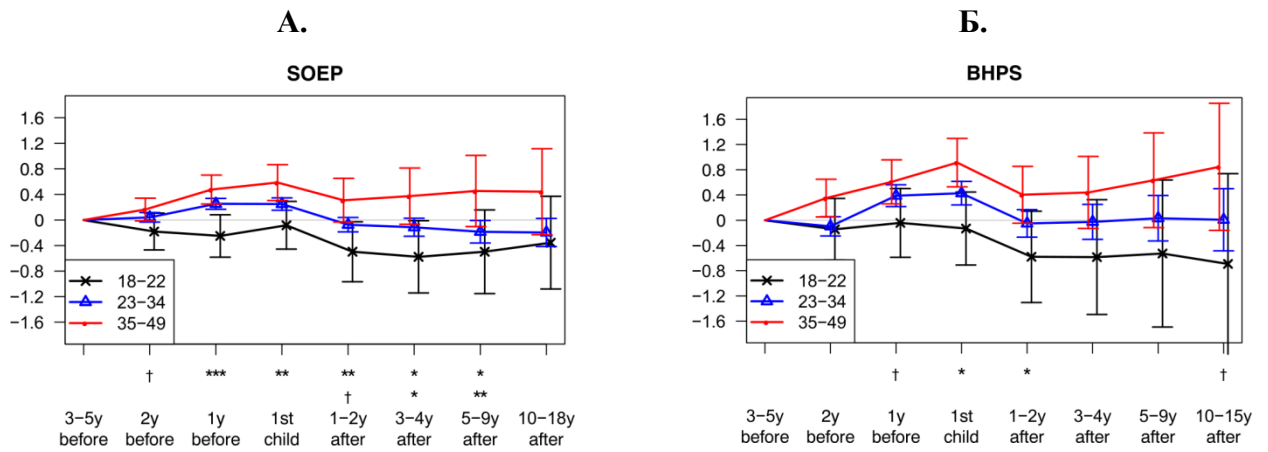

Рисунок 13. Изменение уровня счастья до и после рождения первого ребенка в зависимости от возраста родителей: А – в Германии; Б – в Великобритании

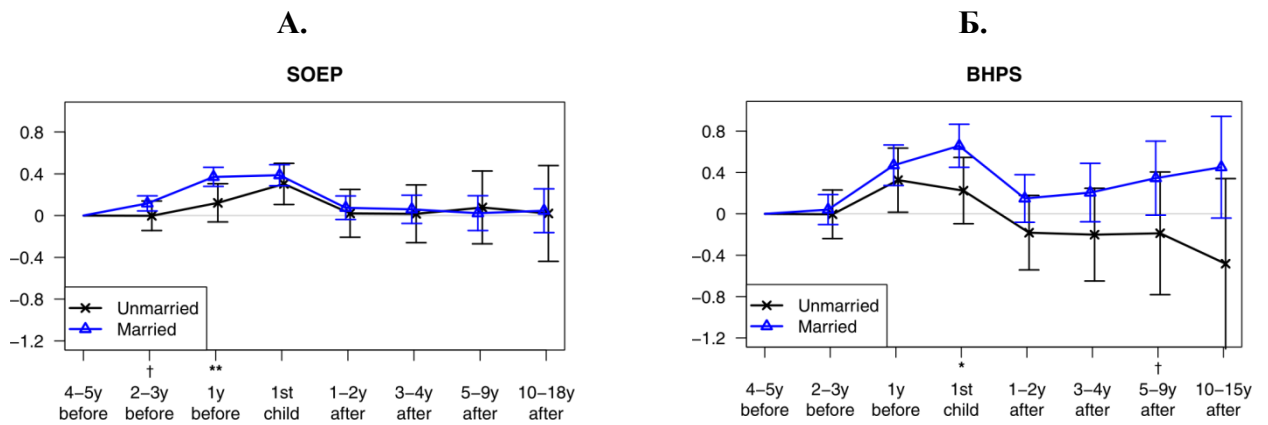

Рисунок 14. Изменение уровня счастья до и после рождения первого ребенка в зависимости от семейного статуса родителей: А – в Германии; Б – в Великобритании

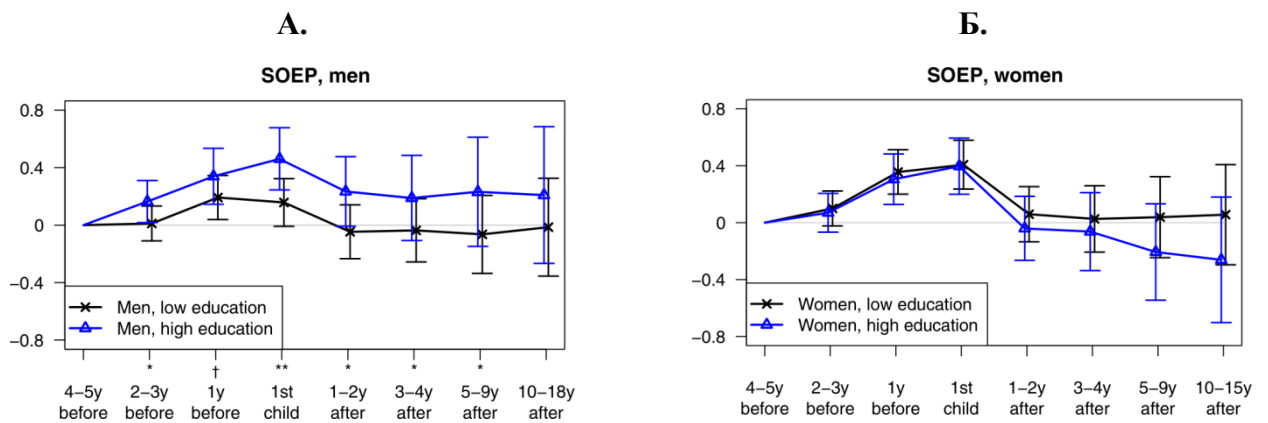

Рисунок 15. Изменение уровня счастья до и после рождения первого ребенка в зависимости от уровня образования родителей: А - Германия, мужчины; Б - Германия, женщины

Наблюдаются довольно ощутимые различия по очередности рождений. К сожалению, относительная малочисленность рождений высокой очередности не позволяет проводить детальное сравнение в зависимости и от очередности детей, и от характеристик

родителей. Однако примечательно, что сила эмоционального дивиденда от рождения ребенка неизменно убывает с очередностью ребенка (рисунок 16). Вскоре после третьего ребенка наблюдается неуклонное падение уровня удовлетворенности родителей.

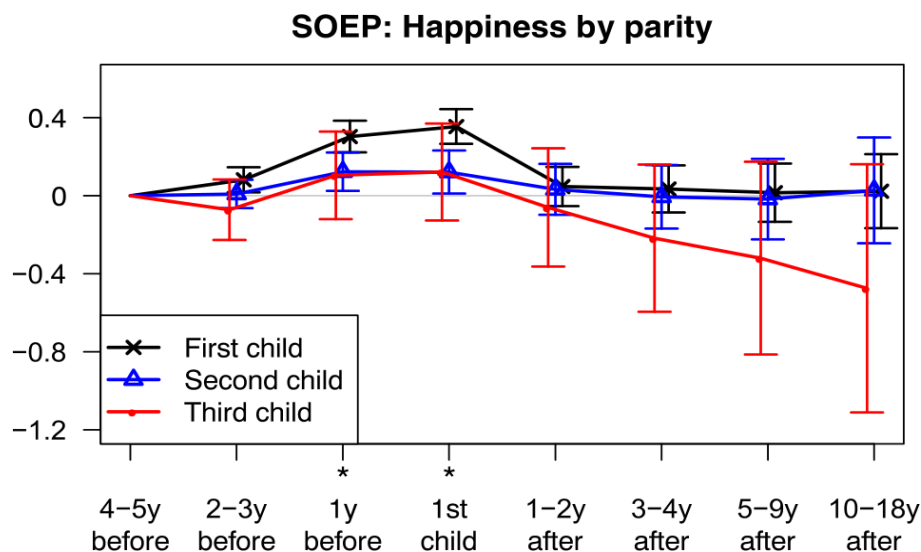

Рисунок 16. Изменение уровня счастья до и после рождения ребенка в зависимости от очередности ребенка

Авторы отмечают, что изменения уровня счастья незадолго до и после рождения ребенка предстают сильным объясняющим фактором низкого уровня рождаемости и откладывания деторождения в современном обществе. Вместе с ростом значимости персональных предпочтений при принятии важных решений в жизни возрастает и значение субъективной удовлетворенности. Наблюдаемые различия в уровне удовлетворенности жизнью среди молодых родителей, обладающих неравными ресурсами, могут стимулировать распространение откладывания деторождения.

Авторы оговариваются, что результаты их исследования могут сильно зависеть от временного контекста: данные обследований относятся к 1984-2009 гг., когда в развитых странах повсеместно наблюдалось откладывание деторождений. Было бы некорректно утверждать, что изменения уровня счастья были главной причиной откладывания рождений. Скорее, полученные авторами результаты позволяют в новом свете взглянуть на второй демографический переход.

INTERNAL MIGRATION AND LIFE SATISFACTION: WELL-BEING PATHS OF YOUNG ADULT MIGRANTS

[Switek M. (2016). Internal migration and life satisfaction: Well-being paths of young adult migrants // Social Indicators Research. 125(1): 191-241]

Малгоржата Швитек исследовала, как меняется субъективная удовлетворенность жизнью у молодых мигрантов, совершающих внутренние переселения. Миграции внутри страны, как правило, отчетливо взаимосвязаны с увеличением дохода. Однако взаимосвязь с уровнем счастья не вполне очевидна. Наблюдается ли рост удовлетворенности с перемещением и

зависит ли он от причины переезда?

Автор использовала данные панельного обследования шведской молодежи (Swedish Young Adult Panel Study). Уровень удовлетворенности переселенцев сравнивался с аналогичным показателем для молодых людей, не совершавших миграцию. Кроме того, объем выборки позволил автору провести сравнение по причинам миграции (рабочая и нерабочая миграция) и по длительности эффекта после миграции.

Общий уровень удовлетворенности значительно возрастает после перемещения, связанного с работой. Этот эффект наблюдается и через 10 лет после переезда. При переселении, не связанном с работой, положительный эмоциональный эффект наблюдается лишь в первые 6 лет. По мнению автора, переезд, связанный со сменой работы, как правило, поднимает социально-экономический уровень человека, что в свою очередь оказывает продолжительное положительное влияние на самоощущение человека. Напротив, переезд, не связанный со сменой работы, стимулирует непродолжительный эмоциональный всплеск, как правило, связанный с улучшением жилищных условий; этот эффект довольно быстро улетучивается.

Феномен различного воздействия миграции на уровень удовлетворенности в зависимости от причины миграции, по мнению автора, крайне важен для объяснения наблюдавшихся ранее противоречий в эмпирических работах по теме, в которых обычно мигранты исследовались как целостная категория.

RELATIONSHIP SATISFACTION OF EUROPEAN BINATIONAL COUPLES IN THE NETHERLANDS

[Van Mol C., H.A.G. de Valk (2016). Relationship satisfaction of European binational couples in the Netherlands // International Journal of Intercultural Relations. 50: 50-59]

Кристоф Ван Мол и Хельга де Вальк изучали удовлетворенность отношениями в смешанных партнерских союзах и браках, в которых хотя бы один их партнеров не голландец, точнее - европеец (изучались последствия внутриевропейской миграции). Для исследования использовались уникальные данные собственного обследования смешанных пар в Голландии. Всего было опрошено 898 пар, из которых 674 были смешанными.

Примечательно, что смешанные пары отличаются на статистически значимом уровне от голландских по нескольким параметрам. Уровень образования в смешанных парах несколько выше, чем у "аборигенов", при этом они занимают более низкие социально-экономические позиции и испытывают меньше социальной поддержки. В среднем продолжительность мононациональных союзов чуть больше, чем смешанных. По остальным переменным статистически значимых различий нет.

Главный результат (таблица 3) регрессионного анализа заключается в том, что иммигранты в смешанных союзах склонны выше оценивать свою удовлетворенность отношениями, чем живущие в мононациональных союзах и (!) чем голландцы, живущие в смешанных союзах. Помимо этого, есть значимые различия в уровне удовлетворенности

всех респондентов в зависимости от некоторых персональных характеристик. Живущие в браке более счастливы, чем сожительствующие. Наличие детей негативно отражается на удовлетворенности отношениями. Уровень социальной поддержки положительно связан с удовлетворенностью отношениями. Также небольшой отрицательный эффект имеет продолжительность союза.

Таблица 3. Пошаговая регрессия, зависимая переменная - удовлетворенность отношениями (число наблюдений 772)

Переменная	Модель 1		Модель 2		Модель 3	
	коэф.	ст. ош.	коэф.	ст. ош.	коэф.	ст. ош.
Пересечение	8,77***	0,80	7,72***	0,31	7,30***	0,45
Тип пары (реф.: оба голландцы)						
голландец-европеец	-0,12	0,12	-0,19	0,12	-0,22	0,12
европеец-голландец	0,23*	0,11	0,27**	0,11	0,28**	0,11
Семейный статус (реф.: сожительство)						
сперва сожительство, потом брак			0,50***	0,11	0,48***	0,11
брак			0,63***	0,19	0,63***	0,19
дети			-0,45***	0,10	-0,47***	0,10
социальная помощь			0,29***	0,06	0,29***	0,06
Продолжительность отношений			-0,02*	0,01	-0,02	0,01
Возрастная близость			0,01	0,11	0,06	0,11
Пол (реф.: мужской)					-0,03	0,10
Занятость респондента (реф.: безработный)					-0,06	0,15
Занятость партнера (реф.: безработный)					-0,03	0,14
Социальное положение					-0,07*	0,04
Образование (реф.: начальное)						
среднее					-0,05	0,17
высшее					0,07	0,17
Образование партнера (реф.: начальное)						
среднее					0,02	0,15
высшее					0,17	0,15
R ²	0,01		0,10		0,12	
Изменение F для R ²	5,38*		12,00***		1,72	

*Примечания: приведенные значения – это бутстрапированные коэффициенты, основанные на 5000 бутстрап выборках. * - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$; *** - $p < 0,001$.*

В размышлении над полученными результатами авторы предполагают, что голландцы, живущие в смешанных союзах, вероятно, подвергаются большему негативному социальному давлению, чем их партнеры. Большая же удовлетворенность мигрантов в бинациональном союзе - результат, согласующийся с предыдущими аналогичными исследованиями. Также результаты согласуются с многочисленными работами, фиксировавшими более высокий общий уровень удовлетворенности жизнью у мигрантов по сравнению с людьми, не совершавшими миграции.

К сожалению авторов, сравнительно небольшой масштаб собственного обследования не позволил им надежно дифференцировать мигрантов в смешанных союзах по странам исхода. Однако небольшой дополнительный анализ вариации, в котором иммигранты были сгруппированы по макрорегионам Европы, показал, что голландцы в смешанных союзах испытывают меньшую удовлетворенность отношениями, чем выходцы из Великобритании, Северной, Западной и Южной Европы, но примерно такую же, как мигранты из стран Восточной Европы. Видимо, играют роль различия менталитета, а также, возможно, отношение к браку, семье и гендерным ролям.

A LONG-STANDING DEMOGRAPHIC EAST–WEST DIVIDE IN GERMANY

[Klüsener S., J.R. Goldstein (2016). A Long-standing demographic East–West divide in Germany // Population, Space and Place. 22(1): 5–22]

Многочисленные исследования отмечали колоссальные демографические различия между Восточной и Западной Германией. Особую популярность тема приобрела после воссоединения страны, когда объединенная статистика со всей отчетливостью проявила картину. Объяснения в основном связаны с различиями социально-экономических условий и путей развития двух Германий после Второй мировой войны. Однако Себастиан Ключнер и Джошуа Гольдштейн призывают заглянуть чуть дальше в прошлое и показывают, что и до 1945 г. Восточная Германия сильно отличалась от Западной. Для углубленного анализа авторы выбрали показатель, отражающий социальные различия в формировании семей - доля детей, рожденных вне брака. В восточной Германии рождение детей вне зарегистрированного союза стало статической нормой. Однако и в довоенные годы распространенность внебрачных рождений в Восточной части страны была выше в 2 раза (рисунок 17).

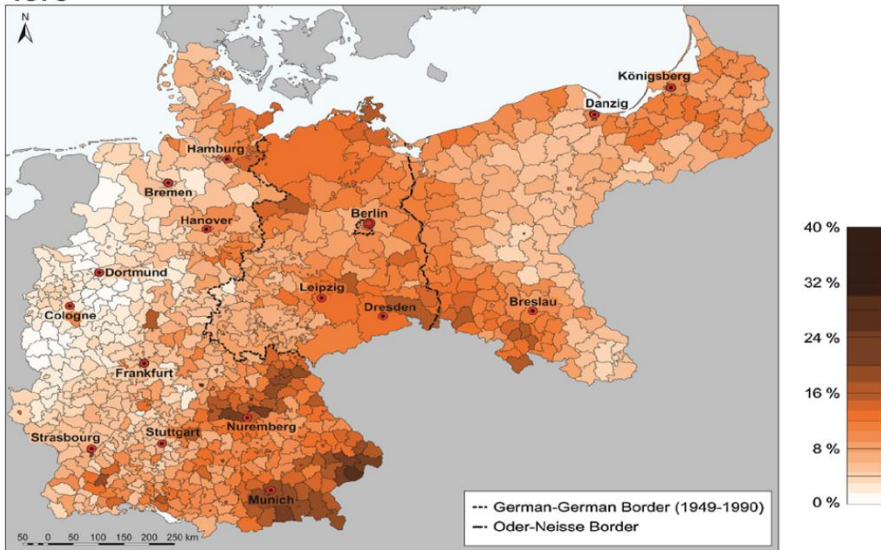
На современных данных (2009 г.) авторы дополнительно проводят регрессионный анализ, выясняя, какие характеристики матерей в наибольшей степени объясняют вероятность рождения ребенка вне брака. Подобное сравнение позволяет оценить, насколько существенным может быть сближение регионов Восточной и Западной Германии при различных сценариях изменения таких показателей, как экономическое благополучие, уровень секуляризации, национальный состав населения.

Всего авторы использовали 4 спецификации модели. Первая (базовая) модель показала, что в современной Германии вероятность рождения ребенка вне брака в 4,4 раза выше в Восточной части страны. При добавлении демографических переменных (возраст матери и очередность рождения) во второй модели этот разрыв увеличивается до 4,7. Таким образом, демографические характеристики не объясняют суть различий между Востоком и Западом. В третьей модели были добавлены социальные переменные (религиозная принадлежность, национальность и политическая активность матери, а также плотность населения в районе), в результате чего отношение шансов для Восточной Германии снизилось до 2,7. Добавление в четвертой модели экономических переменных снизило отношение шансов до 1,8. Иными словами, социально-экономические переменные объясняют часть различий, но значительный (почти двукратный) отрыв Восточной Германии по вероятности рождения детей вне брака остается.

Из прочих любопытных соотношений коэффициентов стоит отметить, что (при прочих равных значениях по всем переменным в наиболее полной спецификации модели 4) вероятность внебрачного рождения: 1) у тинэйджеров в 11-13 выше, чем у женщин в возрасте 25-29 лет; 2) максимальна при рождении первого ребенка; 3) у нерелигиозных женщин выше, чем у религиозных (вне зависимости от вероисповедания); 4) почти в 3 раза выше у африканских женщин, чем у немцев, при этом у всех прочих иммигрантов ниже, чем у немцев; 5) немного выше в регионах с большей безработицей.

A.

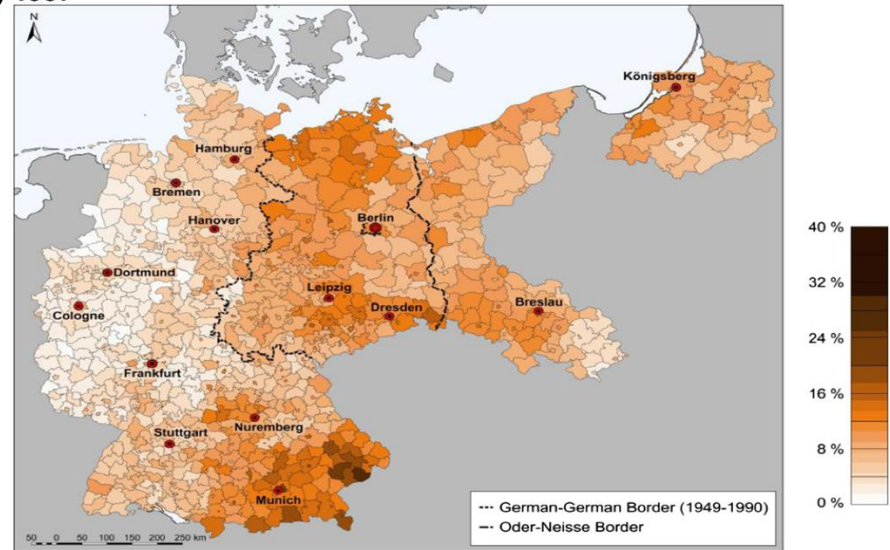
a) 1878

Source: State Statistical Offices of the German Empire, own calculations
 Base Map: MPIDR Population History GIS-Collection (2014)

Б.

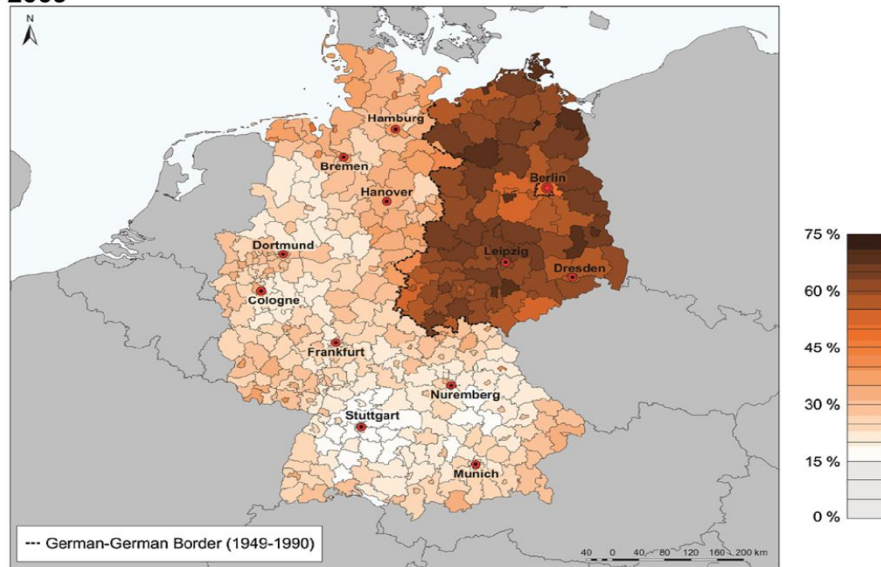
b) 1937

Source: German Imperial Statistical Office
 Base Map: MPIDR Population History GIS-Collection (2014)

В.

c) 2009

Source: Federal Statistical Office of Germany
 Base Map: BKG (2010)

**Рисунок 17. Доля внебрачных рождений в Германии:
 А – 1878; Б – 1937; В – 2009**

В заключение проведенного анализа авторы отмечают, что географические различия в распространенности внебрачных рождений в Германии появились задолго до разделения страны на ФРГ и ГДР и, скорее всего, они сохранятся в будущем даже при стремительной конвергенции прочих социально-экономических показателей.

BIRTH ORDER AND MORTALITY: A POPULATION-BASED COHORT STUDY

[Barclay K., M. Kolk (2015). Birth order and mortality: A population-based cohort study // *Demography*. 52(2): 613-639]

Кирон Барклай и Мартин Кольк задались вопросом, влияет ли очередность рождения на уровень смертности во взрослом возрасте. Для этого они проанализировали данные шведского регистра населения, содержащие информацию обо всех без исключения жителях страны. Были отобраны только случаи смерти в возрасте от 30 до 69 лет в когортах 1938-1960 годов рождения. Сравнение проводилось только "внутри семей", т.е. из оставшихся случаев смерти для анализа были отобраны только те, где имелась информация также о смерти брата или сестры из тех же когорт в том же возрастном интервале. Контрольными переменными в логистической регрессии выступали год смерти, возраст на момент смерти, принадлежность к когорте рождения и возраст матери на момент рождения.

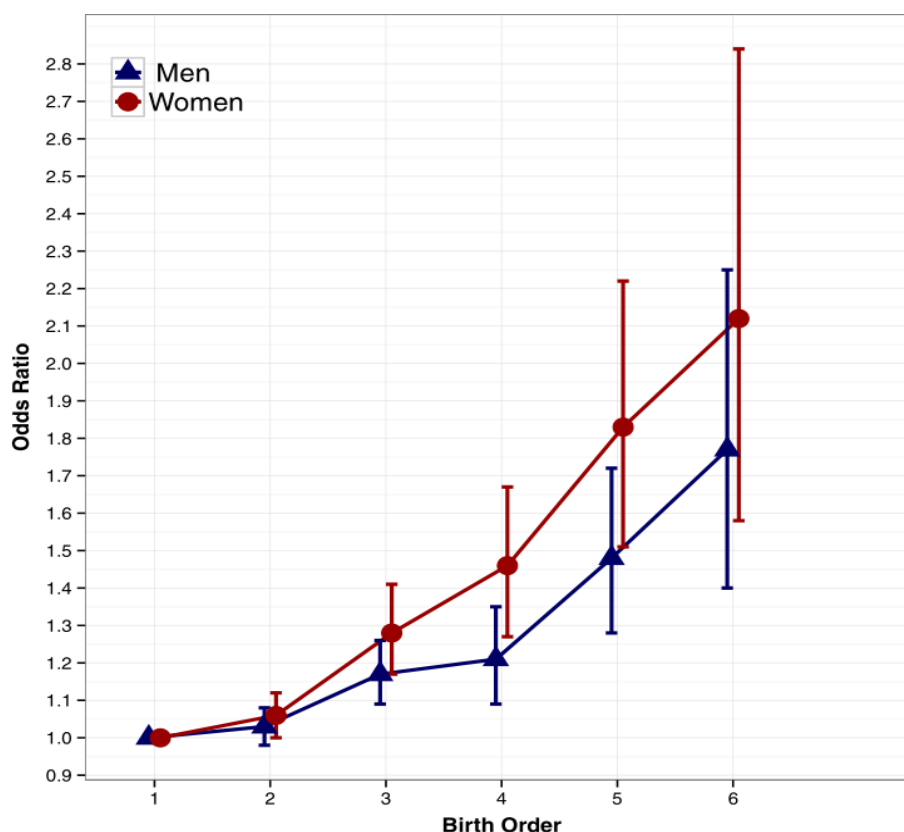

Рисунок 18. Внутрисемейные различия в вероятности смерти в возрасте 30-69 лет в зависимости от очередности рождения, Швеция, когорты 1938-1960 годов рождения

Примечание: Отрезки обозначают 95%-доверительные интервалы.

Результаты анализа показали, что вероятность смерти во взрослом возрасте выше у каждого следующего ребенка в семье (рисунок 18). При этом увеличение смертности с очередностью рождения быстрее растет у женщин, чем у мужчин.

В дополнительной модели в качестве контрольной переменной добавлен социально-экономический статус, что отчасти смягчает различия.

Сравнительно небольшой объем выборки не позволяет делать выводы при анализе смертности по причинам смерти на статистически значимом уровне, однако некоторые закономерности все же бросаются в глаза (рисунок 19). Наибольшие различия между братьями и сестрами наблюдаются в смертности от внешних причин.

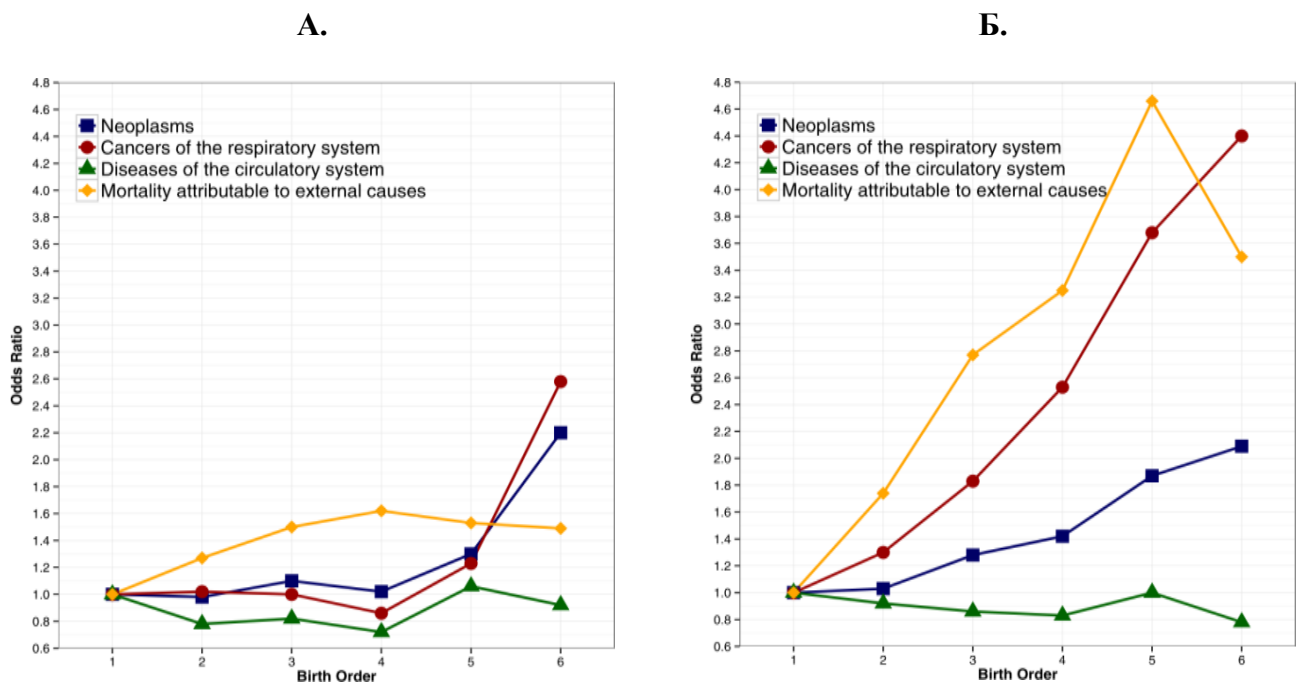

Рисунок 19. Различия по основным группам причин смерти: А - мужчины; Б - женщины

В качестве одного из возможных объяснений большего наблюдаемого эффекта у женщин авторы предлагают селективность смертности. Дело в том, что в выборку для анализа попадали лишь дожившие до 30 лет; а поскольку смертность у мужчин выше во всех возрастах, подобное ограничение означает, что попавшие в выборку мужчины прошли заведомо более "жесткий отбор", чем женщины.

Одним из наиболее существенных ограничений своего исследования авторы считают вынужденную низкую границу выбранных возрастов - 70 лет. Все же в современной Швеции большая часть смертей происходит в более зрелых возрастах. Но это ограничение относится к источнику данных. Надо набраться терпения - дальше будет интереснее.

DEMOGRAPHIC DIGEST

ILYA KASHNITSKY

ILYA KASHNITSKY. NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (RUSSIA). PhD researcher at University of Groningen (RUG) and Netherlands Interdisciplinary Demographic Institute (NIDI).

E-MAIL: ikashnitsky@hse.ru.

- Sanderson W.C., S. Scherbov. *Faster increases in human life expectancy could lead to slower population aging*
- Dukhovnov D., E. Zagheni. *Who takes care of whom in the United States? Time transfers by age and sex*
- Wahrendorf M. *Previous employment histories and quality of life in older ages: sequence analyses using SHARELIFE*
- Norberg K., J. Pantano. *Cesarean sections and subsequent fertility*
- Fox J., M. Myrskylä. *Urban fertility responses to local government programs: Evidence from the 1923-1932 U.S.*
- Herr J.L. *Measuring the effect of the timing of first birth on wages*
- Myrskylä M., R. Margolis. *Happiness: Before and after the kids*
- Switek M. *Internal migration and life satisfaction: Well-being paths of young adult migrants*
- Van Mol C., H.A.G. de Valk. *Relationship satisfaction of European binational couples in the Netherlands*
- Klüsener S., J.R. Goldstein. *A long-standing demographic East–West divide in Germany*
- Barclay K., M. Kolk. *Birth order and mortality: A Population-based cohort study*